

ОГОНЁК

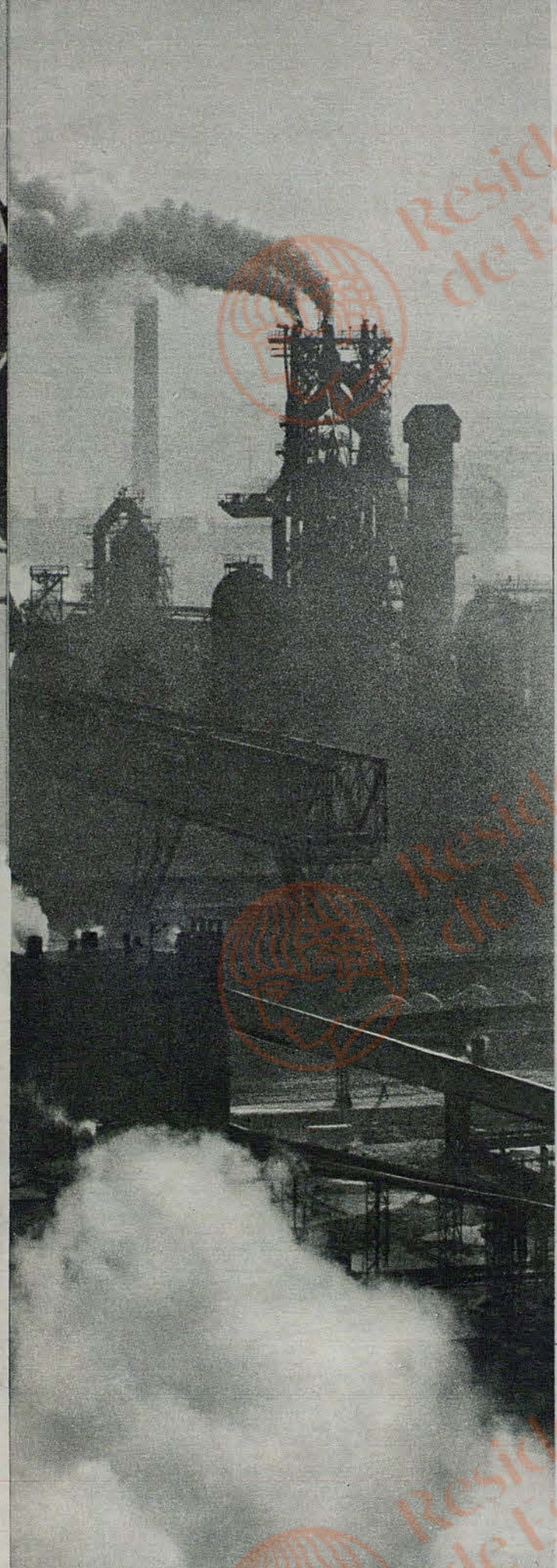
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Мировой рекордсмен Николай Гринда.

Донецкий металлургический...

В самом счастливом доме.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

45-й год издания

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 8 (2069)

19 ФЕВРАЛЯ 1967

ЧЕТВЕРТЬ ЭКВАТОРА

1. «Огонек» № 8.

О. КУПРИН

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

ВСТРЕЧАЯ 50-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ, ДОНБАСС
— готовит юбилейный подарок: сверхплановый процент
продукции своих предприятий,
— чтит память героев, отдавших жизнь за Родину,
— молодеет и становится краше.

В Донецке стоял отчаянный мороз. Что-то около двадцати пяти градусов. Для юга Украины это редкость. Мы сидели в гостинице и думали об экваторе. Из путеводителя по городу узнали, что «протяженность улиц Донецка равна четверти длины экватора». Такое сопоставление почему-то накрепко врезалось в память.

Человека нынче трудно стало удивлять: человек так привык к громадным масштабам, что у него выработался своеобразный иммунитет. «Подумаешь, десять тысяч километров... Да «ТУ-104» их покроет за...» Или что-нибудь в этом духе. Десять тысяч километров для нас пустяк. Скажи: четверть экватора, — совсем иное впечатление.

Про экватор мы впервые узнали в школе, и с тех пор это слово так и осталось для каждого из нас символом чего-то очень жаркого, длинного и далекого. А что, если попросить школьников рассказать о донецком экваторе?

Наше предложение заинтересовало директора школы № 5 Нину Евстафьевну Игнатову, и в тот же день десятиклассники получили задание написать дома сочинение о Донбассе и родном городе. Пусть эти сочинения будут нашим путеводителем в путешествии по четверти экватора.

РЕКОРДСМЕН МИРА

Хорошо написала Надя Негрич. Рассказала о том, что она видит по пути в школу.

«Сначала высокие белые дома с разноцветными балконами и широкими окнами, потом чуть дальше, за терриконами, шахты, строительные площадки, темные сплетения рам. Краны поднимают бетонные панели. Стальных троев издали не видно, и кажется, что панели, похожие на спичечные коробки, сами взмывают в воздух».

Потом Надя перечислила, что, с ее точки зрения, есть интересно в Донецке. Во-первых, конечно, шахты, во-вторых, металлургический завод, его наградили орденом Ленина, в-третьих...

— На какую шахту поехать? — решали мы.

На шахту «Октябрьскую», — о

ней упомянул автор одного сочинения, а В. Витер из 10-го «Д» даже назвал того, с кем непременно нужно познакомиться на «Октябрьской» — с Николаем Гриндой.

На шахте, в нарядной, было многолюдно. В зал со стеклянной крышей набилось никак не меньше тысячи человек. Шел концерт. Пел Муслим Магомаев. После концерта шахтеры в касках сфотографировались с популярным певцом. Стоял тут же и Николай Иванович Гринда. Обычный человек, в пиджачке и без галстука.

Когда улеглись аплодисменты и артист отправился на очередной концерт, Николай Иванович пригласил нас к себе домой — поговорить на свободе. Жены его дома не оказалось: уехала с дочкой на музыкальные занятия во Дворец культуры. Хозяин попал в пиковое положение. Разговоры разговорами, но надо и перекусить. Добрые люди давно пообещали, нас же выбил из колеи концерт.

Гринда долго чем-то гремел на кухне, пока мы не пришли ему на помощь и не сварили общими усилиями картошку. За всеми этими заботами незаметно перешли на «ты», и Герой Социалистического Труда, заслуженный шахтер республики Н. И. Гринда стал просто Колей, милым человеком, трогательно беспомощным в делах домашних.

Быть может, поэтому все то, что мы услышали позже, когда ели горячую картошку со студнем, нас по-настоящему удивило. Говорили о шахте, о новой горняцкой технике, которая за последние годы произвела настоящую революцию в труде под землей.

Десять лет назад проектная мощность «Октябрьской» исчислялась 565 тоннами угля в сутки. Сколько в то время было на шахте лав, Гринда не помнит. Вероятно, пять или шесть, или даже больше. В 1964 году привезли новый комбайн. Дали его бригаде Гринды. Осмотрели шахтеры новинку, прикинули и решили, что если комбайн немного доработать, то можно идти и на мировой рекорд. Техника экстра-класса. Рекорд в то время держали поляки с шахты «Забже» — 114 617 тонн в месяц. Потом вперед вышли чехи с шахты имени Первого мая — 118 322 тонны. Назови десять лет назад кто-нибудь такие цифры на «Октябрьской» — немедленно послали бы за психиатром. Но то десять лет назад. А тут Гринда спокойно так заявил, что к Октябрьским праздникам даст его комплексная бригада 120 тысяч тонн за месяц.

Совсем немного ошибся Николай Иванович: бригада одним комбайном из одной лавы выдала 122 340 тонн угля. Стали гриндовцы мировыми рекордсменами.

САШИНА БАБУШКА И ДРУГИЕ

Еще одно сочинение. Автор — Саша Авруцкая:

«Вся в снегу, я вбежала в дом.

— Мама, где ты? — позвала я. Мама меня не слышала, она о чем-то думала, глядя на портрет, висевший на стене. С портрета на нас смотрела женщина. Когда ее фотографировали, лет ей было, наверное, столько же, сколько сейчас моей маме. Эта женщина — моя бабушка Александра Ивановна Нарыжная».

Когда началась война, маме было 13 лет, кроме нее, в семье еще трое детей. Ее папа, мой дедушка, ушел на фронт, а все остальное в Артемовске. Пришли фашисты. Дом, где жила мама, был большой, но немцы там не жили. Правда, ночевал один, да и тот дезертир.

Однажды ночью пришли какие-то люди. На них была одежда вся в грязи, и сами изможденные, уставшие, в руках оружие. Мама потом узнала, что моя бабушка была связной между партизанским отрядом и подпольем города, а наш дом — явочной квартирой.

Бабушку арестовали, когда она шла на связь с А. И. Колпаковой. И все они погибли. Да, было много замечательных людей. Но был и предатель, из-за которого сложили головы многие подпольщики. Мне становится очень грустно, что нет этих замечательных людей с нами. Я знаю, что сейчас погибшим комсомольцам стоит памятник и на мраморе золотом высечены их имена. А школа, где до войны директором была Александра Ивановна Колпакова, названа именем этой прекрасной женщины».

Война отняла у Саши Авруцкой бабушку. У кого-то отца, сына,

Сегодня на шахте концерт. Поет Муслим Магомаев.

брата... Двадцать миллионов соотечественников потеряли мы за те годы. Если бы всех их выстроить в одну шеренгу так, чтобы каждый локтем чувствовал локоть друга, то получился бы строй длиною в четверть экватора.

Донецк помнит о них... Памятники, братские могилы, мемориальные доски, школьные сочинения, авторам которых сегодня уже больше лет, чем было их родителям во время войны.

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ УЛЫБОК В ГОД

«Я знаю Донецк в новостройках и зеленых бульварах, — пишет Люба Семенова из 10-го «Ж». — Я знаю его тихим и ласковым летними ночами, звенящим и гудящим в трудовые дни. Я узнаю его по аромату цветов и синим терриконам, похожим на египетские пирамиды. Мой город — труженник. Мой город юный. Мой город счастливый».

И сочинения подсказывают маршруты путешествия. Дворец бракосочетаний, «Белый лебедь»...

Итак, в путь. Мы едем мимо колхозного рынка, похожего на громадный цирк, и мимо цирка, пока ни на что не похожего, — он еще строится. Мы едем по Университетской улице, про которую Наташа Пожилова сообщила нам забавную подробность: «Университет открылся в 1965 году. Он расположен на Университетской улице. Эта улица была так названа тогда, когда еще не было у

нас никакого университета, но мы уже мечтали о нем».

А что такое «Белый лебедь»? В Чехословакии, в Праге, так называется большой универмаг. В Донецке тоже.

— Пражский «Лебедь» несколько лет назад отметил двадцатипятилетие, — сказал нам директор донецкого «Лебеда» Владимир Ульянович Брюшин. — Мы с ним дружим. Переписываемся. В этом году собираемся друг к другу в гости. Наш «Лебедь» гораздо моложе пражского. В августе исполнится два года.

И правда, молодой город, хотя он справит скоро столетие.

Теперь донецкий Дворец бракосочетаний. Школьникам, правда, рановато думать об этом учреждении. Но раз они пишут о нем, значит, не зря. И точно: в Донецке на фронте регистрации счастья есть кое-какие новинки. В местных газетах на том месте, где раньше пестрели грустные извещения о разводах, теперь можно прочесть следующее: «Донецкий Дворец бракосочетаний объявляет обручение: Полины Николенько и Александра Белецкого, Аллы Полтавец и Николая Шаблевского, Анны Федюшиной и Николая Добрыча... Торжественная церемония вступления в брак состоится 5 февраля 1967 года. Приглашаются родные и друзья жениха и невесты, представители общественных организаций».

Обручение происходит весьма торжественно. Нина Алексеевна Осадчая (названия для ее должности еще не придумано, и пока она числится делопроизводителем) произносит речь.

— ...Подумайте, сможете ли вы создать хорошую, крепкую семью. У вас еще есть время. А сегодня мы объявляем вас женихом и невестой. Поздравляем с обручением!

И Нина Алексеевна ласково улыбается смущенной паре. Через месяц дворец снова встретит их улыбкой. И уйдут они отсюда мужем и женой.

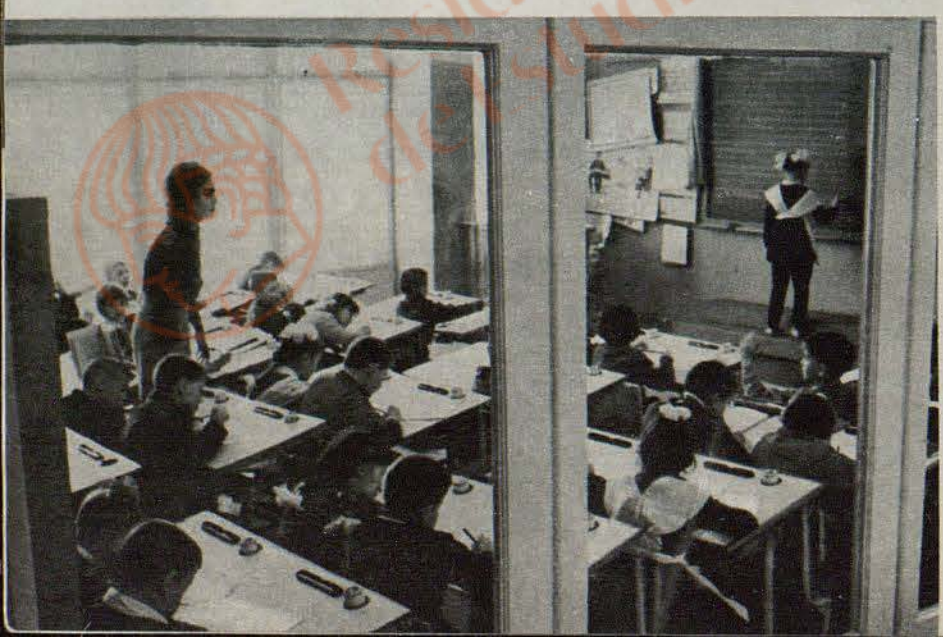
Мы не должны устывать улыбаться, потому что наша улыбка надолго остается в памяти у тех, кто сюда приходит. Так говорила нам директор самого счастливого дома в городе Галина Ивановна Медведева. — Я бы сказала так: улыбка — наш самый главный производственный показатель».

Мы подсчитали: за год во дворце бывает пять тысяч счастливых пар. Значит, пять тысяч улыбок при обручении и столько же при регистрации брака. Тут, говоря словами В. Маяковского, целый завод, вырабатывающий счастье, с планом — десять тысяч улыбок в год! А пословица гласит: улыбка, встреченная в пути, сокращает дорогу на километр. Если так, то десять тысяч улыбок соответствуют четверти экватора.

Донецкий колхозный рынок похож на цирк.

ЧЕТВЕРТЬ ЭКВАТОРА

Школа № 5 тоже донецкий новосел.

КУРС НА СОТРУДНИЧЕСТВО

В резиденции премьер-министра Великобритании Г. Вильсона на Даунинг-стрит. Слева направо — Г. Вильсон, А. Н. Косыгин, министр иностранных дел Великобритании Дж. Браун, заместитель министра иностранных дел СССР А. А. Солдатов и Председатель Совета Министров Грузинской ССР Г. Д. Джавахидшвили.

Телефото В. Егорова (ТАСС).

После восьми дней, проведенных в Великобритании, в Москву вернулся Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Прием, оказанный главе Советского правительства в ходе его официальной поездки по Соединенному Королевству, переговоры, проведенные с английскими руководителями, как и опубликованное в печати Совместное заявление, вновь подтвердили правильность пути, по которому следует Советское государство в своей внешней политике.

А. Н. Косыгин отметил в своем прощальном выступлении в лондонском аэропорту Гатвик, что беседы с английским премьер-министром Гарольдом Вильсоном были посвящены делу укрепления советско-британских отношений, делу укрепления мира. И в этом направлении, по словам Председателя Совета Министров СССР, «была проделана большая работа». Советский Союз и Великобритания договорились продолжать контакты на правительственном уровне и решили установить прямую телетайпную связь между Кремлем и резиденцией английского премьер-министра. Обе стороны пришли к соглашению по целому ряду вопросов, касающихся советско-английских торговых отношений. В ходе переговоров были также обсуждены проблемы торгового судоходства, консульских взаимоотношений, расширения воздушного сообщения, развития контактов и обменов между профсоюзными, молодежными, спортивными и другими общественными организациями обеих стран.

Снимки ЮПИ, журналов «Жен Африк» и «Ньюсуик».

ВОРОТА ДРУЖБЫ

Янош НЕМЕШ,
венгерский журналист

19 лет назад 18 февраля в Москве был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Венгерской Народной Республикой. Эти годы были важным периодом в жизни наших государств. Договор служит благом обеих стран, укреплению братской дружбы между ними. Мы, венгры, считаем договор важной осно-

вой для мирного развития республики и укрепления дружбы с Советским Союзом.

Сегодня для нас особенно важны наши связи в области экономики. Венгрия довольно бедна природными ресурсами. Из 12 важнейших видов сырья у нас есть только бокситы. Поэтому огромное значение имеет помощь Советского Союза. 60—100 процентов нефти, железной руды, чугуна, искусственных удобрений, древесины мы получаем из СССР.

Внешняя торговля играет в экономике Венгрии огромную роль. Она дает 40% национального дохода. Важнейшие наши торговые партнеры — социалистические страны, и в первую очередь Советский Союз. Не случайно пограничную станцию Чоп — Захонь у нас называют воротами дружбы. Крупнейшей статьей нашего экспорта являются станки, заводское оборудование, инструменты. Огромный советский рынок позволяет нам организовать крупносерийное производство этих товаров. Благодаря большому советским заказам выпуск автобусов, например, возрастет к 1970 году до 7 тысяч в год, 4 тысячи из них будет покупать СССР. Или другой пример. Наша страна расположена далеко от моря. Но у нас очень развито судостроение, в частности производство морских судов, которое очень рентабельно. Это стало возможным благодаря тому, что 80 процентов судов строится по советским заказам. Большим спросом пользуются в СССР и наши предметы широкого потребления. Нет такой области жизни, где бы не чувствовались плодотворные результаты советско-венгерского сотрудничества.

Американский журнал «Лук» поет дифирамбы войскам, сражающимся с вьетнамскими патриотами. Автор статьи бригадный генерал Маршалл пишет: «Их (американских солдат) нежность к детям — вот войсину средство для завоевания деревень, находившихся годами под контролем Вьетконга». Журнал «Лук» не поместил иллюстраций к статье, и мы решили восполнить этот пробел, обратившись к документальным снимкам самих американцев...

На снимке: выселение вьетнамских крестьян из родных деревень.

Венгерская пионерка Вали Мичан и ее товарищи помогли разыскать могилу младшего сержанта Андрея Батана, погибшего в боях за освобождение их родины. Как родного и близкого человека, встречали в Венгрии вдову советского воина К. С. Батан.

Это судно построено в столице Венгрии по заказу Советского Союза.

Выступая в Дар-эс-Саламе, президент Танзании Джулиус Ньерере объявил о плане строительства социализма в стране. Его речь привлекла внимание мировой общественности. Одновременно с этим президент подписал указы о национализации иностранных банков и ряда частных предприятий.

Кто послал тебя сюда, негр из Алабамы или Миссури, тебя и твоего приятеля, который уже никогда не увидит родину? О чем думаешь ты, американский негр, сидя в джунглях Вьетнама?

В Хьюстоне (Техас) состоялся очередной матч между всемирно известными боксерами — профессионалами — Мухамедом Али, известным также под именем Кассиус Клей, и Эрни Тереллом (справа). Победу одержал Мухамед Али.

Китай в эти дни

Таковую картину часто можно увидеть на улицах Пекина и других центров «культурной революции». Бесчинствующие хунвэйбины тащат на веревках через весь город ответственных партийных и государственных деятелей КНР. Их объявляют «черными бандитами» и провозят по центральным улицам под свист и улюлюканье толпы.

Хунвэйбины окружили трех «противников Мао», на которых наде- ты шутовские колпаки с их фамилиями.

В одном из китайских детских садов. Чучело, которое ребенок поражает палкой, символизирует «классового врага».

ИДУЩИЙ С НАРОДОМ

Корнелий ЗЕЛИНСКИЙ

К 75-летию со дня рождения К. А. Федина

К одному из разделов своей едва ли не лучшей (художественно) книги — «Горький среди нас» (лишь совсем недавно в полном виде переизданной издательством «Молодая гвардия») — К. Федин поставил в качестве эпиграфа слова Дидро, что для писателя важнее всего в жизни две вещи: «перспектива и мораль». Это верные слова. Речь идет, разумеется, не о той морали, которую писатель хочет внушить читателю. Нет. Речь идет о моральном облике самого художника.

В человеческом и писательском облике Федина мне особенно привлекательны его целомудрие, добросовестность и серьезность. В чем выражается целомудрие всякого писателя? В подходе к теме, к материалу. В трактовке его. Поверхностный талант упрощает задачу, срезает углы. Подлинный художник, наделенный чувством ответственности перед своей совестью, перед читателями, не идет поверху, в лоб к решению задач, поставленных перед ним жизнью. В подлинном художнике непременно таится исследователь. Он не спешит с выводами, потому что его может поправить жизнь. Им движет уважение к правде жизни и тем самым уважение к человеку.

Характерно, что в своих многочисленных произведениях, созданных более чем за полстолетия, Федина, который оглянулся на прожитые годы, не пришлось брать в руки перо, чтобы исправлять перспективу, переделывать прежние произведения.

Он словно оказался защищенным своим нравственным тактом, склонностью брать жизнь в ее философском аспекте, защищенным от романтической увлеченности поэта, которого каждый раз берут в плен краски

бытия. Но это не значит, что Федин сразу стал таким, каким мы знаем его сегодня. Он не вышел из головы Зевса в полном вооружении, подобно Афине Палладе. Нет, Федин проделал вместе со всеми советскими писателями довольно сложную идейную эволюцию. В некотором роде Федин — это живая история советской литературы.

Было нечто, что составляло ось, основу этой эволюции: во-первых, честная, добросовестная верность идеалам революционной перестройки жизни на началах человечности и справедливости, а во-вторых, нравственная цельность. Было еще и третье, внешнее обстоятельство, счастливое для Федина, — это его личная близость к Горькому. Максим Горький полюбил молодого Федина с первых его литературных опытов. Горький стал старшим другом Федина, делился с ним и своими замыслами и своими размышлениями и о советской литературе и о зарубежной, и вообще своими размышлениями общеполитического характера. Одна их переписка, пожалуй, займет целую книгу.

Но, конечно, самым главным в идейной эволюции Федина, в развитии его жизненной перспективы было развитие самой советской действительности.

По произведениям Федина можно проследить, как постепенно в советской литературе обогащались человеческие образы ведущих социальных сил революции и как углублялись критика, философское осмысление таких черт у интеллигенции, какие связаны со старым укладом жизни. Эволюция образов коммунистов у Федина — это зеркало его роста идейного и как художника. Это интересная тема, под этим углом зрения мы вправе взглянуть на историю всей советской литературы. Ее

достижения в значительной мере связаны с философскими и психологическими исследованиями тех социальных сил, которые толкали советскую жизнь по пути к коммунизму.

Примерно в начале 30-х годов новый герой оттесняет прежнего героя, пассивного, терпящего поражение. От Курта Вана к Рагозину и Извекову — вот путь Федина.

В последней трилогии, которую он уже пишет больше 20 лет («Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер»), К. Федин дал многостороннюю и в известной мере новую трактовку человеческой сущности коммунистов.

Новые ведущие герои Федина — коммунисты. Один из рабочей среды — Петр Рагозин, другой из интеллигентской — Кирилл Извеков постепенно вырастают на глазах читателя на фоне эпической картины, рисующей русскую жизнь. В образе Рагозина, прошедшего через царские тюрьмы и преследования, перед нами предстает человек, закаленный в классовой борьбе, принципиальный, одновременно жесткий и нежный, умеющий любить и ненавидеть. Федин нарисовал своих героев в соответствии с ленинским типом революционеров.

Революционная наступательность, устремленность коммуниста к преобразованию мира в представлениях Ленина не носила абстрактного характера. Эти черты у Ленина сочетались с трезвой реалистической оценкой исторической обстановки. Вот почему Ленин критиковал торопливость как проявление не-реалистического подхода к действительности.

Интересно, что К. Федин в характере русского революционера Рагозина выделил как

МОГУЧИЙ И МНОГОГРАННЫЙ ТАЛАНТ

Александр ДЫМШИЦ

Изучить созданное Константином Фединым, рассмотреть его произведения в неразрывной их связи с развитием советской литературы и эстетической теории — задача большая и увлекательная, которая может быть решена только на путях коллективных исследований. Такие исследования уже давно ведутся в критике, в научных институтах, на кафедрах высших учебных заведений. В них включились не только советские литераторы и научные работники, но и некоторые зарубежные литературоведы, высоко ценящие создания замечательного писателя нашей страны.

Недавно в издательстве «Наука» вышел подготовленный И. С. Зильберштейном большой том «Твор-

чество Константина Федина» — книга, воплощающая новые коллективные усилия исследователей биографии и произведений писателя. Об этой книге хочется сказать особо именно сегодня — в связи со славным юбилеем К. А. Федина.

Разные материалы вошли в сборник, посвященный Константину Федину. Тут и научные статьи литературоведов и критиков, и сообщения, основанные на историко-библиографических разысканиях, и публикации писем Федина, и воспоминания ряда писателей о встречах с Константином Александровичем, и, наконец, большой, солидный библиографический указатель произведений писателя и литературы о нем, вышедшей на русском языке в период с 1913 до 1964 года. Хотел-

ся дать некоторое представление об этой книге, заинтересовать ею читателей.

Прежде всего об исследовательских статьях. Первая из них говорит о месте романов Федина в истории советского романа. Это статья М. Кузнецова. Автор статьи напоминает известное определение, данное Белинским роману: поэтический анализ общественной жизни. Он показывает огромную роль романов Федина в поэтическом освоении и поэтическом рассмотрении общественной жизни нашего народа на его великом пути. Он говорит о романах Федина как о художественной эпопее, рисующей жизнь советского народа от начала революции. Мы видим особое место, которое эпические полотна Федина «Города и годы», «Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер» и другие заняли в истории советского романа. Мы видим своеобразие творческой индивидуальности Федина-романиста и вместе с тем и связи с эпическим творчеством крупнейших мастеров прозы — Горького, А. Толстого, Шолохова, Вс. Иванова, Малышкина, Фурманова, Фадеева, Леонова, Паустовского.

Нет новаторства без традиции. И вопрос о традициях Федина-художника, естественно, волнует авторов сборника о нем. Этот вопрос встает во многих статьях. Но специально посвящена важнейшей теме традиций Льва Толстого в

творчестве Федина статья Б. Брайниной, автора одной из лучших работ о писателе, неоднократно переизданной монографии. Критик подробно разрабатывает свою тему, и ее статья показывает нам и связи Федина с традициями нравственной требовательности и возмущенности, столь характерными для Толстого, и близость Федина к толстовским принципам художественного раскрытия диалектики души героев, к толстовским принципам углубленного психологического анализа. Это, безусловно, хорошая, умная, тонкая статья.

Целая группа исследований посвящена рассмотрению отдельных произведений или циклов, созданных Фединым. Это статьи: Е. Краснощековой — о новеллах писателя, относящихся к двадцатым годам, М. Борисовой — об особенностях стиля романов «Первые радости» и «Необыкновенное лето», Б. Бялика — о книгах «Горький среди нас» и В. Шкловского — о творческом пути писателя, о месте ряда произведений в развитии его художественной прозы. По-разному написаны эти статьи: у В. Шкловского — эссе, литературный портрет, у М. Борисовой — научное исследование стилистических принципов, выразившихся в известной диалогии писателя, Б. Бялик дает объективную, историчную характеристику мемуарной книги Федина о Горьком и писателях из группы «Серапионовы

ДОМ

его положительную черту именно основательность и еще другую черту — его продуманность действий, неторопливость. И, наконец, еще третья важная черта: его герои-коммунисты в своей основе добрые люди, эмоционально чуткие, хотя и могут быть жесткими, если этого требуют обстоятельства.

Эти же черты, но в иной окраске, что связано с большой сложностью натуры, мы в фединской трилогии встречаем и у другого его героя, коммуниста из интеллигентской семьи — Кирилла Извекова.

Федин в своих романах 20-х годов и в романах 30-х годов, как «Похищение Европы» и «Санаторий «Арктур», и в своих рассказах и пьесах, и в своей трилогии написал обширную портретную галерею людей советского общества. На трактовке представителей разных классов и социальных слоев — крестьян, рабочих, интеллигенции, буржуазии — поучительно отразились идейные и социальные сдвиги, которые произошли в России, превратившейся из отсталой страны, бедной и полуграмотной, в духовно сплоченное, экономически быстро развивающееся, политически монолитное общество. Рост всей страны наложил отпечаток на идейный рост и самого Федина. Федин становится в послевоенные годы и крупным общественным деятелем, руководителем после Горького и Фадеева многонационального Союза советских писателей.

В последней трилогии Федин показал себя не только мастером психологического портрета, но и глубоким знатоком интеллигентской среды (образ драматурга Пастухова).

Федина можно назвать писателем идей и реальности. В последнем смысле Федин и историк советского общества. Неторопливость

фединского повествования определяет и его стиль. В развитии сюжетов нет напряженности. Сюжет, построенный на событиях, главным образом определяется не событийностью, сюжет образуется движением характеров, их столкновениями и развитием. Федин также не строит сюжет на приключениях и драмах души. Федин тяготеет к эпосу жизненного потока. В некоторых своих произведениях, как, например, в романе «Похищение Европы», Федин выступает перед нами как политический писатель, исследующий в художественных образах основные конфликты нашего времени между капитализмом и коммунизмом. Но все же политика в чистом

виде — это не его стихия. Федин приглашает читателя всеми своими отступлениями и подробностями — и в описании времени и людей — не перелистывать страницы жизни, но медленно вчитываться в них.

Он сам, как художник и мыслитель, неторопливо читал страницы истории нашего бурного времени. Федин думал над ними, защищался от пламени событий холодом размышлений, усложненностью описаний, чтобы передать нравственную достоверность своего слова. Это главное, что подкупает в Федине, — человеческая, нравственная достоверность всего, о чем он пишет. И, наконец, его принципиальность.

братья», в рядах которой начинал свой путь Федин. Книга эта получила в свое время несправедливую оценку в некоторых критических статьях, и Б. Бялик восстанавливает истину, характеризуя межуры Федина и как правдивый источник при изучении истории советской литературы двадцатых годов и как художественно яркое произведение.

Две статьи специально посвящены эстетическим взглядам Константина Федина, его литературно-теоретическим и литературно-критическим работам. Опираясь на интереснейшую книгу Федина «Писатель. Искусство. Время», академик В. Виноградов характеризует его как теоретика литературы. С. Машинский в обстоятельной статье «Писатель в раздумьях о своем ремесле» определяет значение литературных уроков Федина, в частности специально останавливается на роли Федина как наставника молодых литераторов, продолжающего горьковские традиции воспитания начинающих писателей.

Заключает раздел статей большая работа П. Бугаенко «Изучая Федина». В ней говорится о мировом резонансе творчества писателя, высоко оцениваются мнения прогрессивных зарубежных исследователей и критиков о произведениях Федина, дается отпор клеветническим писаниям некоторых американских и западноевропейских лежучих, пытающихся

порочить путь и творчество советского писателя. Статья П. Бугаенко интересна и тем, что в ней намечается тематика дальнейших исследований Федина, определяются проблемы грядущих научных исследований его творчества.

Хочется подчеркнуть, что книга «Творчество Константина Федина» — это капитальный вклад в изучение писателя, но этим вкладом отнюдь не может ограничиться исследование творчества этого крупного мастера. Грани его таланта обильны, художественные его связи широки и разнообразны. Нетрудно представить себе и такие новые темы работ о Федине, как тема тургеневской традиции у этого писателя, которого Алексей Толстой считал одним из самых блестящих представителей именно этой традиции, как тема «Федин и музыка» (по роману «Братья»), Федин и Томас Манн (по роману «Санаторий «Арктур»), новеллы Федина тридцатых — пятидесятых годов, Федин и кино (о работах мастеров советской кинематографии над сюжетами фединских романов), Федин и Алексей Толстой, Федин и Фадеев, — работы, освещающие историю творческой дружбы больших советских писателей. Да, все это темы, еще ждущие своих авторов. И они и многие другие темы...

Чрезвычайно интересен в сборнике раздел научных сообщений. З. Левинсон, тщательно просмотрев прессу от начала десятих до

начала двадцатых годов, характеризует ряд литературных дебютов молодого Федина, расширяет наши представления о его творчестве. Ведь широкий читатель знает Константина Федина начиная с первых его рассказов двадцатых годов, с рассказа «Сад», с романа «Города и годы». З. Левинсон и далее П. Ширмаков — автор статьи «Публицистическая и литературно-критическая деятельность К. А. Федина 1919—1921 годов» — знакомят нас с первыми литературными шагами писателя, а также с его большой газетной — очерковой и публицистической — работой, через которую он шел в художественную литературу.

В разделе публикаций особую ценность представляет хроника «А. М. Горький — К. А. Федин». Она не только широко и полно показывает историю дружбы и творческих взаимоотношений Горького с одним из лучших его учеников, но и вводит в историко-литературный оборот множество неизданных материалов, почерпнутых из архивов. Интересна публикация писем Федина к писателям, редакторам, критикам. В письмах к Фадееву, Николаю Никитину, Полонскому, Эйхенбауму и другим много материалов, ценных для характеристики литературного развития двадцатых и тридцатых годов.

Превосходен раздел «Встречи с Фединым». О писателе рассказывают старые и новые друзья — люди, знающие его с начала пути

(А. Лебедев, Н. Тихонов, М. Слонимский, Е. Полонская, И. Соколов-Микитов и другие), и люди, узнавшие его позднее, — К. Симон, М. Прилежаева, Г. Марков. Из этих рассказов о Федине, в которых участвуют также и писатель К. Паустовский и издатель С. Алянский, перед читателями сборника вырисовывается прекрасный образ художника-патриота, верного сына Советской Родины, писателя, рожденного революцией и горячо преданного ее интересам.

Федин — друг Максима Горького и Романа Роллана — по своей сути истинный и боевой гуманист, видящий в гуманизме один из важнейших источников творчества. И об этом мудро и образно написал один из его старейших товарищей, Вс. Иванов, в очерке, который он озаглавил «Мастер, философ, друг»:

«...я рад, когда, поднимая глаза к моему вечернему небу, среди звезд великого Млечного пути (литературы. — А. Д.) я вижу звезду Федина. Она блещет ясным и ярким серебристо-лучистым блеском. Это — блеск веры в лучшие и добрые силы человечества и поэзии! Я счастлив, видя этот блеск».

Это очень хорошие слова. Их хочется применить и к оценке книги о Федине, которая помогает читателям ощутить свет творчества и тепло души этого большого писателя.

Фото М. Альперта.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Валентин КАТАЕВ

— Ваня, к тебе! — крикнул толстячок московской скороговоркой.

Мы сразу поняли, что это старший брат Ивана Алексеевича, тоже литератор, пишущий на педагогические темы.

— Кто именно? — послышался голос из-за двери.

— Молодые поэты.

— Сейчас.

И на пороге террасы, пристегивая заграничные подтяжки, появился академик Бунин, мельком взглянул на нас и тотчас скрылся, а через минуту снова вышел уже в другом ритме и вполне одетый.

Многие описывали наружность Бунина. По-моему, лучше всего получилось у Андрея Белого: профиль кондора, как бы заплаканные глаза, ну и так далее. Более подробно не помню.

Потом я слышал, что глаза у Бунина были прелестно-голубые, но я этого не заметил. Хотя вполне допускаю.

Перед нами предстал сорокалетний господин — сухой, желчный, щеголеватый — с ореолом почетного академика по разряду изящной словесности. Потом уже я понял, что он не столько желчный, сколько геморроидальный, но это не существенно.

Хорошо сшитые штучные брюки. И английские желтые полуботинки на толстой подошве. Вечные. Борода темно-русая, писательская, но более выхоленная и заостренная, чем у Чехова. Французская. Недаром Чехов называл его в шутку господина Букшион. Пенсне вроде чеховского, стальное, но не на носу, а сложенное вдвое и засунутое в наружный боковой карман полуспортивного жакета, может быть, даже в мелкую клеточку.

Крахмальный воротник, или, как тогда говорили, воротнички, высокий и твердый, с уголками, крупно отогнутыми по сторонам корректно-лилового шелкового галстука, подобно уголкам визитных карточек из наилучшего бристольского картона. В двадцатых годах я бы непременно написал: бристольский воротничок. Это у нас тогда называлось переносом эпитета. Кажется, я сам изобрел этот литературный прием и ужасно им злоупотребил. Нечто вроде инверсии. Так-то, братцы!

Но до двадцатых годов было еще ой как далеко, целая вечность!

Теперь я так писать стесняюсь. Постарел. Остепенился. Пора и о душе подумать. Стал мовистом.

Бунин взглянул на нас строго-официально и с далекого расстояния протянул нам вытянутые руки — одну мне, другую Вовке Дидрихштейну, — но

не для рукопожатия, а для того, чтобы взять у нас наши стихи.

Вовка Дидрихштейн, или, как он подписывался, Вл. Дидерикс фон Дидрихштейн, был тоже молодой поэт, но гораздо старше меня, богатый студент в штатском: кремовые фланелевые брючки, пестрый пиджачок, твердая соломенная шляпа канотье, толстый золотой перстень с фамильной печатью, белобрысая обезьянья мордочка остзейского немчика с виднеющимися редкими зубами. Типичный последний отпрыск.

Повинуясь неподвижному взгляду Бунина, мы вложили в его протянутые руки свои сочинения: Вовка вложил только что напечатанную на свой счет книжечку декадентских стихотворений на бумаге верже с водяными знаками и в обложке в две краски под названием «Блеклый венок», а я — «общую тетрадь», которую вытащил из-за гимназического пояса с сильно побитой металлической бляхой.

Крепко сжав хватками пальцами наши сочинения, Бунин велел нам явиться через две недели, корректно поклонился одной головой, давая понять, что аудиенция кончена, и удалился, а его брат Юлий сказал, что Ваня торопится в гости, и проводил нас несколько шагов по каменной террасе до ступенек, которые вели на садовую дорожку, покрытую пыльным, скрипучим гравием, подобно всем дорожкам на одесских дачах.

Ровно через две недели — минута в минуту — мы опять стояли на знакомой террасе, через перила которой к нам тянулись багрово-оранжевые сосисочки — соцветия растения, названия которого я тогда еще не знал и узнал только лет через пятьдесят.

— Ваня, к тебе, — сказал толстячок в дверь.

— Кто? — послышался раздраженный голос.

— Молодые поэты.

— Сейчас.

И на пороге стеклянной двери, как и в первый раз, появился Бунин с протянутыми руками, в которых держал наши сочинения, причем не ошибся: Вовке Дидрихштейну он протянул его книжечку, а мне — мою тетрадь.

— Я прочел ваши стихи, — сказал он строго, как доктор, обращаясь главным образом к Вовке, что несколько меня задело, лишней раз подтвердив мое наблюдение, что если я нахожусь среди какой-нибудь, пусть даже самой небольшой компании, то меня или вовсе не замечают или замечают в последнюю очередь. — Ну что же? Трудно сказать что-нибудь положительное. Лично мне чужда такого рода поэзия.

Вовка глупо, но заносчиво улыбнулся.

— Вам бы, — продолжал Бунин, — следовало обратиться к какому-нибудь декаденту, например, к Бальмонту. А я, что же я могу сказать... Затрудняюсь. Манерно. Кокетливо. Неопределенно, неясно, претенциозно, наконец, зачастую просто не по-русски...

— Да, но разве вы не признаете в поэзии заумного? — отважно прервал его Вовка, облизывая бесформенные слюнявые губки. — Сейчас это многие признают.

— Быть может. Но я полагаю, раз оно заумное, то значит, по ту сторону ума, то есть глупость. — сказал Бунин.

Я затрепетал оттого, что в моем присутствии родился настоящий литературный афоризм, но не растерялся и сейчас же протянул Бунину его большой коричневый фотографический портрет на сером паспорту, купленный накануне за один рубль серебром у фотографа, который выставил его для рекламы в витрине своего ателье на Ришельевской улице, в знаменитом одесском шестизэтажном небоскребе, построенном из желтого кирпича в мавританском стиле.

На фотографии — под папиросной бумагой, как невеста под фатой, — было изображение Бунина, который сидел в каком-то железном садовом кресле, схватившись сухими руками за подлокотники и вытянув вперед к зрителям ногу, заложенную за ногу, так, что заграничные полуботинки оказались на первом плане и вышли со всеми своими подробностями: толстой подошвой, дырочками вокруг союзок, кожаными шнурками, завязанными бантом, в то время как характерная голова академика с выдающимся дворянским затылком вышла несколько менее крупной, чем мне бы хотелось; даже отборный садовый гравий на переднем плане вышел куда более выразительно, чем все остальные аксессуары этой фотографии.

Увидев в витрине эту фотографию, я побежал домой и почти со слезами выпросил у тети рубль, который с меня запросил бездарный, но хитрый фотограф, смекнувший, что имеет дело с молодым поэтом, поклонником столичной знаменитости.

Теперь я извлек из пожелтевшей газетной бумаги портрет и подал его Бунину.

— Вы хотите, чтобы я вам что-нибудь написал на память? — спросил Бунин бесстрастно, но, как это ни странно, я вдруг понял, что в глубине души он польщен и моим смущением и своим портретом, на который искоса взглянул, по-видимому, тут же отметив про себя весь его провинциализм, начиная от серого паспарту и кончая папиросной бумагой третьего сорта. — Но что же вам написать, вот вопрос?

— Напишите, если можно, то, что вы только что сказали.

— А что я сказал? — удивился Бунин.

— Ну как же... Вы сказали, что заумное, так сказать, — это глупость.

— Разве я это сказал?

— Конечно, сказали.

Бунин на минуту задумался, но сейчас же извлек из внутреннего кармана жакета автоматическую ручку, что по тем временам было большой новостью, и отвинтил головку.

— Извольте. Ваше имя?

Я сказал.

Он положил портрет на гипсовую балюстраду и четкой клинописью написал в левом верхнем углу, где было посвободнее от аксессуаров: «Валентину Катаеву. Заумное есть глупость. Ив. Бунин».

Я был в восторге, а Вовка Дидрихштейн кусал свои мокрые губки от зависти, проклиная себя за то, что не догадался купить портрет Бунина.

Больше всего понравилось мне большое прописное Б в подписи Бунина, верхняя черта этой буквы вначале необыкновенно толстая, а затем сходящая на нет вроде клинописной литеры или жирного восклицательного знака, поставленного горизонтально, или же даже редьки с тонким хвостиком. Я уже не говорю о том, как было лестно видеть свое имя, написанное рукой знаменитого писателя.

Проводив нас на этот раз до ступеней террасы, Бунин попрощался с нами, пожав наши руки: сначала Вовке, потом мне.

И тут произошло чудо. Первое чудо в моей жизни.

М. В. ДОБУЖИНСКИЙ. Эскизы занавеса и костюмов к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Исполнены в 1933—1934 годах. Постановка не была осуществлена.

М. ДОБУЖИНСКИЙ. Пейзаж города N.

Сквозник-Дмухановский, городничий

Хлестаков, чиновник из Петербурга

Анна Андреевна
Ляпкин-Тяпкин, судья

Будочник
Жена Растаковского

Когда Вовка Дидрихштейн уже начал сходиться по ступеням, Бунин слегка попридержал меня за рукав моей гимназической коломьянковой куртки и произнес негромко, как бы про себя:

— Приходите как-нибудь на днях утром, потолкуем.

Говоря это, он осторожно вытянул у меня из-под мышки тетрадь со стихами и спрятал ее за спину.

Легко можно представить, в каком состоянии я находился в течение тех четырех или пяти дней, которые с невероятным трудом заставил себя пропустить для приличия, чтобы не побежать к Бунину на другой же день.

И вот, наконец, я мчался в пустом утреннем вагоне электрического трамвая с плетеными из тростника откидными диванчиками за город, на дачу Ковалевского, и все время с левой руки за обрывками показывалось из пыльной зелени и пропадало море, а справа мелькали дачные пятачки, усыпанные сухой шелухой подсолнуха, с киосками прохладительных напитков, почтовыми отделениями и даже в одном месте летним театром с гипсовой лирой над входом, где давались любительские спектакли, и трамвайный ролик бежал по медному проводу, рассыпая искры, казавшиеся при блеске ослепительного утреннего солнца и такого же ослепительного моря черными, как угольки, а провод в это время пел виолончелью, и на крутых поворотах визжали и ныли тормоза, а я стоял на площадке новенького бельгийского вагона, держась за железный столбик, и высовывался в открытую дверь для того, чтобы ветер охладил мою горячую голову с постриженными под машинку волосами.

Наконец, пустой дачный сад, скрип пыльного грабля, степной полевой ветер, каменная веранда и красные соцветия еще не имеющего имени, но уже знакомого выходящего растения. У входа в цветник, рдеющий на солнце красным цветом петушиного гребня, в воздухе стояла оса.

Однажды, значительно позже, я прочел у Пастернака волшебные строки: «Голоса приближаются: Скрябин. О, куда мне бежать от шагов моего божества!»

И под его все теми же заграничными полуботинками зазвучали каменные потертые плиты веранды. На нем была свежесглаженная холщовая блуза с нагрудным кармашком, оседланным стальным пенсне с черным шнурком.

Но, вероятно, в мире уже что-то произошло или в это время происходило — роковое и непоправимое, — потому что хотя стояло все то же горячее приморское утро, но дача уже не показалась мне римской виллой, и над кубовой полосой беспокойного Черного моря я не увидел красных парусов Неаполитанского залива, а комната, куда меня пригласил хозяин, была аскетически проста, как дворничья, с белеными стенами, ярким полом, выкрашенным масляной краской, в янтарно-охряных досках которого лазурно отражалось небольшое окно, с кухонным столом, аккуратно застланным листом алой промокательной бумаги, надежно придавленной к столу кнопками, на котором я заметил четвертушку почтовой бумаги с начатыми строчками, а на раскаленном, сияющем подоконнике на четвертушке такой же почтовой бумаги сохла горка влажного турецкого табака, и рядом с ней я увидел коробку с воздушно-крахмальными гильзами фабрики Конельского, стальную машинку для набивания, сверкающую на солнце своими медными застегивками, и стальную палочку с круглой, некрашеного дерева рукояткой, приготовленные для набивки новой папиросы, в то время как в воздухе еще стоял синеватый дымок только что выкуренной, а сам Бунин уже не казался мне таким строгим, и в его бороде было больше чеховского, чем в прошлый раз. И мы сели на два буковых венских стула, гнутых, легких и звонких, как музыкальные инструменты, и он положил на стол мою клеенчатую тетрадь, разглядел ее сухой ладонью и сказал:

— Ну-с.

...но как же все это случилось? Что между нами общего? Почему я его так страстно люблю? Ведь совсем недавно я даже не слышал его имени. Хорошо знал имена Куприна, Андреева, Горького, слышал, что есть Арцыбашев, Юшкевич, Чуриков — тот самый, о котором будто бы Лев Толстой сказал: «Как его... Чуриков, Чуриков...» А о Бунине совершенно ничего не слышал. И вдруг в один прекрасный день, совершенно неожиданно, он стал для меня божеством.

Давайте разберемся.

Я уже давно писал стихи и находился, как все молодые поэты, в состоянии вечного душевного смятения: бегал по редакциям местных газет без всякого разбора, читал свои стихи кому попало в гимназии на переменах, спрашивал мнение товарищей, домашних, папы, тети, мучил своими произведениями младшего братишку Женю — будущего Евгения Петрова, — посылал свои стихотворения бабушке в Екатеринослав, даже прослыл у знакомых гимназисток слегка сумасшедшим. И все это лишь потому, что никто не мог мне объяснить какой-то, как я тогда думал, самый главный секрет, открыть какую-то самую сокровенную тайну поэзии, не обладая которой можно было и впрямь свихнуться, не понимая, для чего все это пишется, что означают все эти давным-давно, еще со времен Ломоносова, известные рифмы, размеры, строфы, тысячу раз уже писанные кем-то раньше, тысячу раз читанные-перечитанные и, по сути дела, по внутреннему ощущению ничего общего не имеющие лично со мной, с моей жизнью, с моей судьбой, с моими интересами, какие-то бледные, «холодом дышит» природа немая, бешено волны седые кипят и прочее.

Это же, по-видимому, испытал в свое время и Маяковский, о котором я тоже собираюсь кое-что рассказать в этой книге. В своей биографии он пишет:

«...Вышло ходульно и ревлаксиво. Что-то вроде: «В золото, в пурпур леса одевались, солнце играло на главах церквей. Ждал я: но в месяцах дни потерялись, сотни томительных дней».

Исписал таким целую тетрадку...»

Никто мне ничего не мог сказать, и ничего я не слышал, кроме того, что «вообразите себе, Валя пишет стихи, хотя, впрочем, в его возрасте все пишут».

В редакциях:

— Стихи? Отлично. Оставьте. Приходите через две недели. Рукописи не возвращаем.

Через две недели:

— Не пойдет.

— Почему?

— Потому, что мы буквально завалены стихами, а мы стихов вообще не печатаем.

Или вдруг неожиданное счастье:

— Одно взяла.

— Какое?

— Я уже не помню. Там что-то про природу. Восемь строк. На подверстку.

И лишь один раз в редакции «Одесских новостей», заваленный узкими гранками, испятнанными черными оттисками пальцев, известный журналист Герцо-Виноградский, который под псевдонимом Лознгрин вел ежедневный фельетон короткими, рубленными строчками, односложными абзацами, а-ля великий король фельетонистов Влас Дорошевич, человек с худым интеллигентным лицом и длинными усами Верхарна, мельком взглянув на меня сквозь все то же стальное чеховское пенсне, вдруг чем-то во мне заинтересовался — трудно сказать, чем именно — может быть, просто по-человечески пожалел, потому что я так неестественно кашлял от смущения, имитируя «слабые легкие», так нервно ломал лаковый козырек своей гимназической фуражки, прожженный в нескольких местах увеличительным стеклом, так стеснялся своих вулканически красных, так называемых «возрастных» прыщей на худом китайском подбородке... Он ласково отстранил доброй рукой мои свернутые в трубку стихи и сказал с простотой и открытостью, потрясшей меня:

— Слушайте, ну, допустим, я попрошу вас зайти через неделю и потом скажу, что стихи не подходят потому, что мы вообще стихов не печатаем, хотя мы их изредка и печатаем, и потому, что стихи сырые, хотя они действительно, может быть, сырые. Но какое это имеет значение? Хотите знать святую правду? Вы принесли мне стихи, а я — вот даю вам честное слово порядочного человека, — ну совершенно, абсолютно ничего не понимаю в стихах и поэтому ничего вам не могу посоветовать путного. И никто у нас в газете равно ни черта в поэзии не понимает. Можете мне поверить. Только делают вид, что понимают. Так что я вам посоветую: дайте свои стихи прочесть настоящему писателю. Понимаете, а с т о я щ е м у.

Он подчеркнул это слово и уставился на меня добрыми склеротическими глазами.

— У нас в Одессе, — сказал он, — живет один настоящий писатель. Юшкевича я не считаю. Алек-

сандр Митрофанович Федоров. Вы, наверное, о нем слышали?

— Не слышал.

— Чехову нравилось его стихотворение: «Шарманка за окном на улице поет, мое окно открыто, вечернее». — Он снял пенсне и вытер платком слезы.

— Вот видите. А еще хотите быть писателем. А. Федоров. О нем даже есть в Энциклопедическом словаре.

Мне было ужасно неловко за свое невежество, и я виновато молчал, терзая в опущенных руках свою фуражку и выламывая веточки герба. Но тут меня осенило: А. Федоров. Не папа ли это реалиста Витки Федорова, с которым мы одно время жили рядом в «Отраде» и даже немного дружили. Помните, Витка хвастался, что у него батя писатель.

— Он не в «Отраде» живет? — спросил я.

— Жил в «Отраде», а теперь выстроил собственную дачу рядом с башней Ковалевского.

— Я товарищ его сына Витки.

— Верно, у него есть сын Витя. Так вы, я вам серьезно советую, не откладывая и поезжайте. Он хороший поэт, ученик Майкова, — прибавил он таинственным шепотом. — Он может дать вам ряд полезных советов. Это единственно разумное, что вы можете сделать. У вас что — легкие не в порядке?

— В порядке. Это я так. У вас здесь в редакции очень жарко.

— С богом.

Так как на даче не было ни души, я беспрепятственно прошел через все комнаты и остановился в дверях кабинета, где за письменным столом сидел, как я сразу понял, сам А. М. Федоров на фоне громадного, во всю стену, венецианского окна с дорогами шпингалетами, на треть занятого морем, большефонтанским берегом и маяком, а на две трети облачным небом ранней весны, еще холодной и хмурым, со штормами и неправдоподобно большими почками конского каштана, как бы густо обмазанными столярным клеем.

А. М. Федоров задумчиво, с паузами, заносил что-то в объемистую записную книжку. Наверное, пишет стихи, подумал я и вступил в комнату, с ужасом слыша скрип своих новых ботинок.

— Здравствуйте, — сказал я, прокашлявшись.

Он нервно вздрогнул всем телом и вскинул свою небольшую красивую голову с точеным, слегка горбатым носом и совсем маленькой серебристой бородкой: настоящий европейский писатель, красавец, человек из какого-то другого, высшего мира; с такими людьми я еще никогда не встречался; сразу видно: утонченный, изысканно-простой, до кончиков ногтей интеллигентный, о чем свидетельствовали домашний батистовый галстук бантом, вельветовая рабочая куртка, янтарный мундштук, придавая ему нечто в высшей степени художественное.

— Здравствуйте, — еще раз сказал я, шаркая ногой.

Он схватился кончиками пальцев за седящие виски. В его глазах мелькнуло безумие.

— Ах, как вы меня испугали! Нельзя же так. Я думал бог знает что... Пожар... Что вам угодно?

— Я товарищ Виты.

— Витя в училище, — с недоумением сказал он. — А почему вы не в гимназии? Или, может быть, с Витей что-нибудь случилось? — закричал он, вскакивая. — Ради бога, говорите, что с ним случилось!

— Ничего не случилось.

— Он жив?

— Наверное. А чего?

— Это я вас должен спросить: а чего? И почему вы не в гимназии?

— Так.

— Странно.

— Я не к Витке пришел, а к вам.

— Комне? — удивился Федоров.

Но, прежде чем я успел вытащить из кармана шинели свои рукописи, он все понял и заметался, как подстреленный.

— Стихи? Нет, нет! Только, умоляю вас, не теперь. Вы же видите, я занят. В эти часы я никого не принимаю. Как вы сюда попали?

Он отпрянул от меня и смотрел с ужасом на мои рукописи, которые я уже начал торопливо перелистывать. Мы были во всем доме одни. Его положение было безвыходным.

— Лида! — крикнул он слабым голосом, но, вспомнив, что она уехала в город за покупками, махнул рукой и сдался.

Обливаясь потом и все время кашляя, я прочитал ему свои стихи. Он сделал томным, красивым голосом избалованного жеманщиной известного писателя несколько вялых замечаний, а потом разошелся, и, когда я спрятал свою рукопись, он, несколько

юмористически сверкнув глазами, погладив кисточку своей серебряной бородки, сказал сладостно-кондитерским голосом:

— Ну уж, так и быть. Теперь моя очередь. Держитесь, Валя. Сейчас я вас убью. — С этими словами он вынул из письменного стола толстую сафьяновую тетрадь и один за другим стал с упоением читать сонеты, написанные, как он объяснил, вчера во время бессонницы, в один присест, залпом. «Седые пейсы. Острый взгляд. Шейлок. Неровными зубами, торопливо, он развязал заветный узелок. Тайлось в нем сокровище на диво: жемчужина Персидского залива. Из мрака он на свет ее извлек и сам, гордясь, любоваясь ревниво» и так далее и шикарный конеп: «Она живет и дышит и — о боже! — я слышу вздох: зачем меня хавас достал со дна для этих жадных глаз!»

Разумеется, я был убит наповал. Вот это настоящий поэт! И с этого дня стал страшным почитателем и учеником Федорова, который вскоре привлек ко мне и не без томоности говорил знакомым: — Это Валя. Молодой поэт. Мой талантливый ученик. Мы читаем друг другу стихи.

Эта идиллия продолжалась довольно долго, но закончилась как-то вдруг, когда в один прекрасный день расчувствовавшийся Федоров томно сказал:

— Ах, Валя... Все это, откровенно говоря, вздор. Хотя мой учитель Майков и считал меня самым талантливым своим учеником и предсказывал мне блестящую будущность, — при этом Федоров посмотрел на фотографию старика с черно-серой бородой, в строгих железных очках — поэта Майкова — с автографом, — но, по совести, какие мы с вами поэты? Бунин — вот кто настоящий поэт. Вы читали Бунина?

— Нет.

— Вы не знаете стихов Бунина? — ужаснулся Федоров. — И ничего о нем не слышали?

— Смутно, — соврал я. — В каком-то журнале. Длинно и скучно. Даже, кажется, без рифм. Впрочем, кажется, это был не Бунин.

Федоров с молчаливым укором посмотрел на меня, подошел к громадному, во всю стену, книжному шкафу, вытянул с полки книгу и стал ее перелистывать.

Мелькнула дарственная надпись с большой — прописной клинописной буквы Б.

— «Все море — как жемчужное зеркало, — читал Федоров, держа в руках открытую книгу, но не глядя в нее; читал своим красивым, несколько актерским тенором, дрожащим от неподдельного восхищения. — Сирень с отливом млечно-золотым. И как тепло перед закатом стало, и как душист над саклей тонкий дым! Вот чайка села в бухточке скалистой, — тут Федоров, повернув свою небольшую, скульптурную голову, посмотрел в окно, в черноморскую даль, слегка прищурившись, с таким вниманием, словно и впрямь видел Кавказское побережье с саклей, эту самую скалистую бухточку и чайку, сидевшую в ней. — Вот чайка села в бухточке скалистой, — как поплавок... Взлетает иногда и видно, как струей серебристой сбегает с лапок розовых вода».

Я был поражен. Передо мной вдруг открылась совсем простая тайна поэзии, которая до сих пор так упорно ускользала от меня, приводя в отчаяние.

Я уже давно, хотя и смутно, понимал, что уметь составлять стихи еще не значит быть поэтом. Легкость версификации уже перестала обманывать меня. Внешний вид стихотворения, так отличавшийся от прозы, со своими отдельными четверостишиями, особым щегольством типографской верстки, с тремя звездочками, многоточиями и другими красивыми общеизвестными ухищрениями, хотя и продолжали оказывать на меня какое-то гипнотическое действие, но временами уже начинали раздражать. У меня даже зародилась глупейшая мысль, что можно в маленькую ученическую тетрадку «для слов» записать попарно все существующие рифмы, затем вызубрить, как таблицу умножения, все существующие стихотворные размеры — ямбы, хорей, амфибрахий — что, в общем, не составляло большого труда, и дело в шляпе! Что же касается самого содержания, то оно общеизвестно и вполне доступно: мечты, грезы, печаль, тоска, любовь, сад, луна, река, свидание, страсть, цветы, осень, весна, зима, реке лето, поцелуй, ночь, утро, вечер, реке полдень, измена, горькая судьбина... Мало ли чего! Разумеется, в большом количестве море, волны, заливы, бури, чайки, — но все это вообще. Даже очень может быть бухта. Но бухта вообще. Не подлинная, а книжная. Не вызывающая никаких особенно ясных представлений.

Но тут была, во-первых, не бухта, а бухточка, и, во-вторых, не вообще бухточка, а скалистая, то есть такая, какую я много раз видел где-нибудь в Аркадии или на Малом Фонтане и любовался ею, никак не предполагая, что именно она и есть предмет настоящей поэзии. Чайка была тоже не абстрактная — чайка книжных вишенок и кончиков, а вполне реальная черноморская чайка — подруга большефонтанского маяка, в данном случае севшая в скалистой бухточке, как поплавок, — сравнение буквально сразившее меня своей простотой и почти научной точностью: уж я ли не знал, как плавают в морской воде двцветный пробковый поплавок — такой легкий, устойчиво покачивающийся на прибрежной волне, с торчащим кончиком гусяного пера.

Бунин открыл мне глаза на физическое явление поплавок, имеющего — по-видимому! — такой же удельный вес, как и чайка со своими полными костями и плотным, но чрезвычайно легким, просаленным, непромокаемым оперением, как бы пропитанным воздухом.

Вода, серебристой струей сбегаящая с розовых, тоже непромокаемых лапок, была так достоверна, — теперь бы я сказал — стереоскопична, — словно я издали смотрел на нее в хороший морской бинокль, увеличивающий в пятнадцать раз.

Я увидел чудо подлинной поэзии; передо мной открылся новый мир. В тот же вечер я попросил папу купить мне книгу стихотворений Бунина. Отец посмотрел на меня сквозь пенные глаза, на которые, по-моему, навернулись слезы умиления: наконец его оболтус взялся за ум. Он просит купить ему не коньки, не футбольный мяч, не духовой пистолет, не теннисную ракетку, а книгу. И не «Шерлока Холмса» Конан Дойля, не «Тайну желтой комнаты» Мориса Леблана, а прекрасную книгу русского поэта. Быть может, это был единственный подлинно счастливый день в его жизни. Отцы это поймут. А дети тоже поймут. Но не теперь, а со временем.

На другой день, вернувшись домой с уроков, он вручил мне в передней завернутый в прекрасную тонкую, плотную оберточную бумагу, от которой пахло газовым освещением писчебумажного магазина «Образование», пахло глобусами, географическими картами, литографиями толстенный сборник стихотворений Ив. Бунина издательства «Знание» 1906 года в скучно-зеленоватой шагреновой бумажной обложке, в которой чувствовалось что-то неуловимо социал-демократическое.

Теперь же я сидел перед Иваном Буниным, следя за его рукой, которая медленно перелистывала страницы моей общей тетрадки. На потертых углах этих страниц, выкрашенных по ребру красной краской, был нарисован во множестве один и тот же условный человек в разных позах, так что стоило нажать большим пальцем угол тетради и быстро пустить уголки страниц, то в их мелькании возникнет движущаяся картинка размахивающего руками человека — нечто вроде современной мультипликации: нарисованный человек в течение нескольких секунд — в зависимости от толщины тетради — будет поднимать руки и дрыгать ногами.

На углах самого толстого из всех гимназических учебников — «Природоведение» — некоторые терпеливые ученики умудрялись даже изображать бокс или смертельный прыжок с шеста в воду легендарного циркового артиста Дауарилла.

Не обращая внимания на человека, Бунин перелистывал мою тетрадь, всю изрезанную по клетке черного переплета якорями, сердцами и стрелами. Он останавливался на некоторых стихотворениях, несколько раз про себя перечитывая их, иногда делал короткие замечания по поводу какой-нибудь неточности или неграмотности, но все это — коротко, необидно, деловито. Когда он не разбирал моего почерка, то надевал пенсне и спрашивал: — Какое это слово?

И никак нельзя было понять, нравятся ему стихи или не нравятся.

Через много лет после этого я слышал, как Станиславский сказал на репетиции «Растратчиков» одному актеру:

— Можете играть хорошо. Можете играть плохо. Меня это не интересует. Мне важно, чтобы вы играли верно.

Думаю, тогда Бунин тоже искал в моих стихах — где верно. Остальное ему было безразлично.

Дойдя до одного стихотворения, где я описывал осень на даче (ну уж, разумеется, на даче А. М. Федорова), Бунин, не торопясь, прочитал его вполголоса и остановился на последней строфе, где мною в поэтической форме была выражена та мысль, что поэт, он же живописец (дело в том, что Федоров занимался так же и живописью), написав натюрморт: глиняный кувшин с астрами, как бы спас эти последние цветы от смерти, дал им на своем полотне вечную жизнь или что-нибудь в этом роде.

«А в кувшине осенние цветы, их спас поэт от раннего ненастья, и вот они, — остатки красоты, — живут в мечтах утраченного счастья».

Бунин поморщился, как от зубной боли.

— Вы, собственно, что здесь имели в виду? — спросил он деловито. — По всей вероятности, мастерскую Александра Митрофановича во втором этаже, где он пишет свои натюрморты? В таком случае, лучше было бы написать так.

Бунин перечеркнул последнюю строфу карандашом, а на полях написал:

«А в кувшине осенние цветы. Их спас в саду поэт от ранней смерти».

Он немного подумал и затем решительно закончил:

«Этюдники. Помятые холсты. И чья-то шляпа на мольберте».

Я был поражен той точностью, краткостью, вещественностью, с которой Бунин, как бы тремя ударами кисти, среди моих слепых, общих строчек, вдруг изобразил мастерскую своего друга Федорова, выбрав самые, что ни на есть необходимые подробности: этюдники, холсты. Шляпа. Мольберт. Какой скупой словарь!

С поразительной ясностью я увидел тяжелый, грубо сколоченный, запачканный красками мольберт и на нем небрежно повешенную бархатную шляпу с артистически заломленными полями, потирольски — вверх и вниз, что удивительно верно передавало весь характер Федорова с его изысканным дилетантизмом и невинными покушениями на богемность.

Почему-то мне потом часто представлялось, что именно такую бархатную шляпу с полями, загнутыми по-тирольски, непременно носил известный в свое время критик и эстетик Юлий Айхенвальд. А может быть, и Корней Чуковский.

Правда, меня немного смутили «помятые холсты». У художников редко бывают помятые холсты: они или натянута на подрамник, или стоят в углу, свернутые в толстые трубы. Попробуйте-ка их смять! И до сих пор меня мучают эти помятые холсты, показывающие, что даже у самых великих поэтов иногда попадают на проходные эпитеты, хотя на первый взгляд и точные, но в самой своей глубине неверные, поставленные по принципу — авось проскочит.

У меня не проскочило, потому что я никак не мог увидеть помятые холсты, а видел их свернутые в трубы, тяжелые, несколько промасленные. Но это между прочим.

Из других стихотворений Бунин скользко остановился на одном, где я описывал свидание со знакомой гимназисткой на закате, осенью, на сельском кладбище, что вполне соответствовало действительности и недавно произошло в селе Усатовы Хутора под Одессой, где я гостил у товарища.

Я следил за глазами Бунина, скользившими по моим строчкам.

«Пришли, задумались, на камень тихо сели. Мечтательно звенел хрустальный хор сверчков. Качались по ветру сухие иммортели среди надгробных плит и каменных крестов» — и так далее. — «И грустно стало мне и как-то одиноко. Но лишь на миг. Ведь ты была со мной. А в синеве небес уже стоял высоко двурогий месяц ледяной».

Бунин несколько задержался на этом стихотворении, как бы вместе со мною переживая сидение на ракушняковой плите сельского кладбища при свете ледяного месяца, серебрившего вокруг нас слюдяные цветы иммортелей, а затем наверху страницы поставил моим обгрызленным карандашом птичку, по-видимому, означавшую, что стихи ничего себе, во всяком случае — «верные».

Таких стихотворений, отмеченных птичкой, на всю тетрадку оказалось всего два, и я приуныл, считая, что навсегда провалился в глазах Бунина и хорошего поэта из меня не выйдет, тем более, что на прощание он не сказал мне ничего ободряющего. Так, обычные замечания равнодушного человека: «Ничего. Пишите. Наблюдайте природу. Поэзия — это ежедневный труд». И так далее.

Продолжение следует.

В. Дмитриевский, РОЖДЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ.
И. Евстигнеев,
Г. Прокопинский.

Среди атакующих изображен А. И. Черепанов (указан стрелкой).

В БОЯХ РОЖДЕННАЯ

Генерал-лейтенант в отставке
А. И. ЧЕРЕПАНОВ,

бывший командир Второго красноармейского полка

В феврале 1918 года в Пскове было тревожно. Около вокзала горели склады. Во дворе реального училища пылали костры: жгли какие-то документы. Февральский ветер подхватывал обрывки бумаги, кружил их в воздухе.

Улицы были заполнены солдатами. По центральному шоссе тянулись бесконечные обозы. Поглубже в тыл увозили артиллерию, боеприпасы, обмундирование и продовольствие развалившейся старой армии. Население города пряталось по квартирам.

Сразу же по приезде в Псков, вечером 21 февраля, я отправился в штаб Северного фронта, который помещался в здании бывшего кадетского корпуса.

На вопрос, где можно найти кого-нибудь из командования Северного фронта, мне указали комнату, на дверях которой висела табличка с надписью «Телеграфная». Войдя, я увидел лысого человека в расстегнутом пальто. Это был командующий фронтом Борис Павлович Позерн. По внешности он скорее походил на ученого, чем на военного. Вид у командующего усталый: должно быть, давно потерял счет бессонным ночам. Тяжелой походкой грузчика, на плечах которого лежит непосильная ноша, Позерн переходил от одного телефонного аппарата к другому, принимая нерадостные вести. Тут же обобщал их и передавал данные обстановки в Петроград, получал оттуда указания и выслушивал доклады, отвечал на вопросы и отдавал приказы.

Позерн ознакомил меня с об-

становкой. Она была очень тяжелой. 21 февраля противник переправился на материк с Моонзундских островов и повел наступление на Таллин. В этот же день неприятельские войска заняли населенные пункты Валмиера, Режица, Лудза. Старая армия развалилась. А молодые полки Красной Армии, подобно нашему Второму красноармейскому, находились в стадии становления.

— Вражеские войска пока еще не встретили никакого организованного сопротивления, — говорил Позерн. — Дорога на Петроград открыта. Из Смольного передали, что войска кайзера движутся на Украину и в Белоруссию. Вы должны сказать бойцам, что обстановка в стране требует от всех нас решительных мер для спасения революции. Здесь, в Пскове, мы с вами защищаем Петроград...

Позерн несколько раз прошелся у большой карты.

— Весь рабочий народ Петрограда становится под ружье, и скоро его отряды выступят нам на помощь. Это тоже передайте бойцам. Нужно привести полк в порядок и немедленно занять оборону... На Второй красноармейский полк возлагается серьезная боевая задача. Учтите, товарищ Черепанов, сегодня самое опасное для нас направление Двинск — Псков. Вашему полку предстоит закрыть эти ворота к Петрограду!..

Позерн вынул из кармана часы, посмотрел на них и сказал:

— Завтра к этому времени прошу привести полк в порядок. Сутки — срок немалый. В ночь на двадцать третье февраля вышлите от

полка передовой отряд и займите им оборону за станцией Череха. А с утра двадцать третьего февраля подготовьте оборону по рекам Многа и Череха.

Позерн показал на карте места, где мы должны были занять оборону.

Поздно вечером 22 февраля передовой отряд Второго красноармейского полка в составе 2-й роты под командованием Николая Сливы выехал на автомашине из Пскова к рубежу обороны.

Для усиления огневой мощи отряда ему придали два пулеметных расчета во главе с командиром пулеметной роты Пахомовым. Стрелки и пулеметчики быстро оседлали шоссе, железную дорогу и высотку на правом берегу реки Многа. Бывший фельдфебель Слива, невысокого роста, подвижной украинец, был опытным солдатом, в роте его очень уважали.

На станции Череха уже занимали оборону отряды псковских красногвардейцев и солдат железнодорожных войск, высланные туда несколькими часами ранее. В составе отрядов находились саперы-подрывники, которые подготовили к взрыву мосты через реки Многа и Череха.

Рано утром 23 февраля бойцы полка сосредоточились в деревне Большое Лопатино.

Уже во второй половине дня наш полк и псковский отряд красногвардейцев выдержали ожесточенный бой.

До 23 февраля немцы, не встречая организованного сопротивления, быстро двигались вперед. Надеясь на легкую победу, они шли эшелонами по железной дороге

или на автомашинах и подводах по шоссе.

И вот впервые враг получил серьезный отпор, хотя и от малочисленного полка молодой Красной Армии.

...На крутых берегах небольших рек Многа и Череха залегли цепи бойцов Второго красноармейского полка. На высоком холме тщательно замаскировались пулеметчики. Вражеская легковая машина, вооруженная ручным пулеметом, далеко оторвалась от своих передовых частей и без особой предосторожности нагло помчалась к мосту через реку Многа. Попав под огонь роты Николая Сливы, шофер хотел развернуться, но машина съехала задним колесом с дороги и застряла в канаве. Немецкий офицер, шофер и два солдата были убиты, а исправный пулемет с машины снят.

Из-за холма показался железнодорожный состав. Впереди двигались две платформы. Укрытые мешками с песком, грозно выглядывали орудия и пулеметы. За платформами шел паровоз, за ним опять оборудованные для боя платформы. Далее тянулись вагоны с людьми и имуществом. Замыкал состав второй паровоз: на случай, если первый будет подбит, ему предстояло оттянуть весь состав в тыл. Это и пришлось сделать после того, как наши пулеметы открыли ожесточенный огонь.

Не прошло и часа, как по обеим сторонам дороги показалась пехота противника.

Высота, на которой стояла деревня Большое Лопатино, господствовала над окружающей местностью, и с нее все хорошо просматривалось. Поэтому здесь я устро-

ил командный пункт. Прямо по склону, поблизости от деревни, выгнулась запорошенная снегом река. Противоположный берег ее порос сосняком.

По железной дороге, шоссе и окраине деревни занял оборону 1-й батальон, левее — 2-й. Дальше тянулись покрытые снегом обширные луга, с разбросанными кое-где неубранными стогами сена.

В морозном воздухе резко прозвучал орудийный выстрел. Снаряд упал где-то за деревней, не разорвавшись. Второй не долетел до деревни.

— Смотри, товарищ командир полка, неприятель в обход пошел.

Я взглянул в указанном направлении. Действительно, по прогалине двигались вражеские солдаты, часть из них уже спускалась к реке.

С каждой минутой вражеских солдат становилось все больше и больше. «В обход отряда Сливы идут», — с тревогой подумал я.

Действовать надо было быстро: от этого зависел успех дела. Резервная 6-я рота находилась поблизости за сараями, и я приказал выдвинуть ее уступом на лесистый пригорок, чтобы обеспечить левый фланг.

Вдоль берега против левого фланга полка в расположении противника наблюдалось движение. Видимо, немцы готовились к атаке. А правее, примерно в полукилометре, растянулись по дороге мотоциклы, машины, подводы.

На противоположном берегу реки, по ложбинам и в кустах, накаливалось все больше вражеских солдат. По ним вела огонь 7-я рота Иннокентия Будакова.

Неприятель открыл артиллерийский огонь. За первым снарядом в расположение роты Будакова прилетел второй, третий. А потом и считать перестали. Бой шел в явно неравных условиях: наши винтовочные пули против немецких снарядов, как горсть песка против камня. Красноармейцы начали терять уверенность и дрогнули бы, если бы в роте не было агитатора-коммуниста Тылтина. А он, одетый в большой, не по росту полушубок и валенки, шагнул вдоль цепи, переходя от отделения к отделению.

— Важно противника задерживать именно тут, — говорил он бойцам. — Дальше отступать некуда! Перед нами речка Череха. Но защищаем мы здесь не просто Череху, а Петроград — столицу Советской республики.

Противник усилил артиллерийский огонь. Неприятельские солдаты стали перебегать через реку и маскироваться под крутым, обрывистым берегом. Расстояние до него семьдесят — сто метров.

Глядя на перебегающих по льду вражеских солдат, я лихорадочно соображал: «Пассивно ждать? Это верная гибель... Единственное спасение — контратаковать обходящую группу противника во фланг».

Как нельзя кстати подполз командир пулеметного взвода.

— Быстро давай сюда два пулемета! — приказал я ему. — Один поставь вон в той балке, а другой — на опушке леса. Незаметно, чтобы огонь был неожиданным. Стрелять только по моему сигналу. Понял?

— Все ясно, товарищ командир. — Действуй.

Командир пулеметного взвода кинулся выполнять приказание.

— А ты, — обратился я к Григорьеву, — скрытно разверни роту за изгибом реки. Как только неприятельские цепи подойдут вон к той ветле и мы откроем огонь из пулеметов, — атакуй!

— Я подал условный сигнал.

Пулеметные очереди, точно ветер траву, прижали к земле неприятельские цепи. Григорьев поднял в контратаку свою 6-ю роту. С наганом в руке он первым бросился вперед. Рядом с ним с винтовкой наперевес бежала гимназистка Ангелина Махновская — она пришла к нам в полк из Пскова. Густыми цепями за ними двигались бойцы.

Пулеметный огонь с нашего пригорка заставил Будакова оглянуться. Он увидел перешедшую в контратаку 6-ю роту и зычно закричал:

— Эге! Подмога идет. Наш берег! В атаку готовься!

Выждал время, чтобы все подготавлилось, и скомандовал:

— В атаку! Вперед!

Сам Будаков встал и твердо шагал вперед, без шапки, с гордо поднятой головой. Рядом с ним — полковой агитатор Калинин.

Видя уверенно идущих командира и агитатора, красноармейцы смело двинулись навстречу вражеским цепям. Будаков еще раз оглянулся, крикнул «ура» и бросился в атаку.

— Ура-а! — подхватили красноармейцы.

Бойцы, увлеченные примером командира, налетели, сшибли, смяли переднюю цепь неприятеля. Интервенты залегли. А красноармейские роты с винтовками наперевес неудержимо накатывались на них.

Вскоре враг не выдержал: по одиночке вскакивали и убегали назад солдаты, потом побежали группы и подразделения, оставляя на снегу убитых и раненых. Они бежали за реку. Опираясь на винтовки, взбирались на противоположный берег в поисках спасения от пуль и штыков красноармейцев.

Окрыленные успехом, красные бойцы преследовали отступающих солдат неприятеля. Раненые не покидали поле боя.

Большая группа немцев бросилась бежать по лугам, намереваясь скрыться в черневшем вдали лесу. Но тут их атаковала 1-я рота во главе с Можаровским и Стукаленко.

Надо было видеть, как оккупанты замечались по лугу, бросая оружие и снаряжение!

В пылу боя я как-то не заметил, что батарея противника давно перестала вести огонь. Отчего она замолчала в самый горячий момент боя, я узнал позднее. Оказывается, на батарею напал с тыла один из только что организованных псковскими крестьянами партизанских отрядов. Организаторами этих отрядов явились большевики М. Е. Егоров, Н. Ф. Филиппов, братья Иван и Григорий Елкины, Н. А. Порозов, В. А. Соколов и другие.

Вражеские войска, рвавшиеся к Пскову, несмотря на значительный перевес и сильное техническое оснащение, были не только остановлены, но и отброшены с большими потерями. Беззаветный героизм бойцов Второго красноармейского полка, отряда красногвардейцев и солдат железнодорожных войск принес первую победу молодой Красной Армии.

Михаил БОРИСОВ,
Герой Советского Союза

Пирамида

Под египетским солнцем
Грузом каменных плит
Пирамида Хеопса
О величье трубит.

Не из праздности сытой,
Но когда-то и сам
О себе пирамидой
Я напомину векам.

Для нее основанием
Стала юность моя —

Сталинградские камни
Да седая земля,

Что лежит по высотам
Вдвое, втрое прочней
От соленого пота,
От солдатских костей!

На таком основании
В неземные края
Подняла уже грани
Пирамида моя.
Новокузнецк.

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

Ополченцам — Краснопресненцам

В час, что просится в песню,
как в обойму патрон,
под знаменем Красной Пресни
рабочие шли на фронт.

Дружно, как на воскресник,
когда пылал горизонт,
под знаменем Красной Пресни
ученые шли на фронт.

Помнят камни предместий
шаг ополченских рот.
Под знаменем Красной Пресни
писатели шли на фронт;

винтовку несли за спиной,
гранатный гром на боку,
в кармане
перо стальное,
приравненное к штыку...

Мы по призыву сердца
шли с фашизмом на бой.
Старики ополченцы
вели сыновей с собой.

И верилось, что над нами
знаменосца рука
несет боевое знамя
пресненских баррикад.

...Братья-однопольчане
и дети славных отцов,
почтим

минутой молчанья
память павших бойцов.

1941 — 1966.

Микола ПЕТРЕНКО

Баллада про ноги

Дядька Василь обошел все дороги,
реки Европы промерил вброд.
Дядька Василь закопал свои ноги
у Бранденбургских ворот.

Снялся на память в щербатой
каске,
выставив разные ордена.
И возвратился домой в коляске:
— Отвоевался, здравствуй, жена...

Плотничать мог он.
И вырыть землянку.
А нынче жене шелушит горох.
Но только заслышит в селе
гулянку,
сядет в коляску — и за порог.

Там в красный угол дядьку
сажают.

Нальют перцовки, крутой ухи.
Он лихо тосты провозглашает
и подголоском берет верхи.

К полуночи просит хозяин:
— Останься,
ничем тебя не обидели, друг!
— А что за веселье у вас без
танцев?
А ну-ка, хлопцы, пошире круг!

А сам — из хаты.
По краю дороги,
все дальше, за темный ее поворот.
Как будто спешит откопать свои
ноги
у Бранденбургских ворот.

Перевел с украинского
Григорий ГЛАЗОВ.

Я поехала в Химки с редакционным заданием — написать о школьном музее героев-панфиловцев... Познакомилась с ребятами, которые там с увлечением работают. И словно вернулась в свое далекое детство. Школа № 167 Ленинградского района Москвы. Это же номер моей школы! Она была в Дегтярном переулке, и я окончила ее перед самой войной.

— Ее закрыли два года назад, а номер отдали нашей, — сказал директор Виктор Иванович Милехин.

...Я иду по широким коридорам этой новой, но такой дорогой мне школы. Два мальчика в белых рубашках и красных пионерских галстуках застыли в почетном карауле у вечного огня. «Вечная слава героям, павшим смертью храбрых» — золотыми буквами написано на транспаранте.

Тогда, в 41-м, все мои товарищи мальчишки ушли на фронт. В мае 42-го на фронт ушла и я. Почти все мои ребята не вернулись домой. И когда я смотрю на вечный огонь, то думаю, что он горит и в честь моих одноклассников, вот таких же мальчишек, что стоят в почетном карауле, разве чуть постарше.

В честь Марка Бирюкова...

Неистощимый на выдумки, Марк ни одного урока не мог просидеть спокойно. Именно ему принадлежала идея всем классом уйти с урока немецкого языка помогать тушить пожар на улице Горького. Нашего энтузиазма не оценили, в дневниках появилась грозная запись, за которой, естественно, последовала хорошая взбучка. А когда читали «Что делать?» Чернышевского, Марк решил, как Рахметов, воспитывать свою волю: он промолчал двое суток, отказываясь отвечать уроки, заговорил лишь в кабинете директора школы...

Бирюков получал свой танк в Челябинске. Там, в дымном цехе сдачи, я увидела его в последний раз: он стоял около своего огромного «КВ». Было очень холодно, и он снял свою новенькую меховую безрукавку — фронтовое обмундирование — и накинул мне на плечи. Эта безрукавка выручала меня на фронте, и не раз старшина строго выговаривал мне за «несоблюдение формы одежды»: ведь только офицерам положено носить ее. А я была младшим сержантом... Марк погиб 7 апреля 1944 года под Псковом. Мы все, оставшиеся в живых его одноклассники, часто приходим к матери Марка Клавдии Николаевне в большую, многонаселенную квартиру на Петровке. И в этот день строгие жильцы разрешают шуметь и курить в кухне.

И кажется мне, что вечный огонь зажжен и в честь Илюшки Пятигорского, бессменного Портоса, самого лучшего ученика нашего 10-го «А». Ему учителя предсказывали научную стезю, и каждый — по своему предмету. Мы отчаянно списывали у него контрольные работы и каждый раз попадали впросак: Илюшка решал задачи оригинально и не по правилам.

...И в честь застенчивого силача Коли Иванова и доброго, веселого классного остряка Мишки Канцеля. В честь Витки Друщица — Алисы, которого называли так за нежное, совсем девчоночье лицо. И Витки Потехина. Он был силен в западных танцах, и все девчон-

У вечного огня.

Фото В. Кузьмина.

ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ

Татьяна ТРОИЦКАЯ

ки обожали танцевать с ним на школьных вечерах... И в честь Коки Мулярского, мечтавшего о дальних странах, путешествиях по морям и океанам, об открытии новых островов. Сбылась его мечта: он был единственным нашим настоящим моряком. Вот только странствовать ему пришлось по суровым военным дорогам под грохот орудий и взрывы бомб.

Мне хочется, чтобы ребята новой школы знали хоть немного о моих погибших друзьях, об учениках той школы, что была когда-то в Дегтярном переулке.

...Торжественным было открытие музея героев-панфиловцев. За месяц до открытия в школе объявили «военное положение». А это значит: ходить строго по форме, носить голубые пилотки — цвет района. Быть готовым в любую минуту по тревоге занять заранее распределенные посты. Даже по коридорам ходили, чеканя шаг. И говорят, что самые озорные вели себя прекрасно.

Наконец зимним утром, в 11 часов 30 минут, состоялся митинг и открытие музея. В гости приехали Герой Советского Союза генерал-полковник И. М. Чистяков, командовавший дивизией после смерти генерала Панфилова, и начальник политотдела П. В. Логвиненко, комсорг Балтабек Джетписбаев и работник дивизионной газеты «За родину» А. С. Маклецов, командир Кузнецов.

Были не только взволнованные речи. Были объятия и мужские слезы. Здесь через двадцать лет после войны Кузнецов повстречался со своим бывшим командиром генералом Чистяковым. И ребята, может, в первый раз в жизни увидели, как плачут взрослые мужчины. Поняли цену фронтовой дружбы, скрепленной кровью тех, кто похоронен в братских могилах.

Минутой молчания у памятника

героям-москвичам, что стоит на школьном дворе, почтили память погибших за Родину. Памятник этот построили школьники на свои средства — сбор макулатуры и металлолома.

...Мы с ребятами сидим в пионерской комнате. Перебивая друг друга, они рассказывают, как создавался их музей. Для них это общественная работа. Им по-настоящему интересно. Интересно собирать материал о прославленной дивизии, рыться в фондах музеев и в подшивках старых газет, переписываться с бывшими панфиловцами. Искать и находить новых героев, живых и мертвых. И, конечно, интересно совершать походы по боевому пути дивизии.

В ста походах побывали школьники. О каждом дан подробный отчет в специальном журнале, сделана карта, а трофеи — каски, гильзы, снаряды — привезены в музей.

Ребята побывали на могиле панфиловцев в Дубосекове. Только что сошел снег. Пионеры убрали могилу, посадили цветы. Тут и застали их жена генерала Панфилова Мария Ивановна и дочь его Валя. Тогда и завязалась их дружба. Ребята получают письма от семьи генерала Панфилова и пишут им сами. Много новых адресов бывших панфиловцев школьники узнали от Вали и Марии Ивановны. Много адресов, а это значит — много людей, их судьбы, их дела.

Были пионеры в гостях и у Александры Григорьевны Кузнецовой. Она рассказывала им о себе и о сыне. Эта женщина во время войны разобрала свой дом, чтобы по доскам прошли советские танки. А ее сын Петя, 11-летний мальчик, показывал нашим танкам путь по заминированному полю. Александре Григорьевне сейчас войны построили отличный дом, и на нем висит мемориальная доска.

В селе Ефремове, Волоколамского района, пришла к пионерскому костру пожилая женщина. — Тихонова, местная жительница, — представилась она.

Начала говорить, а сама плачет. Это на ее усадьбе похоронены 67 панфиловцев. Она хорошо помнит, как хоронили их. Немцы село сожгли, а красноармейцев, что держались здесь с 16 ноября по 19 декабря 1941 года — это были связисты и автоматчики, — хоронить никак не разрешали. Когда наконец их схоронили, то у многих так и остались удостоверения, партийные и комсомольские билеты. Ни имен, ни фамилий похороненных Тихонова не помнит. Может, вспомнит кого-нибудь из них Александра Ивановна Воинова (Кудряшова), она жила в ту пору в Ефремове. Откликнитесь, Александра Ивановна, если вы помните, — напишите!

Жители села Ефремова просят восстановить братскую могилу. Об этом они написали письмо и передали его пионерам 167-й школы. Пошли пионеры с письмом в Чеченский сельский Совет, к председателю А. П. Колыгиной. Она обещала передать письмо в Волоколамский райвоенкомат и прислать ответ в школу. Но ответа нет. А ребята ждут. Они готовы сами, на свои средства поставить памятник. Пусть им только разрешат!

...Я ухожу из этой школы с таким ощущением, будто бы побывала в своем детстве. Только тогда у нас не было такой красивой школы, хотя и наша считалась новостройкой. Таких роскошных классов, таких просторных коридоров с веселыми панно на стене и цветами. Таких больших спортивных залов... И не стояли мы в почетном карауле перед огнем вечной славы погибшим героям, ибо эти герои еще не совершили своих воинских подвигов.

О содержании нашего журнала красноречиво говорит его название. Первый его номер вышел в те годы, когда партия, взяв решительный курс на индустриализацию страны, неустанно заботилась и о технической реконструкции Красной Армии. На ее вооружение поступает новая техника, созданная советскими конструкторами, инженерами, рабочими. Перед советскими воинами партия ставит задачу — как можно лучше и быстрее освоить новую технику. И журнал призван был помочь им в этом.

Надо ли говорить, сколь важна и почетна эта задача журнала в нынешние дни, когда Советские Вооруженные Силы оснащаются техникой высшего класса, когда трудно даже представить себе современного офицера без знания радиотехники, электроники, автоматики, телемеханики.

Наш журнал разъясняет советским воинам политику Коммунистической партии и Советского правительства в военном строительстве, в техническом оснащении армии и флота. Мы знакомим читателей с единой

технической политикой, проводимой в Вооруженных Силах, с развитием боевой техники и вооружения у нас и за рубежом, рассказываем о теоретических основах построения, принципах устройства, правилах эксплуатации, сбережения и ремонта этой техники. Специалисты всех родов войск и видов Вооруженных Сил находят на страницах журнала много интересного и полезного.

В юбилейном году журнал систематически рассказывает о славных революционных и боевых традициях, о наиболее важных и интересных этапах укрепления оборонной мощи нашей страны.

Мы предлагаем вниманию читателей «Огонька» отрывки из выступлений прославленных советских конструкторов, творцов боевой техники Вооруженных Сил СССР.

Главный редактор журнала
«Техника и вооружение»
полковник И. АГИБАЛОВ

БИТВА ЗА ПУШКИ

Генерал-полковник технических войск

В. Г. ГРАБИН,
профессор, доктор технических наук

Известный советский конструктор артиллерийского вооружения периода Великой Отечественной войны генерал-полковник технических войск, профессор, доктор технических наук Василий Гаврилович Грабин родился в семье рабочего. Трудовую жизнь начал в 13 лет. В 1923 году окончил артиллерийскую школу в Петрограде, а в 1930-м — Военную артиллерийскую академию имени Ф. Э. Дзержинского.

В 1934 году Василий Гаврилович стал во главе конструкторского коллектива. Им разработаны и применены методы скоростного проектирования артиллерийских систем. Это позволило в годы Великой Отечественной войны организовать массовое производство артиллерийской техники.

За создание новых образцов артиллерийского вооружения и выдающиеся достижения в области научно-конструкторской и изобретательской деятельности В. Г. Грабину в 1940 году было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он четырежды лауреат Государственной премии.

В начале Великой Отечественной войны мне позвонил Председатель Государственного Комитета Обороны СССР И. В. Сталин. Он рассказал о положении на фронтах, подчеркнул, что у противника в несколько раз больше, чем у нас, самолетов, танков и артиллерии. Задача — резко увеличить выпуск артиллерийских систем.

В ту пору завод выпускал четыре типа пушек. Поначалу казалось, что выполнить новый заказ можно было при условии увеличения мощности предприятия за счет расширения производственных площадей, увеличения станочного парка и численности рабочих. Так, пожалуй, мы и поступили бы до войны. Теперь же пришлось пойти по другому пути — использовать внутренние резервы, провести модернизацию изготавливаемых орудий, разработать для них еще более прогрессивную технологию. И сделать все это надо очень быстро: в декабре 1941 года мы должны были выпустить в 5,5 раза больше пушек, чем до модернизации, в мае 1942 года — в 7 раз, а к концу 1942 года — в 15 раз. При всем этом мы могли рассчитывать лишь на небольшое пополнение станочного парка. А эксплуатационные качества пушек предстояло по возможности сохранить.

Замысел был смелый — буквально на ходу осуществить полную конструктивно-технологическую переработку всех деталей, узлов и механизмов пушек, чтобы упростить их. Столь смелое решение смутило некоторых работников завода и даже Главного артиллерийского управления. Но мы настаивали на своем предложении.

Конструкторы, производственные трудящиеся день и ночь. Сперва упрощались стволы, затворы, противооткатные приспособления. Сохранялось количество марок сталей и цветных металлов, вместо высоколегированных использовались простые стали. Потом началась большая модернизация — внедрялось стальное литье, клепаные конструкции заменялись литыми, для всех пушек разрабатывался единый затвор. Все подчинялось заданию Государственного Комитета Обороны — как можно быстрее дать сражающимся войскам требуемое ими количество пушек.

Ужким местом оказалось изготовление труб стволов — завод остро нуждался в токарно-винторезных станках. Правда, ГКО принял решение выделить нам два-

дцать станков. Но, увы, предприятия, делавшие их, были эвакуированы в глубь страны, так что на получение станков в ближайшее время рассчитывать не приходилось. Тогда мы решили пересмотреть технологию производства стволов. Технолог Антонов изменил десять операций. Он и инженеры Маринин, Лычев, Бородин и Фаленков предложили спроектировать и изготовить специальный токарно-обдирочный станок.

Освоение нового технологического процесса шло с трудом. Но победа смелой технической мысли была близка. Прошло немного времени, и цехи стали давать на сборку труб больше, чем требовалось. На этом участке завод уже был готов выполнить любую программу, и мы сообщили Наркомату оборонной промышленности, что отказываемся от выделенных нам двадцати токарно-винторезных станков.

В трудной битве за пушки были свои коллизии.

После модернизации головные образцы пушек подвергались всесторонним испытаниям по программе гораздо более жесткой, чем на государственных испытаниях. Был задан очень высокий темп стрельбы. И пушка отлично выдержала перегрузку. Ее разбирали, тщательно обмерили детали, узлы, механизмы — это чтобы определить износ. Все оказалось в порядке. Но вот разобрали тормоз отката. И — о, ужас! — мы не обнаружили в нем кожаных воротников. Начальник этого участка И. С. Мигунов уверял, что сам наблюдал за сборкой тормоза и хорошо помнит, как ставили воротники. То же утверждали и работники ОТК. Однако факт оставался фактом — воротников нет.

Решили повторить испытание. Кое-кто предлагал отказаться от слишком интенсивного режима стрельбы, который, мол, вряд ли понадобится на поле боя. Однако я приказал вести испытания по прежней программе. В нашем присутствии поставили новые воротники, собрали пушку и отправили на полигон. Результат снова блестящий — ни одного отказа! Все были довольны и не без улыбки вспоминали о таинственном исчезновении воротников. Тормоз отката запломбировали и пушку возвратили на завод, для проверки.

Снова разобрали тормоз. Что за наваждение? От воротников не осталось и следа. Беда! Пушка уже была запущена в серийное производство, а кожаные воротники, ока-

зывается, не выдерживают установленного режима стрельбы. Неприятная весть быстро облетела весь завод. Поздно ночью я пришел в цех. Тут Мигунов и предложил заменить кожаные воротники паронитовыми кольцами. Мы с ним тщательно разобрались в технологии их изготовления, внесли некоторые изменения в конструкцию. А времени-то в обрез. В случае благополучного лабораторного исследования испытание стрельбой предполагалось провести через сутки. Иван Степанович Мигунов все делал своими руками. Он сам провел лабораторные исследования: они позволяли надеяться на успех. Раньше намеченного срока пушку отправили на полигон.

На сборке и на испытаниях присутствовали все, кто мог оторваться от текущей работы. Результаты, как и прежде, были хорошие. А что покажет разборка тормоза? Доставили пушку на завод. Все с волнением следят за работой слесарей. Тишина. Слышится только позвякивание ключей да тяжелое дыхание Мигунова, — он сам разбирает тормоз. Вот он вынул шток с поршнем, затем корпус салыника. И по цеху пронесся облегченный вздох десятков людей.

— Жив! — как по команде, воскликнули все. — Паронит выжил.

Трудно было передать нашу радость. Люди благодарили, обнимали Ивана Степановича, жали ему руки. А он, бедняга, не мог вымолвить ни слова. По щекам его катились слезы...

Паронит безотказно служил в течение всей войны.

Так шла битва за пушки. Здесь были свои взлеты и падения, радости творческих инженерных побед и горечь неудач.

В ту пору я часто ночью приходил в сборочный цех — зеркало, в котором видны все дефекты производства. И радостно было видеть, как на сборку поступает все большее количество пушек. Это была победа техники, оказавшейся в руках патриотов своего Отечества. Люди работали по три смены подряд, хотя никто не принуждал их к такому изнурительному труду. Они работали по собственной инициативе, понимая, что и от них, тружеников тыла, во многом зависят успехи фронта. Это и позволило нам осуществить наш смелый замысел, родившийся после того, как было получено боевое задание ГКО. Завод уверенно наращивал мощности.

У ИСТОКОВ

Н. КАМОВ,
главный конструктор

...Париж. Год 1965-й. Всемирная авиационная выставка. Среди других экспонатов — советские винтокрылые машины. Иностранцы специалисты осматривают их долго, тщательно. Мнение единодушное: по своим летным качествам советские вертолеты превосходят многие зарубежные образцы.

...И невольно припоминается 1928 год. Москва. Канун праздника Великого Октября. Вместе с инженером Николаем Кирилловичем Скржинским мы внесли в Центральный совет Осоавиахима СССР предложение построить в свободное от основной работы время летательный аппарат с авторотирующим винтом. Впоследствии мы придумали ему русское название — «вертолет». Это — соединение двух слов: «вертится» и «летает». Первый вертолет мы назвали «Красный инженер».

Предложение было принято. Началась работа, появились и трудности. Однако нас они не пугали. Мы постоянно ощущали горячую поддержку видных деятелей советской авиации.

...При ячееке Осоавиахима мы создали небольшую конструкторскую группу — КАСКР (Камов — Скржинский). В состав бюро вошли молодые и еще менее опытные, чем мы, товарищи, но одержимые идеей во что бы то ни стало построить первый советский вертолет. Нам дали агрегат учебного самолета «У-1» — так назывался тогда самолет «Авро 504Н».

С Николаем Кирилловичем мы решили все делать сообща. Распределили все проектные задания. Установили весьма жесткий режим нашей работы на общественных началах: она начиналась в 18 и заканчивалась в 24 часа. По воскресеньям — с 10 до 22 часов. За десять месяцев мы выполнили проект, защитили его, изготовили рабочие чертежи и построили вертолет.

Помню пасмурный день 1 сентября 1929 года. Вертолет «КАСКР-1» вывели из ворот завода на аэродром и поставили таким образом, что ветер дул ему в хвост. На это обстоятельство мы не обратили, к сожалению, внимания. И получилось так, что лопасти начали вращаться не носиками, а хвостиками вперед. Мы молча смотрели на этот неожиданный сюрприз и сначала не знали, что делать, как быть. Но быстро приняли меры. Остановили винт, а затем вручную раскрутили его в нужном направлении — носиками вперед. Последовало несколько оборотов, и ротор стал резко набирать обороты в нужном направлении. Ликуем! Однако радость была преждевременной. Под воздействием ветра, дувшего в хвост вертолета, ротор, расположенный под большим отрицательным углом атаки, перегружил поддерживающие тросы, и один из них лопнул. При этом лопасть резко изменила свое пространственное положение и опустилась вниз. Но вот ветер утих, и вращение винта начало замедляться. Все мы с ужасом ожидали, что шестиметровая лопасть сейчас ударит по фюзеляжу. В этой сложной ситуации мы ничего не могли сделать: ни подойти к машине, ни остановить винт. С тревогой отсчитывали минуты. Раздался треск — и лопасть ударила по фюзеляжу, отбросив в сторону хвост нашего вертолета.

Донельзя огорченные, мы повезли машину на завод. Но теперь-то мы уже знали, как ставить вертолет по отношению к ветру, как раскручивать ротор перед полетом. И еще: расчалки следует усилить.

После ремонта машины вечером 25 сентября 1929 года при небольшом встречном ветре решили провести первый полет по прямой. В переднюю кабину вертолета сел летчик «Добролета» И. В. Михеев, в заднюю — я. Н. К. Скржинский взобрался на крыло и раскручивал несущий винт, энергично нажимая на каждую проходящую над ним лопасть. Авиамеханик Э. А. Крейндлин запускал от винта двигатель.

Наконец, когда число оборотов ротора достигло 35—40 в минуту, Николай Кириллович прыгнул с крыла. Михеев прибавил газ, и машина тронулась вперед, ускоряя бег. Обороты ротора быстро нарастали. 90 — в минуту. Вертолет отрывается от земли. Смотрю на указатель оборотов: 120. Машину сильно трясет... Мы летим на высоте двух-трех метров. От волнения я не вижу ничего, кроме вращающегося над головой винта.

Вскоре И. В. Михеев пошел на посадку. Короткий пробег. Двигатель выключен. Вертолет на земле. Надо было видеть, как шумно мы поздравляли друг друга с достигнутым успехом.

...И снова горечь неудачи: когда мы попытались совершить полет по кругу, вертолет перевернулся в воздухе, упал и разбился. Лишь благодаря прочности труб кабана ротора мы с Михеевым отделались ранениями. Тяжелый, но полезный урок. Выясняя причины аварии, мы нашли пути к созданию более усовершенствованного вертолета. Его назвали «КАСКР-II».

21 мая 1931 года на осмотр новой авиационной техники прибыли члены правительства. «КАСКР-II», сделав три круга на высоте 300 метров, приземлился почти вертикально.

Вертолет «КАСКР-II», «Красный инженер», экзамен выдержал.

С той поры прошло 35 лет. Авиационная наука и вертолетостроение шагнули далеко-далеко вперед. Первые труды энтузиастов вертолетостроения дали хорошие всходы.

Имя Николая Ильича Камова теснейшим образом связано с историей отечественного вертолетостроения. С момента создания совместно с Н. К. Скржинским первого отечественного вертолета «КАСКР» Николай Ильич посвятил всю свою жизнь этому увлекательному делу.

За последние годы коллективом конструкторского бюро, которым он руководит, построены вертолеты «КА-10», «КА-15», «КА-18», винтокрыл «КА-22».

На снимке 1929 года: перед первым полетом вертолета «КАСКР» (слева направо) Н. И. Камов, Н. К. Скржинский, И. В. Михеев, Э. А. Крейндлин, А. Ф. Дракевич.

Инженер-контр-адмирал Михаил Алексеевич Рудницкий — известный советский кораблестроитель, инициатор создания крейсерских подводных лодок.

Во время войны Михаил Алексеевич помогал экипажам осваивать подводные крейсера.

Более чем сорокалетняя плодотворная деятельность инженер-контр-адмирала М. А. Рудницкого во многом сказалась на общей направленности проектирования целого ряда типов советских подводных лодок.

ГРОЗНОЕ ТРИЕДИНСТВО

Инженер-контр-адмирал
М. РУДНИЦКИЙ

«За Нордкапом, в Норвежском море, действуют рыцари дальних коммуникаций — подводные крейсера», — вспоминает в своей книге контр-адмирал И. А. Колышкин. — Они выходят туда в грозном триединстве своего оружия — торпедного, минного и артиллерийского».

Нелегко далось нам это грозное триединство.

Более тридцати лет назад в одном из научно-исследовательских институтов был разработан проект большой подводной лодки типа «К». На меня возложили обязанности главного конструктора и строителя этих кораблей.

Подводные лодки типа «К» должны были иметь сильное торпедное, артиллерийское и минное вооружение, обладать высокими скоростями надводного и подводного хода, большой дальностью плавания и автономностью. Задача наша осложнялась тем, что и строительству больших подводных лодок мы приступали впервые.

Конструируя лодку, мы заботились о максимальных удобствах для экипажа. Главный пост командования был размещен в просторной прочной рубке, а все управление — в центральной поспе.

Подводники имели постоянные койки, офицеры — одноместные каюты. А ведь на многих лодках той поры койки устанавливались не для всего экипажа, а из расчета на то, что часть его всегда бодрствует. И дело здесь вовсе не в пренебрежении конструкторов к быту подводников. В узком цилиндре прочного корпуса даже оружие и механизмы разместить было чрезвычайно трудно.

На нашем корабле были и душевые для команды и две вместительные провизионки, одна из которых имела холодильную установку. Теперь такие удобства, особенно на атомных лодках, не в диковинку. Лодки были оснащены общекорабельной и батарейной вентиляцией, системой регенерации воздуха, электрическим камбузом и другим совершенным по тем временам оборудованием.

Поздней осенью мы вышли на ходовые испытания головного корабля. Наш первый подводный крейсер, в полтора-два раза превышавший по водоизмещению любую лодку, построенную к тому времени в СССР, впервые выходил в море. Радостно было видеть, как он уверенно набирал ход и маневрировал, послушно выполняя волю своих создателей.

1940 год. Идет сдача подводных лодок типа «К» не только на нашем, но и на других заводах. Лодки «К-1» и «К-2» переводятся на Северный флот по Беломорско-Балтийскому каналу в плавучих доках и на понтонах. А в начале лета 1941 года на Северный флот пришла и «К-3». Сформированный там дивизион крейсерских подводных лодок с первых дней войны вел боевые действия против фашистских захватчиков.

Проектировщики и судостроители держали боевой экзамен вместе с экипажами кораблей. Правильно ли сконструирован корпус? Удобно ли использовать оружие? Эффективно ли оно? Что можно предпринять, чтобы улучшить конструкцию? Эти вопросы нас волновали больше всего. И мы вместе с под-

водниками отправлялись в боевые походы.

Наши славные моряки прекрасно использовали тактические преимущества, заложенные в проекте океанской подводной лодки. Каждая лодка, отправляясь в поход, имела два-три боевых задания. Иногда она высаживала разведывательную группу на побережье противника, затем ставила активное минное заграждение на его дальних коммуникациях, после чего начинала многосуточный поиск, уничтожала транспорты и корабли охраны.

Грозное триединство! Как это было трудно — сочетать торпедное, минное и артиллерийское оружие. Устанавливая, скажем, устройства для постановки мин, приходится серьезно теснить другое оружие. В этом случае обычно идут на меньшее из зол — сокращают число кормовых торпедных аппаратов или вовсе от них отказываются. Нам же удалось установить на корабле десять торпедных аппаратов, четыре из которых были размещены в корме. Но и от мин, как известно, мы не отказались. Так что на главное подводное оружие — торпедное — не посгнули. Если «малютка» могла дать самое большое двухторпедный залп, «щуна» — четырехторпедный носовой и двухторпедный кормовой, то наш крейсер только кормовыми аппаратами выпускал сразу четыре торпеды.

...Караван транспортов в сопровождении сильного конвоя вторую неделю двигался из Гренландии в советские северные порты. Дважды атакованный фашистскими самолетами-торпедоносцами, он уже потерял три транспорта. Когда немецкая эскадра двинулась на перехват конвоя, эсминцы союзников покинули охраняемые суда. Транспорты предстояло, рассредоточившись, самостоятельно добираться до оперативной зоны Северного флота, где их готовы были принять под охрану советские военные корабли. Фашистским пиратам представлялась прекрасная возможность уничтожить неохранные суда. Но эскадра противника вынуждена была спешно возвратиться восвояси. Причиной был сокрушительный четырехторпедный залп подводной лодки «К-21», которой командовал капитан 2-го ранга Н. А. Лузин, по вражескому линейному кораблю «Тирпиц».

Отлично действовала и артиллерия подводных крейсеров.

Однажды подводная лодка «К-3» после потопления транспорта подверглась ожесточенной атаке глубинными бомбами. Бомбы разрывались очень близко. Была уже повреждена топливная цистерна, и соляр, всплывая на поверхность, выдавал местоположение лодки. Тогда командир первого дивизиона крейсерских лодок Герой Советского Союза М. Гаджиев решил всплыть и дать преследователям артиллерийский бой. За семь минут стрельбы из одной кормовой пушки (носовая была повреждена в самом начале боя) командоры, выпустив 39 снарядов, уничтожили сторожевой корабль и один из противолодочных катеров.

Отважные советские моряки мастерски использовали в боях могучее оружие наших подводных крейсеров.

РОВЕСНИКИ

К. ЧЕРЕВКОВ, Ю. ЛУШИН,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Ночные стрельбы.

Фото М. САВИНА.

Немецкие войска двигались на Питер, и, казалось, ничто не сможет их остановить. 21 февраля 1918 года В. И. Ленин обратился к трудящимся Советской России с призывом: «Социалистическое отечество в опасности!» На защиту завоеваний революции встал народ.

В хмурый февральский день на станции Третий разъезд, близ Гдова, остановился паровоз с теплушкой. В городе хозяйничали белогвардейцы. Они разгромили исполком, расстреливали коммунистов. Что мог сделать прибывший в теплушке отряд из 43 красногвардейцев-путиловцев? Рядом, на том же Третьем разъезде, грузились в эшелон, чтобы отправиться по домам, солдаты, уставшие от войны, истосковавшиеся по семьям. Это был один из батальонов четвертого Капорского пехотного полка.

Капорцы встретили Фабрициуса настороженно...

Вечером того же дня, назначенный чрезвычайным военным комиссаром в город Гдов, Ян Фабрициус телеграфировал в редакцию «Правды»: «Гдов освобожден от белогвардейцев... К нашему отряду изъявила желание присоединиться еще одна рота из оставшихся войсковых частей».

Через три дня конная разведка капорцев и только что сформированный конный отряд братьев Новиковых — красногвардейцев Путиловского завода — уже громили немцев в деревне Самолва. Почти весь вражеский отряд был уничтожен. Так родился один из первых полков Красной Армии. Позже он получит наименова-

ние — Первый Гдовский полк пограничной стражи. Командиром его станет путиловец Нил Блинов, комиссаром — Петр Смородин, прославленный вожак питерской комсомолки.

Полк бил белогвардейские отряды Булак-Балаховича, участвовал в легендарной ночной атаке на Псков, громил Юденича и банды атаманов Заболотного, Орлика, Кириллюка, Маруси... Полку не случайно присвоили звание Петроградского, а впоследствии — Ленинградского. Не раз вставал он на защиту города на Неве, и всегда в его рядах были путиловцы-кировцы.

И сейчас Кировский завод — шеф полка. По традиции, старые, заслуженные рабочие приезжают к молодым солдатам, ведут разговоры по душам о прошлом и настоящем.

Потом гости рассказывают последние новости Кировского завода.

Кировский! Вот он, здесь, в этих ребятах. Молодые лица, веселые глаза. Совсем недавно нынешние солдаты сами стояли за станком или у сборочного конвейера в цехах Кировского завода. Есть в полку взвод — Кировский. Это еще одна традиция. Ежегодно полк принимает молодых рабочих завода.

Нынешние солдаты. Вчера они были просто Генками, Петьками, Васьками... Вчера по дороге на завод хлопали друг друга по плечу: «Ну, старик, двинем сегодня в клуб?» И вечером шли в клуб. Или играли во дворе в хоккей. Еще бродило во многих из них беззаботное детство. То было вчера. Сегодня их черед охранять

спокойствие тех, кто сейчас стоит за станками, или сидит за партой, или играет в хоккей.

Казарма, где расположился взвод кировцев, сияет чистотой. На почетном месте — переходящее знамя, которое хранят лучшие. Никого, кроме дневального, нет. Все на занятиях. Мы проходим мимо аккуратных коек. Где-то здесь койка Владимира Журавлева, Виктора Комарова, Владимира Коврыгина... Мы уже успели узнать их всех. Все они сорок седьмого года рождения, все рабочие: токари и кузнецы, слесари и фрезеровщики. Все имеют образование. Кто восемь, кто десять или одиннадцать классов. Мы уже успели узнать, что Юрий Чернышев пишет стихи, а Борис Смирнов и Владимир Евдонин немного рисуют. Ребята ничем не отличаются от бывалых солдат, и, наверное, впечатления о новой жизни у всех примерно одинаковые, такие, как у Владимира Панфилова, дневник которого мы сейчас листаем. Владимир — потомственный кировец. До революции на заводе работал его дед, сейчас там отец и мать. Недавно, совсем недавно и он был рабочим. А теперь...

«Все еще не верится. Я солдат. Не могу без смеха вспомнить, как входили мы в баню в пижонских брючках, а выходили в одинаковой форме. Своего друга Витьку Комарова с трудом узнал.

Вечером снова цирк. Дали отбой, и никто не мог быстро раздеться. Потом подъем. Не могли быстро одеться. Нам сказали, что одеваться нужно за пятьдесят секунд. Фантастика.

...Сегодня всех ребят нашего завода объединили в один

взвод — Кировский. У нас в роте стоит знамя с эмблемой нашего завода, которое вручал полку в 1942-м Василий Васильевич Васильев. Отец мне о нем рассказывал. Командир отделения у нас назывался Тонбулат Нурмухамбетов. Очень веселый и очень требовательный. С его помощью мы перешагнули фантастический рубеж. Раздаемся за тридцать секунд. 1 декабря 1966 года. Сегодня нам показали боевую технику. Вот это да! Сила! Не просто показали, показали в действии.

...Торжественный день. Мы принимали присягу. И где? Приехали на родной Кировский. Очень волновались, хотя к этому дню готовились долго. Мои друзья по цеху Володя Яковлев и Володя Маслаков смотрели на меня, как на человека с Луны. Кажется, они мне завидовали. Из Ленинграда ехали долго...

18 декабря. Наш взвод впервые заступил в караул. Как нарочно погода выдалась жуткая. Пурга. Ничего не видно. Два раза сгвоздь снег мерещилась какая-то фигура. Все прошло нормально.

...Писать не хочется. Устал неимоверно. Был кросс на лыжах с полной выкладкой. Это потруднее двух таймов футбола. А Тонбулат после него свеженький, как огурчик. Смеется: тяжело в учении — легко в бою. Привыкнете.

По-моему, в нашей роте лучшая елка в полку. Даже командир похвалил. Не хватает только Снегурочки... Было торжественное построение. Объявляли благодарности. Мне тоже объявили. После торжественной части самодельный концерт. У меня талантов никаких. Но здесь так не бывает — двое поют, а все смотрят. Пели все. Я тоже.

18 января. Сегодня еще раз зашел в комнату Боевой славы. Обнаружил фотографию своего тезки. Под ней подпись: «Командир второго батальона гвардии майор Владимир Панфилов, 1943 год». На груди медали. Где ты теперь, мой одноклассник, тезка и однофамилец? Жив ли? Я обязательно постараюсь разыскать тебя.

...Скоро день рождения Советской Армии и нашего полка. Они ведь ровесники».

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

СУДЬБА ПОДАРКА

В Артиллерийском музее подле «пионерской пушки».

Шестнадцать лет назад в «Огоньке» (№ 37 за 1951 год) была напечатана корреспонденция М. Поляновского «Толина пушка». Шли годы. Как складывалась судьба героя? Сегодня «Огонек» продолжает рассказ, начатый шестнадцать лет назад.

Он живет в черноморском городе-герое, в Одессе. Она недавно переселилась к хладным берегам Невы, в город-герой Ленинград. Их знакомство было необычным. Они встретились ровно шестнадцать лет назад в артиллерийском полку.

Как это произошло?

В 1944 году одесситы устраивали субботники: расчищали только что освобожденный город от завалов. Вместе со взрослыми участвовали в субботниках и дети.

Девятилетний пионер Толя Андриенко, сын вернувшегося из эвакуации рабочего, тоже отправился на улицу, на работу. И вдруг среди развалин обнаружил большую, тщательно запаянную жестяную банку: «Может быть, мина?.. Или

адская машина?..» В городе тогда было много минеров. Толя направился к ним со своей находкой.

Жестянку осторожно вскрыли, и оттуда посыпались золотые часы, кольца, браслеты, кресты, цепочки...

Семья Андриенко сдала все ценности в фонд обороны Родины.

...С фронта пришло письмо от Устина Федоровича, старшего брата Толиного отца. Устин Федорович прислал невеселую весточку: в его артиллерийском расчете двое погибли в бою, самого его легко ранило, а пушку смяло, сплющило.

И тогда Толя написал в Москву, рассказал о найденном кладе, попросив на вырученные деньги купить самую лучшую пушку для его дяди. Толино желание было выполнено.

Во время боев за Будапешт сержант Устин Андриенко получил новую пушку. К ее щиту была прикреплена металлическая табличка с надписью: «Моему дяде Андриенко Устину Федоровичу».

Пусть мой скромный подарок ускорит разгром фашистской Германии. Ваш племянник Толя Андриенко».

Толина пушка участвовала в

боях за освобождение Будапешта, Вены, а потом и Праги.

Отгремела война. В 1951 году впервые увидел Толя свою пушку. Весь состав полка приветствовал юного хозяина пушки. Ему шел в ту пору шестнадцатый год, он уже окончил семилетку и хотел стать артиллеристом. В армии Толя получил аттестат зрелости, стал пушкарем. А когда вернулся в Одессу, то по семейной традиции пошел работать на завод имени Кирова.

Как-то я получил письмо от Анатолия Андриенко: приглашал на новоселье. Я поехал в Одессу.

...Новая квартира. Много гостей. Среди них и бывший сержант, командир расчета Толиной пушки Устин Андриенко.

— Познакомьтесь с Аллой, моей будущей женой, — сказал мне Анатолий.

— А сам ты где с нею познакомился? — спросил я.

— У нас на заводе. Она работает комплектовщицей.

А где же теперь Толина пушка? В Ленинграде, в Артиллерийском музее.

Residencia
de Estudiantes

Residencia
de Estudiantes

Residencia
de Estudiantes

Residencia
de Estudiantes

Residencia
de Estudiantes

Residencia
de Estudiantes

Residencia
de Estudiantes

Residencia
de Estudiantes

Residencia
de Estudiantes

Рядовые Валерий Касымов и Петр Самсонов после кросса.

В разведке.

Лыжный кросс.

Десант

Бушлатов мерзлых
Складками звеня,
На лбы надвинув
Бескозырки низко,
Они встают
Из вечного огня
И темного
Гранита обелисков.
Встают, проходят
В памяти людской,
За взводом взвод,
За полуротой рота.
Солдаты русской
Гвардии морской,
Гладкова и Аршинцева пехота.

В штормовых тучах,
В рейдовых ночах
Я вижу вас,
Тамани ветераны.
На ваших титанических плечах
Патронных лент
Лежат меридианы.
Увешаны гранатами
С боков,
Идете вы,
Равнения не теряя,
Серебряными звездами штыков
В грядущее
Дорогу озаряя.
Пред вами волны
Грозно быют
В набат,
У пирсов
Застывая на морозе,
И облака,
Как белый медсанбат,
Плывут за вами
Медленно в обозе.

Заглянем же
За огненную грань
Минувших лет,
Где ветер
Свищет в клюзы,
Привет тебе,
Десантная Тамань —
Сестра мятежной
Лермонтовской музы!
С тобой сейчас
Земляне-москвичи,
Одессы и Кронштадта мореходы,
И запорожцы
Дедовской сечи,
И вещий гений
Русского народа.

...Скребут по дну
Залива якоря,
Натягивая цепи
До отказа,
И ненависть,
Над берегом паря,
Ждет шифра
Генеральского приказа.
Литые мышцы бронекатеров,
Сжимаемая в ком,
Дрожат от нетерпенья.
Командующий армией Петров
В секрете
Держит дату наступленья.

В ответе он
За родину,
За вас,
Морская гвардия,
Сыны бессмертной славы.
Ну что ж, диктуй,
История, приказ
От имени
И отчества державы.

Без песен,
Без гвардейского «ура»
Спускались люди
К трапам молчаливо.
Рассыпав брызг
Косые веера,
Эскадра к центру
Ринулась пролива.
Камней мелькнули
Тусклые грибы...
И вдруг скрестились
Огненные смерчи,
Как стрелки
На хронометре судьбы,
Чей циферблат
Был где-то
Возле Керчи.

Залп... Взрыв...
В морозной сутеми
До дна
Залив просвечен
Весь прожекторами.
На дне
Песчинка каждая видна
Под минными рогатыми шарами.
Есть слух,
Что дьяволы
В подводной мастерской
Те мины шабрили
В тени
Зыбучей мели
И день и ночь.
И, род кланя людской,
От злобы
Сами в них ороговели
У Крымских круч,
Где берег,
Словно еж,
Всцетинился
Стволами пулеметов,
Где зычное
Десантное: «Даешь!!!» —
Летит сейчас
С горящих мотоботов.

А берег выл,
Ревел...
Там черепа
Бетонных дотов,
Лопаясь, взлетали,
Крошилась ложементов скорлупа,
И воздух был
Настоян на металле,
На сгустках крови,
Запахе земли,
На окиси
Окалина и пота.
Победу в шрамах
Под руки вели
Сыны России
В Крымские ворота.

Фото А. Архипова.

ЭШЕЛОНЫ ПЕСЕН

Осип КОЛЫЧЕВ

Песни Краснознаменного ансамбля, песни Александрова запела армия, запела и вся страна. Двигались по стальным путям эшелоны с бойцами, вооруженными внушительными барабанами, трубами, фаготами. Украина, Беларусь, Дальний Восток... Из этих поездов Александров привозил записанные им на ходу мелодии, обрывки песен...

В одной красноармейской части Александр Васильевич записал на клочке бумаги услышанную мелодию, а немного позже появились и слова, ставшие известными всей стране: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед». Песня стала как бы музыкальной эмблемой, гербом советского песенного искусства, представляла советских людей не только на международных фестивалях, но всюду была с ними — в труде и в бою.

На примере таких песен особенно заметно, как шлифует народ полюбившиеся ему песни, оттачивает их. Меня, например, часто удивляли в этой песне такие напыщенные и усложненные строки, как: «Развевались знамена кумачом последних ран...». А народ, не принимая этих изысканных метафор, пел просто: «Развевались знамена кумачом последний раз...». Так стала петь и армия.

Беспощадная зима 1942 года. Мороз свирепствует. Только что вернувшиеся из Бугульмы — куда эвакуировались артисты ансамбля и их семьи — Александров с сыновьями, одетые в красноармейские зеленые стеганые ватники и валенки, пришли на улицу Воровского, в бывший дом графа Олсуфьева, где в большой столовой собралось разноразное писательское братство...

Неожиданно — голос из рупора:
— Товарищи, в восьмом зале чтение военных стихов! Каждый читает свое лучшее стихотворение.

Направляемся в восьмой зал. Читают русские поэты и поэты братских республик... Настает моя очередь.

Я прочел стихи: «Шепчу шевченковские строки».

Александр Васильевич впервые услышал эти строки, а через несколько дней пригласил меня и сказал:

— Твои стихи об Украине я положил на музыку. Вот послушай...

Он сел за пианино. Звучки его расширились, кровь прилила к лицу. Он запел, глубоко взволновав меня яркостью исполнения.

...Думая об Александре Васильевиче, я всегда вспоминаю Сергея Есенина. Оба крестьяне, оба сыновья Рязанщины. Оба создатели народных песен, пропитанных запахом весны, распустившихся березовых почек...

Когда ансамбль исполняет «Во поле березинька стояла», я вижу крестьянского мальчика Сашу Александрова в селе Плахино, любящегося родным деревцем, его шелковистой берестой и плакучими ветвями...

А знаменитое «Полюшко» Льва Книппера! А «Всю-то я вселенную проехал!» Или «Вдоль по улице метелица метет». Все эти песни, к которым прикоснулась рука Александрова, дают такое глубокое представление о безоглядном раздолье, о русских просторах, что, слушая их, словно сам уносишься вдаль.

От удивительно ясного, сердечного ощущения своей страны, ее природы, народа и идут все творческие удачи Александрова. Отсюда же необыкновенный успех его «Священной войны», написанной на слова В. И. Лебедева-Кумача. Песня стала символом Великой Отечественной войны, символом ненависти и непрощения пришедшим — фашистам... Я помню первое исполнение «Священной войны» на Белорусском вокзале. Готовые к испытаниям суровые люди... И вот в полной тишине раскатывается упругий, строгий, задающий за сердце мотив будущей легендарной песни. Год за годом бушевали пожары войны. Ехали и ехали на фронт эшелоны за эшелоном концертные бригады Краснознаменного ансамбля. И музыка, не утихая, помогала воевать солдатам.

Елена ГОГОЛЕВА,
народная артистка СССР,
председатель Центральной
военно-шефской комиссии

ОРУЖИЕ —

КУЛЬТУРА

Дружба между людьми искусства и армией нашей страны проходила свое самое суровое испытание — испытание огнем, испытание войной. Зарождалась эта дружба очень давно, еще в первые дни Октябрьской революции, в первые дни гражданской войны.

1918 год... Я, ученица второго курса Филармонического училища, получаю приглашение в Малый театр. И сразу же вхожу в его жизнь. Репетиции, спектакли... А вокруг, за стенами театра, все бурлило и быстро изменялось.

По вечерам зрительный зал старейшего русского театра заполняла необычная публика: рабочие, крестьяне-ходоки, бойцы Красной гвардии и революционные матросы. Многие впервые в жизни пришли в театр. Но как внимательно смотрели и слушали эти зрители! Как искренне и горячо переживали! Как безгранично верили искусству! Играть для такого зрителя было огромным наслаждением. И артисты Малого театра одними из первых стали выезжать с концертами и спектаклями в рабочие клубы, в воинские части.

Перед глазами, словно это было вчера, огромная подвода, на которой мы ездили на окраины города, в красноармейские казармы. Почти всегда в этих поездках принимала участие Ольга Осиповна Садовская. Мы, молодые, теснились к ней поближе, а она повсюду нас в тайны актерского мастерства, в тайны сценического общения. «Ты мне петельку, а я тебе крючочек», — повторяла она.

Бывало, говорят нам, что едем в клуб, а приезжаем — никакого клуба нет и в помине. Есть дощатый сарай, а в нем помост. Но артисты не делали для себя никаких скидок на холод, на неудобства — играли в полном костюме и гриме, как в театре.

А еще помню, как тепло благодарили нас бойцы. Как-то выступала я в воинской части где-то на Гороховской улице, и в знак признательности мне положили на сцену несколько поленьев и три селедки — царское вознаграждение по тем голодным и холодным временам. Так и тащила я эти сажки к себе домой через темную заснеженную Москву.

Малый театр ставил в основном классику — Островского, Шиллера.

Однако театр не может долго жить на одной, пусть даже и превосходной старине. Он должен был отвечать на насущные требования времени, отвечать на вопросы, которые ставила перед людьми современность. Новый зритель жадно ждал нового репертуара. С первых дней революции Малый театр раскрыв свои двери новым веяниям: в наш театр принес свою пьесу А. М. Горький. До революции в Малый театр не допускались его произведения. А теперь он пришел и в полутемном зрительном зале прочитал пьесу «Старик». Мне поручили роль Татьяны.

Горьковская драматургия захватила своей остротой, точностью социальных характеристик героев, беспощадностью по отношению к злу, лжи, лицемерию.

Этот спектакль знаменателен еще и тем, что на премьере присутствовал Владимир Ильич Ленин.

Подлинная встреча с новой драматургией, с современной темой произошла позднее, в 1926 году, тогда театр начал работать над драмой К. Тренева «Любовь Яровая». Пьеса, когда автор прочитал нам ее в первый раз, мало походила на тот вариант, который стал классикой советской драматургии. Но в ней уже явственно слышались отзвуки великих событий, потрясших мир. «Любовь Яровая» была принята к постановке. Началась работа театра с драматургом.

Наши постоянные поездки в казармы, в воинские части, наша дружба с бойцами и командира-

ми молодой армии Страны Советов помогли нам лучше узнать этих людей. И получилось так, что не драматург открывал перед нами малознакомый мир, а мы сами могли многое подсказать ему. Ведь на сцену должны были выйти те самые красноармейцы и матросы, командиры и комиссары, с которыми мы, актеры, часто встречались, которых хорошо знали. Словно живой, вставал перед глазами Роман Кошкин — роль эту играл П. Садовский, — беззаветно преданный революции, энергичный, целеустремленный, наделенный чисто русским практическим умом и веселым характером. Или Швандя... Сколько мы видели этих братишек, опоясанных пулеметными лентами, этих верных рыцарей революции! Заглавную роль играла В. Н. Пашенная.

Премьера «Любовь Яровая» состоялась в декабре 1926 года и стала творческой победой драматурга и театра. Успех у зрителей был огромным; иногда мы давали по 4—5 представлений в неделю. Можно вообразить, с каким энтузиазмом принимали «Любовь Яровую» зрители выездных спектаклей!

Крепла дружба наших воинов с деятелями искусства, дружба, которая потом вылилась в мощное и многогранное движение культурного шефства над Советской Армией.

Эта дружба была обоюдно необходимой. Наш театр много лет шефствовал над Стрелковой школой имени ВЦИК. Актеры руководили художественной самодеятельностью, устраивали в клубе концерты, играли спектакли, наши подшефные непременно присутствовали на просмотрах новых спектаклей. В свою очередь, курсанты обучали нас военному делу. У меня хранится фотография, на которой изображены Михаил Францевич Ленин и я с винтовками в руках около мишени, мы ворошиловские стрелки. Помогали нам подшефные и в работе над советским репертуаром, над такими пьесами, как «Бойцы» Б. Ромашова, «Слава» В. Гусева. И это оберегало театр от фальши.

Наступило лето 1941 года. После напряженного сезона Малый театр выехал на гастроли на Украину. Там и застала нас война. Никогда не забуду этот день, 22 июня. Он выдался ясным, солнечным и тихим. Мы собирались в театр на утренний спектакль, а потом должны были встретиться с рабочими Днепропетровска. И вдруг узнали, что фашисты напали на нашу Родину. Мы были уверены, что на спектакль никто не придет. Каково же было наше радостное изумление, когда мы увидели, что зрительный зал полон! За кулисами много незнакомых людей, словно они хотели приободрить нас. Мы приняли решение продолжать гастроли до указаний из Москвы. Через несколько дней пришел приказ о возвращении.

Москва встретила нас затемненными улицами, суровым, напряженным ритмом жизни. В театре сразу же началась подготовка бригад для отправки на фронт. Артисты выступали на призывных пунктах, перед эшелонами, уходящими на фронт, в госпиталиях. Слово всегда было мощным оружием артистов Малого театра, и словом, художественным словом, они помогали нашей армии.

Зимой 1942 года я с фронтовой

бригадой выехала на Западный фронт. Мы выступали в летних частях, и очень часто прямо с концерта наши зрители отправлялись на боевое задание. Каких отчаянно храбрых и прекрасных людей видели мы тогда! Никогда не рассказывали они о себе, говорили о семьях, оставленных в тылу, о книгах, о фильмах, о своих сердечных делах, а на все вопросы, связанные с полетами, отвечали: «Было задание, выполнял. Чего тут рассказывать?» Меня называли «мамашей», потому что мой сын тоже был на фронте, тоже был летчиком.

Я всегда мечтала играть роли героические. Думала о героическом. Но представляла себе героическое только как романтическое — звонкое, яркое, исключительное. А здесь, на фронте, я постоянно встречалась с героизмом неброским, будничным, чужающимся громких слов и деклараций. И родилось во мне желание воплотить на сцене свою современницу, женщину, пронесшую на своих плечах горе войны.

Когда театр принял к постановке пьесу Лавренева «За тех, кто в море», я увидела возможность выразить свои мысли и впечатления в образе актрисы Гореловой. Война отняла у этой женщины все: ребенка, мать, мужа. Артистическая деятельность на фронте — это ее вклад в дело защиты Родины. Она так и говорит: «Я не могу держать оружие бойца, у меня одно оружие — мое искусство!»

После войны я стала председателем Центральной военно-шефской комиссии. Я часто бываю в частях, и в тех, что расположены далеко — на Севере, на границе, и могу сказать: изменились теперь люди, служащие в армии. Молодые солдаты и матросы, как правило, хорошо образованные люди. Они много читают, прекрасно разбираются в литературе, в живописи, знакомы с последними достижениями науки. И, конечно, такой высокий уровень культурного развития нашей армии требует и новых принципов шефской работы. Если прежде все это ограничивалось главным образом шефскими спектаклями и концертами, то теперь в работу включилась вся интеллигенция. К воинам с лекциями и докладами ездят видные ученые, писатели, журналисты, работники музеев и библиотек. Художники руководят изостудиями, актеры и музыканты — кружками художественной самодеятельности. До недавнего времени много огорчений доставляли мне архитекторы: они не могли найти формы шефской работы. А разве молодому человеку, призванному в армию, не интересно узнать об архитектуре села, о будущем наших городов? Сейчас архитекторы разработали несколько интересных тем, с которыми поедут в воинские части.

Вот несколько цифр: за один только год шефы дали 24 тысячи спектаклей и концертов, а всего было проведено 395 тысяч культурных мероприятий.

Полвека работаю я в театре. И полвека числю себя в шефах нашей любимой армии.

Мне хочется сказать молодежи — и воинам и молодым деятелям искусства: мы, старшие, передаем вам эстафету дружбы.

Артист несет в жизнь свое искусство, свой талант, а у жизни черпает вдохновение.

Депутат итальянского парламента от одного из округов Сицилии адвокат Людовико Коррао, человек деловитый и обязательный, с уверенностью гонщика управляет своим автомобилем «Фиат-850».

Мы минуем длинные улицы Палермо, с полчаса петляем по склонам гор, вновь поднимаемся к Монреалу и катим дальше над зеленой долиной, имя которой Конка д'Оро («Золотая впадина»). В щедром, обильном плодородии под нами красуются лимоны, апельсины, фики. Постепенно они отступают назад, и мы втягиваемся в ущелье, которое становится все теснее, все угрюмее; уже никаких лимонных над каменной дорогой повисают склоны голых гор, встают башнями мрачные скалы.

После того как мы побывали у Иньяцио Бутито, я под впечатлением кантастории понял, что не успокоюсь, пока не съезжу в те места, где происходила маевка крестьян, подвергшихся нападению банды Джулиано, где сицилийские бедняки уже не одно десятилетие борются со своими помещиками за обладание землей. Свези меня туда, в горы, выжженные солнцем края, выразил согласие любезный Людовико Коррао. Заодно, сказал он, мы посмотрим и его расположенное там небольшое хозяйство, которое называется Мандриа-нова («Новое стадо»).

Совсем до недавнего времени полными хозяевами здесь были разбойники, — рассказывает Коррао, поглядывая на обступившие дорогу каменные нагромождения. — Путники они оставались чаще всего в этой самой тесной части Соломенного ущелья.

— Мафия? — спрашиваю я.

— Нет, просто разбойники. Крестьяне, которым нечего было есть. Мафия — сложная организация, с ней ни одно правительство Италии не могло и пока не может справиться. Кроме правительства «дуче» — Муссолини. «Дуче» упрятал мафиштов в тюрьмы. Теперь они выдают себя за борцов против фашизма.

— А почему, собственно, фашизм так относился к мафии?

— Потому что он сам был достаточно мощной мафией. Никакая иная ему была не нужна. Так вот, говорю я, здесь в большинстве орудовали не мафишты, а те, у кого не было земли, чтобы прокормить себя и свои семьи. Это были люди, пошедшие в разбойники от крайней нужды. А мафия... Мафия — совсем другое дело. Это крепкая, разветвленная организация, стоящая на страже интересов землевладельцев. Вы же знаете, наверное, что земли Сицилии испокон веков расхватали крупными помещиками: и своими, сицилийскими, итальянскими, и чужеземными. Громадным массивом нашей земли, например, до сей поры владеют потомки адмирала Горацио Нельсона. Не забавно ли? В восточной части острова, в живописной местности, совсем не такой суровой, как здесь, вы можете посетить адмиральский замок Кастелло ди Маньячи и в его церковном дворе увидеть крест из вулканической лавы с надписью: «Бессмертному герою Нильской битвы». В большинстве своем, точнее, почти все, крупные землевладельцы не живут в деревнях, а обитают в городах, понастроив там виллы и замки. А земля?.. Они ее или сдают в аренду, или для обработки полей нанимают батраков; батраками командуют управители. Это в одном случае. А в другом — земля просто пустует. Ни себе, как говорится, ни людям. Ну и, конечно, при таком положении происходило и происходит немало эксцессов. Крестьяне самовольно захватывали и продолжают захватывать пустующую землю, запахиывают ее... А мафия?.. Тут-то и вступает в дело мафия. Наемники помещиков закупают крестьян: поджигают их дома, вытаскивают посевы, а то и убивают. Выстрел из ружья или из автомата в лицо — и конец.

— Вы говорите, что разбойники — это кре-

стьяне, оставленные без земли, впавшие в крайнюю нужду. А Сальваторе Джулиано, который огонь своей банды направил на крестьян, праздновавших Первое мая?..

— Джулиано? — Людовико Коррао выпрямился за рулем. — Это — дело особое. Кстати, прошу обратить внимание: мы въезжаем, как называл его Карло Леви в своей книге, в «печальное царство» этого самого Джулиано. — Он повел рукой по сторонам.

Склоны ущелья расступились, и перед нами распахивалась широко лежащая среди гор лиловая долина; она покато спускалась к извилистому руслу пересохшей реки, над которой тесными скоплениями домиков белело несколько — далеко одно от другого — открытых солнцу, без единого пятна зелени, каменных селений.

— Вот там, — Коррао указал на селение, которое сидело справа в горах, — Джулиано убил четверых человек. И вот в том, которое пониже, убивали... И в том, следующим. А мы едем в Сан-Джузеппе и в Сан-Чипирелло. Они рядом. Тут Джулиано встречался и с мафиштами и с представителями полиции. Он был таким разбойником, который отличался от других: полиция его не трогала, он с ней делился добычей. Все это в общем-то изрядно переплетается: мафия, разбойники, правительственные органы. И в тот день, в день бойни в Портелла делла Джинестра, разбойник Джулиано, направляемый рукой мафии по заданию тогдашнего министра внутренних дел, был орудием политической борьбы. Вот как у нас все сложно.

Коррао остановил свою машину в Сан-Чипирелло. На главной улице, возле сельского бара, нас обступили крестьяне. У всех у них были веселые, довольные лица. В чем дело?

— Мы крепко победили на выборах неделю назад. Кто мы? Ну коммунисты же, о мамма! За наши списки голосовало тысяча четырех избирателей. За списки всех остальных партий — тысяча двести. Теперь у нас и мэр — коммунист! Вот он идет! Знакомьтесь. Джузеппе Италияно!

После крепких рукопожатий спрашиваю:

— А фашисты участвовали в выборах?

— Фашисты! — Все почему-то весело смеются.

— Да, — повторяю, — фашисты. — Спрашиваю я об этом потому, что во многих городах Италии собственными глазами видел плакаты, призывающие итальянцев голосовать за кандидата некоего «Итальянского социального движения», и знал, что под этим псевдонимом ныне выступает фашистская партия.

— Не держим! — ответили мне. — Фашистов у себя не держим. Фашисты гнездятся в городах, а если водятся еще и в деревне, то в местностях побогаче, не в таких голодных и трудных, как наша.

— Фашисты — это одни студенты! — убежденно заявил крестьянин в зеленой старой шляпе.

— Не скажи, — возразил ему плотный, кряжистый Италияно. — Студенты только на подхвате, для драк и беспорядков. А главная сила фашистов... ее нельзя преуменьшать... главная их сила опирается на деньги крупных промышленников и торговцев, на аксельбанты и погоны генералов.

Заходим в бар, стоим у стойки, угощаемся своеобразным сицилийским прохладительным — мелкодробленым льдом, в который выжат сок из лимонов.

— Много дела предстоит нам теперь сделать, — рассказывает Джузеппе Италияно. — Сверху живут наши крестьяне. Нет воды ни для полей, ни для дома. Нет электричества. Нет школы...

— Земля в этих местах раскалывается от ежегодных засух, — вступает в разговор Коррао. Он депутат парламента как раз от этого округа, он независимый, не избирался по списку компартии, его здесь все знают, и он знает всех. — По несколько летних месяцев в горах не бывает дождя. Все из-за этого солнца, — указывает он на огненное небо, в котором дневное светило стоит прямо в зените. — Солнцу помогает горячий африканский ветер. — Коррао протягивает руку в сторону юга. — До Африки совсем

недалеко: остров Пантеллерия, а за ним уже и Тунис, пару сотен километров, если не меньше. Без воды получать устойчивые урожаи невозможно. А где ее взять, эту воду? Центральное правительство страны не очень-то жалует вниманием Сицилию. Сицилия — падчерица Италии, золушка. Нам нужны ирригационные сооружения — плотины, водохранилища, нужны электростанции. Вот уже сколько лет идет борьба за постройку одной из таких необходимых плотин. Никто не поддерживает, только мешают. Кто мешает? Мафия! Едва выйдут в поле изыскатели и землемеры — стрельба из ружей. Прогоняют. У активистов поджигают дома. Только в последнее время кое-что начинает сдвигаться с места.

Мы ходим по Сан-Чипирелло. Узкие улочки — в гору и с горы. Вместе с людьми во многих домах находятся и животные — телята, козы. Но есть дома хорошие — это дома тех, кто побогаче.

— Очень-то богатых у нас нет, — рассказывает Италияно. — Наш крестьянин или батрачок на чужой земле, на земле ее хозяев, или арендует ее. Что такое батрак, все знают. А вот что такое сицилийский арендатор?.. Наш арендующий обязан отдавать хозяину пятьдесят процентов урожая. Половину! Сейчас мы развешиваем борбу за то, чтобы отдавать только сорок процентов, а себе оставлять шестьдесят. В перспективах, почти как мечта, видятся семьдесят. А пока вот — пополам. Слышали о ваших колхозах. Завидуем. Мечтаем. Два года назад сами организовали кооператив по возделыванию виноградников и переработке винограда. Дело идет успешно. Продаем очень много вина. По сто лир за литр. Но обманывают, конечно, нас перенушники. Сто лир — это дешево, чем кусок хозяйственного мыла, или пачка посредственных сигарет, или чашечка кофе с наперсток.

— Мы еще к вам вернемся, — говорит ему депутат Коррао, посмотрев на часы. — Съезжим вместе в Портелла делла Джинестра, если у тебя будет время, Джузеппе.

— Конечно. Буду ждать.

Мы едем еще с полчаса по извилистым дорогам, все удаляясь от берегов острова в его гористую, каменную глубь. Среди очередной долины, на открытом, испепеленном солнцем месте, без единого деревца вокруг, одиноко стоит обширный двухэтажный дом.

— Мое владение, — еще издали указывает Коррао. — Мандриа-нова.

Хозяина встречают его работники. Они живут в нижней части дома, где и кладовые, всяческие службы. Наверху, когда подымаешься по наружной лестнице, попадаешь совсем в другой мир, там сочетание старинной с современными удобствами: стилизованная столовая, собрание всяческих редностей, вплоть до бесценных греческих амфор, поднятых со дна моря.

Хозяйство Людовико Коррао основано на животноводстве. Под кровлей скотного двора стоят десятка два крупных бурых коров.

— Не выращиваем на своих полях ничего, кроме кормов, — объясняет Коррао. — Ну, правда, еще и виноград, делаем свое вино. Много вина.

Я сказал о роже лимонов Иньяцио Бутито.

— Лимоны — занятие несерьезное, — усмехнулся хозяин «Нового стада». — Сто лир за килограмм! Смешно. Без рубашки останешься. Молоко выгодней. Мы делаем у себя сыры нескольких сортов. Сыры могут лежать. Сыры не портятся. Удобны они и для транспортировки. С высокой террасы его дома видны все окрестности, обведенные вершинами невысоких сицилийских гор. На склонах белеют каменные горные селения.

— Вон то, видите? — указывает Коррао. — Которое справа. Это Кампорале. Там жил прекрасный человек, активист профсоюза, Кандиалози. Социалист. Его убила мафия. Жил там другой человек, староста, демохристианин Альмерино. Тоже погиб от руки мафиштов.

— Может быть, — высказываю я предположение, — вокруг вашего дома так пусто, так голо, нет ни деревца потому, что при этом лучше видно, если будут подкрадываться разбойники и мафишты?

— Нет, совсем нет! Я вырубил, вынорчевал

Продолжение. Начало в № 7.

ЦВЕТЫ И КРОВЬ

Всеволод КОЧЕТОВ

А. Лактионов. РИМ. КАПИТОЛИЙСКАЯ ЛЕСТНИЦА. Из итальянского блокнота.

все деревья лишь потому, что они отнимали воду от посевов кормовых культур. Вода у нас, я же говорю вам, пожалуй, дороже вина. А разбойники... Если они задумали тебя убить, от них нигде не укроешься. О мафия!

6

Вот она, Портелла делла Джинестра, о которой впервые я услышал в доме Иньяцио Бутито. Ложбина, или, точнее, теснина, между двух горных гребней. Через эту теснину (портеллу) лежит дорога от Сан-Джузеппе и Сан-Чипирелло в другую долину, с другими селениями. Ложбина поросла травами, усеяна валунами, скатившимися с красноватых нависших над нею клыкастых скал. Угрюмое место, пустынное, глухое. Оно пугало бы еще больше, если бы не удивительно радостный, властвующий над всем ином густой, могучий аромат чего-то такого, что одновременно несет в себе запах и цветущих жасминов, и спелых лимонов, и еще чего-то очень хорошего, но неведомого.

Так пахнет, оказывается, вот эта цветущая над обрывами полутрава, полукустарник — джинестра. Джинестру любят в Италии, окружают ее легендами, и она из-за своего радостного аромата заслуживает этого.

К Портелла делла Джинестра первого мая 1947 года с флагами, с музыкой, пешком и на подводах, как уже сказано, собирались крестьяне из Сан-Чипирелло, Сан-Джузеппе, Кампорале. Это все из одной долины. А шли, ехали и из другой, вон оттуда, где вокруг озера стоят странные домики, нездешние, не сицилийские. Среди них видны... Неужели это минареты?

— Да, конечно, минареты. Это же деревня албанская. Албанцы живут здесь с пятнадцатого века, когда они бегством в чужие страны спасались от турецких ятаганов. Удивительно, сколько веков прошло, а беглецы не только веру сохранили, но и язык, все обычаи и одежды!

Итак, в тот день на этой поляне, в центре которой сейчас уложена плита с надписью, рассказывающей о трагическом событии, собралось до пяти тысяч человек. С этого места, где сегодня плита, а тогда был крупный валун, выступали ораторы, говорили о том, что в одиночку сицилийский крестьянин никогда не добьется хорошей жизни, что для борьбы за

хорошую жизнь надо объединяться. Люди слушали — кто сидел на траве, кто на повозках. Некоторые уже подкреплялись припасами, готовясь к песням и пляскам.

— Я сидел вон там, поодаль. Был я тогда еще молодым и не лез на глаза старшим, — рассказывает Джузеппе Итальяно. — У нас образовался молодежный кружок. Отхлебывали вино из кувшина, закусывали. Хорошо было. Солнце первого майского дня еще не так жгло, как жжет оно летом, оно было ласковое в тот день. И вдруг выстрел! Сначала никто ничего не понял. Подумали, не фейерверк ли ребята затеяли среди белого дня. Но начали падать люди. А над теми дикими камнями — смотрите, смотрите туда, к подножию скалы и на ее гребень — ружейный дым. Первыми испугались лошади. Они шарахнулись, понеслись с телегами на людей. Закричали женщины, дети. И началось... Да, страшное было дело. Восемь человек убито, множество раненых, и не только пулями, но и лошадыми, телегами.

Итальяно умолк, как бы снова увидев перед собой страшную картину, как бы вновь услышав крик Епифании Барбато над телом мертвого сына, как бы опять взглянув в открытые глаза убитой матери пяти ребят, беременной Маргариты Клишери... А вокруг было необыкновенно мирно и тихо. Источая клубы аромата, пышно цвела на земле, политой кровью, джинестра. В глубокой горной тишине было только далеко-далеко слышно успокаивающее звяканье колокольчиков на шеях коров.

— Здесь довольно большое расстояние, — прикинув число метров от камней на скале до того места, где мы стояли, принялся я демонстрировать свои знания стрелковой техники. — Неужели охотничьи ружья...

— Нет! — воскликнул Итальяно. — Не охотничьи! Бандиты Джулиано были вооружены боевыми винтовками и автоматами. Откуда они их взяли? На суде такой вопрос старательно заминали. Во всяком случае, по заводскому клейму, оно было американского производства. Шайку Джулиано снабдила оружием мафия, а мафия подкинула его те, кто высиделся на южных берегах Сицилии в тысячу девятьсот сорок третьем году. Союзники! Всем же известно, что предварительно они столковались с мафией, чтобы она им оказывала помощь. Одним из главных вожakov мафии в ту пору был знаменитый дон Калоджеро Виццини, сепаратист, оголтелый антикоммунист. Он вступил в сговор

с англо-американцами, и его люди получали от них оружие. Вам бы повидаться с товарищем Джироламо Ликаузи, как его у нас называют, с «главным коммунистом Сицилии», он бы рассказал кое-что интересное об этом. Он ведь сам пострадал от мафии. Года за три до нашей маевки на митинге в селении Вилльальба, близ Кальтаниссетты, мафиисты пытались его убить из пистолета.

— Да, синьор Ликаузи — интересный человек, — подтвердил Коррао. — Но на Сицилии его сейчас нет. Он в Риме. Там заседает парламент. Я тоже завтра улечу самым ранним самолетом.

«Печальное царство Джулиано», — вспомнил я на обратном пути в Палермо слова Карло Леви, приведенные депутатом Коррао. Царство это, безводное, спаленное солнцем, оно действительно сегодня не наполнено весельем. Но оно не Джулианово царство. Все-таки это царство Джузеппе Итальяно, его товарищей, неделю назад серьезно победивших на выборах в местные органы управления, царство пока что ничего, немущего, безземельного, но непреклонного трудового народа Сицилии. В разбойничьи шайки пошли единицы, пошли наименее стойкие, отчаявшиеся. А тысячи-то и тысячи идут с коммунистами. 1 400 из 2 600 принявших участие в выборах отдали свои голоса за коммунистов — это ли не знаменательно! Такое не само собою приходит, нет. Немалый труд вложили, чтобы добиться такой победы, сицилийские коммунисты. И труд, и здоровье, и ночи без сна, и кровь. Джироламо Ликаузи... Непременно надо повидать человека, который вышел на открытую схватку с мафией. Надо найти его в Риме...

— Ликаузи? — сказали мне палермские друзья. — Да, да, вы должны с ним встретиться. Мы все, конечно, знаем о делах мафии. Но он больше всех знает. Ах, мафия, мафия!.. Сейчас на Сицилии заново расследуется дело об убийстве журналиста Козимо Кристини. Это убийство хотели выдать за самоубийство: выпал, дескать, на ходу поезд из вагона. Быстренько его похоронили. Это было несколько лет назад. А сейчас подняли архив, и что вы думаете: следы ведут все туда же, к мафии. У Козимо был небольшой прогрессивный журнальчик «Прогрессивные Сицилиане», в нем Козимо не стеснялся говорить правду о мафии, о ее главарях.

7

У входа в здание парламента Италии, по сторонам которого несут службу две пары карабинеров в сверкающей форме, нас встретил молодой, но очень подвижный, жизнерадостный человек. Опираясь на палку, прихрамывая, он с полчаса показывал нам строгие парламентские коридоры, многочисленные залы: и светлые и сумрачные и большие и малые, в том числе и знаменитый Зал Волчицы, той самой, без которой невозможна история Рима. Наконец мы оказались в скромных комнатах, которые отведены для работы парламентской фракции коммунистов.

В одной из таких комнаток наш хозяин, Джироламо Ликаузи, «главный коммунист Сицилии», устроился поудобней на диване, все время держа под рукой свою внушительную, увесистую палку, и хорошо, открыто, очень по-доброму улыбнулся во все большое, умное лицо.

— Рад вас видеть, рад. Не раз бывал в Советском Союзе. Однажды даже лечился в Кисловодске, в чудесном санатории «Красные камни». Еще бы хотел съездить. Всегда получал большую идейную, нравственную зарядку. Отличные у вас были революционные кинофильмы, фильмы о ваших великих строительствах. Как они помогали нам здесь, всему коммунистическому движению!

Он один из старейших деятелей Коммунистической партии Италии. Сейчас товарищ Ликаузи — заместитель председателя ревизионной комиссии КПИ. Но много лет он был и на более высоких партийных постах. Годы, годы... Семьдесят лет не шутка. Так, как прежде, в этом возрасте не поработаешь без устали, не покинешь с былым жаром, хотя он по-прежнему бодр и деятелен, этот пламенный сицилиец, еще в 1912 году вступивший на путь революционного движения. Сын кустаря-сапожника, вначале он оказался среди социалистов, но жизнь в конце концов привела его, убежденного марксиста, в ряды коммунистической партии. Почему его называют «главным коммунистом Сицилии»? Да потому, что он всегда в центре партийной работы на острове. С падением фашизма в 1943 году Джироламо Ликаузи тотчас же начал работу по объединению разобщенных, разогнанных фашистами партийных кружков. Пламенное его слово, как жаркий ветер, летело над Сицилией.

— Товарищ Ликаузи, — говорю я, — среди цветущей джинестры, близ сицилийского селения Сан-Джузеппе, крестьяне рассказали мне кое-что о том, как вы однажды столкнулись с мафией. Нельзя ли от вас самого узнать подробности того события?

— А что они вам наговорили? — Он смеется. — Ну расскажите, пожалуйста. Чего там наши сицилийцы насочиняли?

— Примерно вот что. Дело было в деревне Вилльальба, близ Кальтаниссетты...

— Правильно, в Вилльальба.

— Вы, товарищ Ликаузи, во время митинга находились на площади и, стоя на столе, специально вынесенном для ораторов из ближнего дома, выступали перед слушателями. А какой-то мафист буквально с десяти шагов пустил в вас пулю из пистолета. Вы не только удержались на ногах, но еще и крикнули: «Стреляйте, стреляйте, все равно я отсюда не уйду!»

Ликаузи усмехнулся, решительно задрал бровину, и я увидел на его крепкой, жилистой ноге старый рубец большой, рваной раны.

— Что касается пули, то вот ее работа. А что там крикнул, — не помню, не в том было дело. Дело было совсем в другом. — Он примолк на минуту, потер лоб ладонью, обдумывая. — Вы помните, конечно, — заговорил вновь, — что союзные войска высадились на Сицилии с необыкновенной легкостью. Почти что шутя и играя. Почему? Ну, начнем с того, что силы немцев на острове были пустячные. Фактически никакого сопротивления они не оказали. Возможно, что какую-то роль сыграла та ловкая комбинация английской разведки с подобранными к берегам Испании трупом якобы штабного английского офицера, при котором «случайно» оказались, конечно, специально для этого сфабрикованные планы союзного командования. О той истории немало писали, вы о ней знаете. Но были еще и иные причины того, почему так легко в руках англо-американцев оказалась Сицилия. Высадку союзников рьяно подготавливали и наши местные, сицилийские феодалы. Особенно они жаловали своими симпатиями американцев. Американцы, в свою очередь, были до крайности заинтересованы в Сицилии, и не только в целях ближней стратегии. Нет, они делали ставку с большим взглядом вперед. Здесь было место стратегии не столько против немцев, сколько уже против Советского Союза, против вас. Американцы уже тогда готовили почву для разрыва союзнических обязательств, для разрыва с Советским Союзом. Сицилия им была нужна как ворота в Африку, в арабские страны. А без разрыва с Советским Союзом такие ворота не получишь: Советский Союз на это не согласится. Верно? Верно. Вообще тогда была чертовски сложная обстановка и во всей Европе и в нашей Италии. На севере страны из движения сопротивления разрывалась война, носившая уже революционный характер. Магнаты Италии были в панике. Они озирались по сторонам, и Сицилию готовили как свое убежище, как бастион на крайний случай. Правительство де Гаспери объявило тогда автономии Сицилии, полагая, видимо, что в том случае, в случае если Советы, пройдя воевавшие против них страны, захватят Германию, Австрию, а затем и Италию, Сицилия-то уже будет вне Италии, будет автономна. Де Гаспери заверял демохристов, что они окажутся на острове в особых условиях.

Ликаузи примолк, подумал.

— Да, — продолжал он. — Ни у американцев, ни у наших воротил так, как бы им хотелось, не получилось. В апреле, а именно двадцатого апреля, тысяча девятьсот сорок седьмого года состоялись выборы в первый парламент Сицилии. Большинство на этих выборах получили отнюдь не демохристиане, а коммунисты, социалисты и независимые. Де Гаспери не ожидал такого результата, — началось зверское наступление на все прогрессивное, и прежде всего на коммунистическое. Первого мая сорок седьмого года, всего лишь через десять дней после выборов, в Портелла делла Джинестра, о которой вы только что упомянули, произошла стрельба по крестьянам, собравшимся на мавку. Дело здесь не в жестокости разбойника Джулиано. Хотя разбойник, под каким углом его ни рассматривай, все равно разбойник. Но он в том случае действовал не от себя, а по указке мафии. Ее, мафию, призвало на помощь демохристианское правительство. Расстреливать крестьян в столь острой революционной ситуации само оно не решалось. Десяти людей, активистов-общественников, были убиты мафиистами в те тяжелые годы. Шла упорная борьба за земельную реформу. Мафия, служа демохристианам, в то же время здорово шантажировала своих хозяев феодалов: дескать, все равно землю у вас отнимут, продавайте, пока не поздно, и сама скупала эту землю по дешевке. Видите, сколь сложный переплет: слуга прислуживает хозяину и грабит хозяина. Реформа тысяча девятьсот пятидесятого года была ублюдочной. Земли крестьянам дали до крайности мало, да и то ее надо было покупать. А не выкупит крестьянин в срок, — пропал его денежки. Он платит, платит, не выдержит, махнет на все и идет в разбойники.

Ликаузи поглаживал рукой больную ногу.

— Ну и, понятно, коммунисты завоевали массы. Во-первых, коммунисты не шли на компромисс с мафией, как, скажем, другие партии и организации. Коммунисты не трусили, не стеснялись и называть имена мафиистов, когда это было надо. Во-вторых, они призвали к более правильному, радикальному решению земельного вопроса.

Рассказчик как бы вслух обдумывал положение своего родного острова. Он не лекцию читал для нового человека, а решал какой-то сложный вопрос для самого себя.

— Может ли сейчас, — говорил он дальше, — центральное правительство отнять назад данную Сицилии автономию? Вряд ли. Хотя промышленные тузы Италии очень бы этого хотели. У нас они открыли нефть, вовсю стремятся развивать промышленность. Им что надобно? Чтобы сицилийцы своей автономией им не связывали руки. Не нужна автономия и земельным тузам — феодалам: без нее можно свободнее расторгать сицилийскую землю. А мафия? Мафия тут как тут. Она лезет в разные круги: уже не только в земельно-аграрные, но и в промышленные и даже в те, которые управляют государством. Занятно?

Старый коммунист невесело улыбается. Перед ним, перед его мысленным взором — горные бедные селения спящего солнцем острова...

— Товарищ Ликаузи, — говорю я, — а все-таки не расскажете ли поподробнее о той истории в Вилльальба, где в вас стреляли?

— А что рассказывать? Ничего не могу доложить к тому, что вы уже знаете. Никого тогда не арестовали за стрельбу, хотя все знали каждого в той шайке, в том числе, конечно, и стрелявшего. Начался было судебный процесс. Длился он восемь лет, покуда стрелявший не умер своей смертью. Вот и все. Пойдемте лучше пить кофе и есть мороженое!

Прощаясь с товарищем Ликаузи, я решил поинтересоваться, что же он думает о дальнейшем существовании мафии, будет ли когда-нибудь с нею покончено.

— Адрес для подобного вопроса мы нашли очень удачный, — ответил он, смеясь. — Я же не кто иной, как заместитель председателя назначенной парламентом комиссии по расследованию и изучению деятельности мафии. К кому же еще и обращаться! Но, увы, толку от нас пока немного. Утверждают, что слово «мафия» — арабское слово, а если не арабское, то, во всяком случае, из какого-то восточного языка, и означает оно: «То, что прячут». А кто знает, найдешь ли то, что спрятано так основательно, как наша мафия? Тем более, что уж очень много заинтересованных, чтобы ничего не найти.

8

Пожалуй, нет такого иностранца, который, побывав в Риме, не знал бы, что такое Вилла Боргезе, и не постарался бы посетить эту «виллу». Виллой Боргезе у жителей Рима называется обширная зеленая территория, на которой, в тени старых садов, помещается не только собственно сама вилла, с ходом времени превратившаяся во всемирно известную галерею Боргезе, но и национальная галерея современного искусства Италии, и даже зоологический сад, и много других интереснейших учреждений и памятников.

На территории Виллы Боргезе немало и обычных жилых домов. По мнению римлян, тот, кто здесь живет, счастлив. Ему не надо выезжать за город: он и так среди зелени, дышит свежим, не испорченным бензиновой гарью воздухом.

Чтобы найти дом и мастерскую Карло Леви, надо прежде всего добраться до Виллы Боргезе. Шофер такси отыскал в огромном городе узкую, кривую, идущую в гору улочку Виа ди вилла Руффо, поднялся по ней и затормозил возле дома номер тридцать один. Но хотя именно так, на этой улице и под этим номером, был у меня в блокноте записан адрес живописца-писателя, оказалось, что до его мастерской еще далеко. От дома номер тридцать один надо было подниматься по старой каменной лестнице туда, вверх, под сень деревьев, на один из многочисленных холмов Рима (кто сказал, что их только семь?), и уже не смотреть на номера домов, расположенных под этой сенью, а спрашивать, где живет маэстро Леви.

Маэстро встретил нас в обширной мастерской, завешанной, уставленной готовыми и полуготовыми полотнами, этюдами и эскизами, тем всегдашним рекавизитом, какой непременно присутствует в мастерской любого художника.

Собеседником Леви оказался превосходным. Покуда шла беседа обо всем понемногу, я вслушивался в его стремительную речь, вглядывался в его быстрые глаза, в энергичные жесты летящих рук. В Карло Леви было что-то сходное с Иньяцио Буттино, недаром два этих человека дружат много лет.

Жизнь Леви была нелегка. Советские читатели, знакомые с книгой его ярких, сильных очерков, объединенных общим названием «Христос остановился в Эболи», знают, что в края, о которых идет речь в книге, тридцатитрехлетний художник отправился не по своей воле. Медик по образованию, живописец по страсти, активный антифашист по убеждениям, он был в 1934 году арестован муссолиниевской охранкой и сослан в Луканию. Со временем, отбыв ссылку, он эмигрировал во Францию, затем вернулся, вновь был арестован, но отправлен уже не в ссылку, а в тюрьму и там поведать читателям о своем пребывании в Лукании, одну за другой развертывая в своих очерках картины жизни тогдашней фашистской Италии.

Очень интересна его книга «Слова-камни» — о Сицилии. Заговорив о ней, я постарался обратить мысль хозяина мастерской к тому, что меня интересовало.

— О, история в селении Вилльальба! — воскликнул он. — Эту историю я хорошо знаю. Очень хорошо. В том селении, когда произошло известное вам событие, жил дон Калоджеро Виццини, глава мафиистов округа, а может быть, и всей Сицилии. Могуственный человек! Это он вступил в сношения с американцами перед их высадкой на южном берегу. Без его воли, как без воли божьей, ни один волос человеческий не мог упасть в сицилийских горах и долинах. Но он был бездетен, и отсюда некий пункт... — Рассказчик взял мою записную книжку, мое перо и принялся чертить. — Вот площадь Пьяцца ди Вилльальба в центре селения. Его, кстати, это селение, можно называть и городком, как хотите. Но мы о таких селениях говорим: деревня. А вы — как хотите. Вот, значит, площадь. Вытанутая прямогольником. Не велика, конечно: метров пятьдесят в длину, двадцать в ширину. В одном ее торце — тут — церковь, в другом — казарма карабинеров. Вдоль одной длинной стороны — дом дон Калоджеро Виццини, вдоль другой — два дома, принадлежащих семье родовитых либералов девятнадцатого века Панталеоне. Остановим внимание на этой семье. У них был сын Микеле Панталеоне. Это мой хороший друг, о котором мне все так подробно и известно. Вы правильно сделали, что нашли именно меня. Так вот, о пункте дон Кало, как попросту звали Калоджеро Виццини. Не имея своих де-

тей, он все внимание свое обратил на Микеле Панталеоне. Глава мафии решил сделать из парнишки образцового мафииста, который бы впоследствии занял в мафии место вожана. Дон Кало наставлял Микеле в соответствующем духе, учил его обращению с оружием, словом, вырабатывал мафииста. А Микеле, в свою очередь, раздваивался. С одной стороны, дон Кало и мафия, а с другой — семья с либеральными, добрыми, старыми благородными традициями. Сложно, да? Очень сложно. В тот день, о котором у нас с вами идет речь, свободомыслящие люди Вилльальбы и ее окрестностей решили провести митинг на площади, вот на этой самой, которую я вам тут вычертил. Одним из главных организаторов этого дела был, конечно, товарищ Ликаузи, с которым мы вчера встретились. А надо сказать, что до того дня никаких публичных собраний во всей округе не бывало: мафиисты делали это невозможным. Прогрессивные круги учитывали такое положение и, чтобы избежать неожиданностей, снеслись с главой мафиистов. «Что ж, — ответил им местный вседержитель, — говорить говорите о чем угодно, но чтобы и словом не поминались ни вопросы землевладения, ни мафия. А не то... Вы меня знаете. Слов на ветер я не бросаю».

Кто-то позвонил Леви по телефону, чтобы он немедленно куда-то шел. Он развел только ру-

— Всюду все равно не поспеешь. — И продолжал: — Перед началом митинга дон Кало приказал вынести ему из дома стул и усад на нем посередине площади. С палкой в руках. Положив ладони на ее набалдашник. Стали собираться люди. Поблизости от казармы карабинеров у стены дома установили вместо трибуны стол. Но людей, надо сказать, на площади было очень мало. Боялись. Чего? Мафиистов. Те с ружьями и пистолетами в руках стояли вокруг всей площади, прислонившись задом к стенам зданий и, как гадюки, смотрели на каждого, кто появлялся на площади. Крестьяне жались в боковых улицах да выглядывали из окон домов. А на самой площади, вдоль стола для ораторов, толпились только небольшая группа шахтеров, которых привел с собой товарищ Ликаузи. И так, начался митинг. Первым оратором был приезжий университетский профессор. Он говорил о чем угодно — об истории Венецианской республики, о теории искусства, о жизни Бенвенуто Челлини, о непорочном зачатии, — только не о земле и не о мафии. Когда он закончил, дон Кало снисходительно похлопал в ладоши: все, мол, хорошо, приветствую такой митинг. Крестьяне, конечно, от этого осмелели — стрельбы нет, напротив, аплодисменты, — стали выходить из улиц, площадь заполнялась. Следующим поднялся на стол... Кто бы вы думали? Любимец дон Кало, Микеле Панталеоне. Тот же не говорил ни о чем прямо в лоб. Но все же в его речи прозвучали семейные либеральные нотки. Дон Кало едва стерпел такую вольность. Аплодировать не стал. Подошла наконец очередь вожана коммунистов — Джироламо Ликаузи. И он размахнулся на полную мощь. Это же замечательный оратор, трибун, подлинный народный вожак. Мафия в его речи была названа преступной организацией, названы были имена, факты преступлений. «Баста!» — выкрикнул дон Кало и поднял свою палку над головой. Мафиисты по этому сигналу открыли отчаянную пальбу — кто вверх, а кто и нет. Один из них с нескольких шагов, чуть ли не в упор, выпустил несколько пуль в Ликаузи. Тот выкрикнул свои знаменитые слова: «Стреляйте, стреляйте, я все равно отсюда не уйду», — схватился за грудь, за живот... и упал. Упал не на мостовую, а на подхватившие его руки. На чьи? Панталеоне! Микеле Панталеоне. Воспитанник дон Кало подхватил вожак коммунистов, взвалил к себе на спину и, никто — тем более, что все думали, будто бы оратор убит, — не успел и глазом моргнуть, утащил его за угол в боковую улочку. Затем выскочил оттуда снова на площадь и стал стрелять в воздух из пистолета, который у него был, как у каждого мафииста. Мафиисты удивились, поразились, прекратили стрельбу. А к тому времени раскочаились и карабинеры, высыпали из казармы. Убитых в этой схватке не было, но до тридцати человек мафиисты ранили, некоторых очень тяжело.

— Значит, товарища Ликаузи спас Микеле Панталеоне?

— Да, Микеле. Но еще и то спасло, что, хотя Ликаузи был ранен в ногу, он схватился за грудь и за живот, прежде чем упасть. Он так хотел защититься от новых пуль. А бандиты подумали, что он уже убит.

Заканчивая свой рассказ, Карло Леви доба-

вил: — Человеку семьдесят лет, но огонь его не ослаб, не остыл. Послушали бы вы, как и сегодня выступает он перед крестьянами Сицилии! Он говорит с ними на их родном сицилийском диалекте, язык его образный, яркий, речь зажигательная. Это не книжник, не начетчик. Это солдат старой партийной гвардии.

«Так чье же там царство, в сицилийских горах и долинах, — возразился я все к той же мысли, — разбойников типа Сальваторе Джулиано, мафиистов, прячущих американские пистолеты в рукавах курток, или же таких, как Джузеппе Итальяно из Сан-Чипирелло и его единомышленники, сколачивающие крестьян в кооперативы, таких, как Джироламо Ликаузи, всего себя отдающего борьбе за народное благо? Мир подобных дону Кало, ныне почившему в бозе, подобных убитому Сальваторе Джулиано, еще силен. Те, кто окружает Ликаузи и Итальяно, пока не владеют теми материальными средствами, которые утвердили бы их как хозяев страны. Но они властвуют в сердцах, в помыслах своих соотечественников. А в конечном итоге, как показывает история, это важнее и прочнее всего остального».

На новый уровень

Семен ШУРТАКОВ

Деревенские заметки

Сад Георгиевич Кабенков.

Поля России покрыты снегом. Уже порядочно его выпало, толстой белой шубой укуталась земля, а синоптики обещают новые снегопады. И это хорошо. Ведь снег — это влага, которой так часто недостает нашим полям. Снег — это тоже урожай.

Прошлый, 1966 год, как известно, сложился удачно. Страна собрала небывалое количество хлеба. Но пора думать об урожае нового года. Надо думать о том, чтобы новый урожай был не ниже прошлогоднего, а еще лучше, если он будет выше, — к этому нас зовут решения мартовского (1965 года) и майского (1966 года) пленумов ЦК.

И, думая об урожае нового, юбилейного года, я нет-нет да и возвращаюсь мыслями к недавнему прошлому, к той горячей поре, когда на умоливших сейчас полях гремела из края в край, кипела летняя страда...

Лето шло сухое, бездождное. Только раз помочило где-то в середине июня, когда хлеба выбивались в трубку, да и то дождь был несильным и недолгим, неглубоко промочил.

В конце июня и начале июля солнце ни разу не закрыли тучи. По дорогам клубилась густая пыль.

В один из таких жарких июльских дней мы вместе с председателем колхоза «Друг рабочего» Садом Георгиевичем Кабенковым ехали по полям. Останавливались у одного поля, у другого, срывали по колоску, растирали в ладонях, пробовали зерно на зуб. Уже успевшее высохнуть на корню, но еще неспелое зерно вышелушивалось из колоса с трудом, и не было в нем той округлой наливистости, которая, может, больше всего другого радует глаз хлебороба.

Я вспомнил прошлый урожайный год. Сколько по сравнению с ним недоберет колхоз хлеба.

— Да, — с горечью сказал Сад Георгиевич. — Все ограниченно... Если не наполювину, так на треть хлеба будет меньше...

Сад Георгиевич — старый, умудренный большим опытом хлебороб. Негустые, мягкие волосы его старательно выбелила седина. Он только в председателях ходит вот уже около двадцати лет, а вообще-то на его памяти и довоенные и даже доколхозные времена. Ему есть что и с чем сравнивать. И вот даже он не много помнит таких засушливых годов.

Рожь можно было начинать убирать хоть завтра же — зерно выглядело черствым, сухим. Недалеко отстала и яровая пшеница.

— Ты смотри, как сварила ее, — начал головой Сад Георгиевич, разглядывая на ладони чахлые, сморщенные зерна.

Но вот по обеим сторонам дороги потянулись большие массивы люцерны, и хмурость сошла с лица председателя, морщины на его загорелом лбу разгладились.

— Вот она, наша матушка, надежда наша. Такая сушь, а ей хоть бы что — не робит. Один унос уже сняли, и немало накосили — вон их сколько понаставили! — Председатель кивнул на стоявшие тут и там по полю аккуратные клады. — А через неделю-другую опять можно носить, так что, считай, рядом с каждой кладью еще одна встанет.

Люцерна буйно зеленела, будто была неподвластна жгучему солнцу, будто она вообще росла под каким-то другим солнцем, на какой-то другой земле. Сплошной зеленый ковер наглухо прикрывал почву, не давая влаге уходить.

Глухой зеленый покров спасал поле от засухи. Люцерна в нынешний засушливый год спасала колхоз от бескормизны. Но сколько в свое время пришлось председателю воевать, хитрить, изворачиваться, чтобы спасти эти посевы люцерны от полного искоренения! Сколько было походов против трав, сколько было спущено указаний о замене их то кукурузой, то бобами, то еще чем...

На другой день ударил дождь — спорый, сильный, может, самый сильный за все лето. Тот самый дождь, который так нужен был хлебу, пока они росли и созревали, и который теперь им был совсем ни к чему.

Итак, лето здесь, что называется, не задалось. Я, разумеется, говорю не о всей стране. Страна наша так велика, что даже и в самые урожайные годы находится немало районов неурожайных. Речь идет именно о таких районах.

И вот что интересно. Лето было здесь засушливым, неурожайным, а планы заготовки хлеба колхозы выполняли полностью. Вы скажете: нашел чем удивить! И в прежние неурожайные годы планы тоже выполнялись. Любимой ценой, как тогда было принято говорить, но выполнялись. Всем хорошо известно, что разумелось под этой «любимой ценой». Хлеба в колхозных амбарах не всегда и на семена оставалось. А уж о том, чтобы на трудодень колхозникам выдать или на фураж оставить, — об этом в такие годы и разговору не было. Так, может, такой же ценой выполнен план хлебозаготовок и в этом году?

А вот послушаем, что говорит на этот счет С. Г. Кабенков.

Разговор у нас происходил в самом конце уборки, когда итоговая картина года уже прояснилась. Я спросил Сада Георгиевича, как отразится такой большой недобор хлеба на трудодне. В прошлом году, как мне было известно, колхозники получили зерна и муки на трудодни что-то около двух килограммов. А нынче? Хотя бы половину-то получат?

— Ну почему же половину? — ответил председатель. — Постараемся удержаться на прежнем уровне.

Признаться, ответ этот меня немало удивил. Интересно: за счет чего же председатель собирается удержаться на уровне прошлого урожайного года?

— А помнишь, мимо люцерны мы проезжали? Что повыше Сеньниного Куста? А за Мочальным у

нас, помнишь, клевера? Так вот за их счет и удержимся.

Странный ответ, не правда ли? Я его про хлеб, а он мне про траву. Однако не будем торопиться с выводами.

— План заготовок у нас теперь помене прежних лет. И вопрос стоит не в том только, чтобы его выполнить. Надо, чтобы побольше осталось разного хлеба на фураж. Ну и, конечно, на трудодни. Но особенно на фураж. Потому что у нас сейчас не то, что в первые послевоенные годы: вон сколько всякого-разного скота — и коров, и свиней, и овец надо кормить, да не соломенной, а калорийной, питательной...

— Ну ладно, это понятно. А мы говорили про трудодень.

— Вот и я про него. Травы мы покрываем недобор фуража, а то, что планировалось на трудодни, так и остается.

Вон дело в чем, оказывается!

— А как с денежной оплатой?

— Рассчитываем тоже остаться на прежнем уровне.

— И тут люцерна выручает? — Это я спросил уже в шутку.

— Представь себе, да! — вполне серьезно ответил председатель. — Не все дело в ней, конечно, но и в ней. Хозяйство у нас сейчас не то, что прежде, не на одном зерновом полузе едет. Я про животноводство говорю. От него дохода мы получаем не меньше, а то и побольше, чем от полеводства. А основа — опять же корма...

Может, кто-то, читая все это, подумает, что взялся я за свои заметки, чтобы пропеть еще одну хвалебную оду многолетним травам. Поглядите, мол, какая это в нашей средней полосе прекрасная культура — даже в засушливый год выручает!

Похвального слова и клевер и люцерна, безусловно, заслуживают. Но мне хочется сказать о другом.

Чтобы показать крепость и силу того или другого хозяйства, мы обычно берем удачливый урожайный год и красочно описываем, сколько и чего колхоз получил с гектара, сколько отчислил в неделимый фонд, сколько оставил на трудодни, на культурные и всякие другие нужды. И получается внушительно, получается убедительно. Может, так и надо делать, не знаю.

Но я, как видите, взялся описать год засушливый, неурожайный и все же говорю, что колхоз не упал, даже не споткнулся, а удержался на уровне прошлого, урожайного года. Больше того, колхоз «Друг рабочего» строит в этом, тяжелом для него году типовой коровник на двести голов, заканчивает строительство большого каменного клуба, ремонтной мастерской... И не знаю, кому как, а мне так все это о силе и крепости хозяйства говорит куда красноречивее, чем любые сногшибательные цифры урожайного года. Потому что, как там ни крути, а погода нам все еще остается неподвластной. Но уж если хозяйство устояло на ногах в трудное лето, то надо ли сомневаться, что оно поднимется на новую ступень в год более благоприятный?

А еще, наверное, и о том надо сказать, что решения мартовского

(1965 года) пленума ЦК КПСС создали такие условия, при которых колхозы имеют возможность развиваться более планомерно, а не так, как прежде: в один год вырвался вперед, а на другой остался и без хлеба и без денег.

Приведу еще одну цифру. В июле колхоз выполнил годовой план по мясу. А в декабре Сад Георгиевич сдал еще почти столько же. Может, его кто-нибудь поинтересует торопиться с выполнением годового плана еще в середине года? Нет. Прекрасным агитатором тут служит рубль, точный экономический расчет. Если раньше производство мяса и молока нередко обходилось колхозу дороже той цены, по которой он сдал их государству, и, значит, чем больше сдал, тем больше терпел убытку, то сейчас ему выгоднее продавать и молоко и мясо. А если говорить про нынешний неблагоприятный год, то следует прямо сказать, что именно благодаря хорошо развитому животноводству, благодаря тому, что оно приносит колхозу немалый доход, он и удержался на ногах, остался, как говорит председатель, на прежнем и, добавим, довольно высоком уровне.

И вот тут мы подходим к самому главному, ради чего, собственно, и пишутся эти заметки.

Если колхозы наши, по меткому выражению председателя «Друг рабочего», едут не на одном зерновом полузе, если животноводство занимает в их финансово-экономическом балансе не какую-то второстепенную, подсобную, а чуть ли не главенствующую роль, не будет праздным, наверное, поинтересоваться: а каков уровень ведения этой важной отрасли хозяйства, каково в первую очередь ее техническое оснащение?

Если мы возьмем полеводство, то увидим, что уровень механизации здесь довольно высок. Правда, для картофеля и свеклы, скажем, он будет значительно ниже, чем для ржи и пшеницы, но в целом эта отрасль колхозного производства механизирована никак не менее чем на 80—85 процентов. В животноводстве мы видим, так сказать, обратную картину: около 80—85 процентов ручного труда и только каких-нибудь 15—20 — механизированного.

Чтобы кому-то не показалось, что я сгущаю краски, напомним некоторые общезвестные, опубликованные в газетах цифры. Водоснабжение колхозных дворов механизировано у нас лишь наполовину, электроудение — на одну четверть, а такие тяжелые, трудоемкие работы, как раздача кормов и уборка навоза, — всего на 6—7 процентов.

Что же получается? Животноводство давно уже перестало быть простым подспорьем полеводству, давно уже стало таким же главным «нитом» колхозного производства, а «нит» этот так слабо технически вооружен! И сколько мы ежегодно теряем от этого? Если бы потери выразить в рублях, то получились бы, наверное, цифра вполне достаточная, чтобы проценты 15 и 85 поменялись местами.

Приведу один, так сказать, наглядный пример.

В 30-е годы, кто помнит, на плакатах, изображавших сельский пейзаж, частенько рисовались длинные такие колхозные дворы, а по их концам обязательные силосные башни. Каменные, добротные, красивые. Началась война, и стало не до силоса: не всегда хватало обыкновенной соломы. Но война кончилась, колхозы стали подниматься и опять начали силосовать корма. Кое-где в тех же уцелевших каменных башнях, но чаще всего в так называемых открытых траншеях. А в последнее время уж и совсем дело это упростилось — силос стали закладывать в открытых буртах. Прямо у скотного двора выбирается площадка, на нее свозят травы, гусеничные трактора ползают по этому бурту, трамбуют, потом сверху бурт закрывается соломой — и готово. И все вроде бы здорово, все прекрасно: и заложить таким способом силос проще, чем в башню, и взять его потом зимой дорнее куда легче. И сколько статей в газетах написано, восхваляющих такой прогрессивный способ, сколько книг на эту тему выпущено!

Однако разобраться — ничего тут особо прогрессивного нет. Как бы хорошо ни был сделан бурт, как

бы аккуратно ни брали из него доярки корм, — не менее четверти его пропадает. Кто не видел, сколько вымороженных, сгнивших окрайков остается под весну от каждого такого бурта! А сколько без всякой пользы уходит в землю ценнейшего, питательнейшего сона! И хвалить этот способ хранения корма — это все равно как если бы бедняку хвастаться лаптями: и легко-то в них ноге, и вольготно, и мозоли не натрешь. Мы вроде как стесняемся признаться, что хранение силоса в открытых буртах — это не от нашей хозяйственной мудрости, а от нашей бедности. Пусть меня поймут правильно: речь идет о бедности не экономической, а технической, что особенно обидно.

Нам попросту нечем положить силос в башню или бетонированную траншею и — что еще хуже — нечем его потом взять оттуда. Руками? Надорвешься. Ведь каждой доярке или скотнице надо накормить не одну и не две коровы, а десять или пятнадцать — попросту натащить тонну спрессованного силоса из ямы вилами! Механизмов же, которые могли бы облегчить этот воистину наторный труд животноводов, очень мало.

А вот другой пример. В прошлом году в колхозе «Друг рабочего» было скормлено скоту более полутора тысяч тонн картофеля. Но опять же легко сказать: скормили! А как и чем эти тысячи тонн взять из хранилища, как и чем такую прорву вымыть, раздробить, запарить? Где такие механизмы? Их нет. Разве что запарник имеется. А ведь и в нынешнем году скормить картофеля придется не меньше, а даже побольше прошлогоднего: поголовье-то растет.

— Когда приходится бывать в Горьком, езжу я мимо совхоза имени Дзержинского, — говорит Сад Георгиевич. — Езжу и вижу: убирается картофель с поля, тут же моется, дробится — и в цементные ямы. Считаю, что уже готовый высококачественный корм. Нам бы такое!

Подобных примеров можно бы привести много. И ведь, заметьте, речь идет не о каких-то сложных, хитроумных машинах. Отнюдь! Речь идет об элементарных механизмах вроде планчатых транспортеров или обыкновенных кормонок.

Да уж чего, колхоз «Друг рабочего» с помощью шедов подвел к дворам водопровод, но ни на одном нет автопоилки.

Может, в других колхозах района дело обстоит лучше? Увы! Секретарь Сергачского райкома партии Степан Георгиевич Смирнов мне говорил, что в этом году на весь район обещано всего лишь три комплекта автопоилок. И так не только с поилками.

Есть ли у нас вообще хорошие машины и механизмы для животноводческих ферм? Да, такие машины и механизмы есть. На выставках они даже получают премии и золотые медали. Все это так. Вот только что-то мало видно этих нужных машин не то чтобы на каждом дворе, а хотя бы в каждом колхозе. Хотя бы по одному комплекту! Пусть той или другой хорошей машины от выставочного стенда до колхозного двора нередко растягивается на многие годы.

Мне могут сказать: не сразу, не вдруг, постепенно. Но не слишком ли уж постепенна эта постепенность, не слишком ли дорого она обходится стране?

Мне опять могут напомнить про лимиты, сказать, что металл нужен не только для каких-то там поилок или транспортеров. Но, во-первых, на поилки требуется отнюдь не легированная сталь. А во-вторых — и это было хотелось особо подчеркнуть, — разумно ли, расчетливо ли, в интересах ли государства держать эти лимиты «на прежнем уровне», хронически недодавать нужные колхозным фермам механизмы? Ведь речь идет не просто о какой-то отдельной отрасли нашего народного хозяйства — речь идет о большем. Без высокоразвитого сельского хозяйства вряд ли могут успешно развиваться все другие отрасли. Недаром же в решениях мартовского (1965 года) Пленума ЦК записано, что подъем сельского хозяйства является первоочередной и общегосударственной задачей.

В решениях Пленума также указывается, что выполнение их рассчитано не на год и не на два, а на более длительный срок. Так что наивно думать, что такая сложная задача, как комплексная механизация сельского хозяйства, может

быть решена просто и скоро. Я говорю о другом: слишком уж медленно продвигается это дело. Мне пришлось побывать в некоторых районах Горьковской области в прошлом году и в нынешнем, и у меня была возможность сравнивать. И я видел, что за год, если уж говорить прямо, без обиняков, дело подвинулось мало.

Совсем недавно в одной из центральных газет сообщалось о том, что в белорусском совхозе «Нива» силами работников районного объединения «Сельхозтехника» был спроектирован и установлен комплекс механизмов для фермы крупного рогатого скота. Комплекс всем понравился, и коллективы некоторых минских заводов, шефствующих над совхозами и колхозами, решили изготовить из отходов производства подобные механизмы.

Насколько мне известно, нечто похожее делается и в Горьковской области: на многих промышленных предприятиях размещаются заказы на изготовление из отходов производства различных механизмов для животноводческих ферм.

В газетной статье было сказано, что инициатива, проявленная работниками районной «Сельхозтехники» и коллективами ряда минских предприятий, заслуживает одобрения и поддержки. Что ж, всякая инициатива, делающая труд более легким и производительным, заслуживает одобрения.

Непонятно тут другое. Вы обратили внимание: из отходов производства. Только так и не иначе! Но почему, почему, если для сельского хозяйства, то обязательно только из отходов?

Второй вопрос, еще более недомолченный. Почему комплекс механизмов самостоятельно проектирует районная «Сельхозтехника», а, скажем, не Центральный научно-исследовательский институт механизации и электрификации сельского хозяйства нечерноземной зоны, которому, казалось бы, и карты в руки! Почему этот институт за многие годы дальше экспериментов и опытных установок не пошел и до сих пор не создал комплекса механизмов для животноводческих ферм, который было бы рекомендовать в массовое производство?

И еще вопрос. Сколько у нас в стране тракторных, комбайновых и иных выпускающих сельскохозяйственную технику заводов? Но назовите хотя бы один завод, который бы выпускал комплекс машин для ферм. Таких заводов нет. Машины, как правило, изготавливаются на многих и многих заводах — и чаще всего в качестве дополнительной нагрузки к основной продукции (читай: из отходов производства). Выпускаются они малыми партиями, и по этой причине стоят очень дорого.

Вот пример. Раздатчик кормов стоит 1 200 рублей. Для фермы в 200 голов требуется четыре таких механизма. Таким образом, механизация одной раздачи кормов обходится хозяйству в огромную сумму, а срок работы раздатчика — не больше года. Какой же смысл в такой механизации, которая не снижает, а увеличивает себестоимость продукции?

И в конечном счете в какую копеечку нам влетает вот эта подмена единого централизованного производства таких механизмов местным кустарничеством!

Я нарочно, чтобы не распыляться мыслью по древу, говорил только об одном животноводстве. Но то же самое можно было сказать и про механизмы для разгрузки-погрузки и внесения удобрений. Разговоры о большой химии много, но, как год назад, я не видел в колхозах машин и механизмов для внесения минеральных удобрений, точно так же их нет и сейчас.

* * *

Это хорошо, что колхозы наши набрали уже такую силу, что даже в неблагоприятный год удерживаются на прежнем уровне. А вот что механизация в них остается «на прежнем уровне» — это уж не очень хорошо.

Хотелось бы надеяться, что самые различные, — главное же, экономичные и надежные — машины и механизмы будут появляться на колхозных полях и фермах все в большем и большем количестве. Такие машины и поля и фермы давно ждут.

Горьковская область.

Николай ДОРИЗО

Юмор

Когда враг
Нас бомбил

у Познани,

Бил на брющем

Из пулемета,

И когда

Под рубахою ползали

Капли холодного пота,

Вот тогда

В это пекло и крошево

Приходил он на помощь

По-братски

Незаметно,

Незванно,

Непрошено —

Русский юмор,

Наш юмор солдатский.

В села Керченского полуострова

В дни гудящей

Железной осады

С неба зимнего,

грубошерстного

Он бросал нам на помощь

Десанты.

Парашюты,

как одуванчики,

На ладони,

на плечи

садились.

И частушки

Взлетали,

как мячики,

И наивные шутки

Шутились.

Враг входил

За селеньем в селение,

Но хребет не сломал он

Кавказский,

В плен не взял он

В своем наступлении

Русский юмор,

Наш юмор солдатский.

И за проволокою
За колючею,
Где овчарки не шли,
А стелились,
По любому пустячному случаю
С непонятною силой
Живучею

Наши русские шутки

Шутились.

И в Берлине,

Охваченном пламенем,

На простреленном нами рейхстаге

Рядом с нашим

Отеческим знаменем

Русский юмор

Раскрыл свои флаги.

Да, делили мы корки

Последние,

Да, рвались под ногами

Снаряды,

Но при этом

писались комедии

Даже в дни

Ленинградской блокады.

Песня ветеранов

Какие б песни мы ни пели,
Поем мы песни той войны.
Давно мы сняли с плеч шинели,
Но нам все те же снятся сны.

На Украине и под Керчью,
Куда бы мы с тобой ни шли,
Война выходит нам навстречу
Во всех краях родной земли.

Нам, ветеранам, и доньше,
Доньше быть на той войне.
Война окончилась в Берлине,
Но не окончилась во мне.

Когда изменяют почерк

Вариограф — так назвал свой прибор сотрудник Центрального научно-исследовательского института судебных экспертиз Министерства юстиции РСФСР кандидат юридических наук Лев Григорьевич Эджуков. Это оригинальное устройство «узнает» почерк человека, как бы тот ни стремился его изменить.

Прибор прост по конструкции. Его прикрепляют к авторучке, карандашу или обыкновенной ученической ручке и с помощью дополнительного устройства регистрируют пометки, которые создают характерные изменения почерка.

Эксперту, вооруженному таким прибором, будет легче установить автора анонимного письма, отличить поддельную подпись от подлинной. Работники Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности в своем заключении отметили, что вариограф Эджукова очень интересен и может быть практически использован экспертами-криминалистами.

Меньше никотина

Курить вредно! Об этом знают все. Но число курильщиков если и уменьшается, то незначительно. А раз так, надо как можно больше ограничить вред курения. Недавно в Дрезденском институте по изучению табака (ГДР) получен новый сорт крупнопористой папиросной бумаги. Эта бумага задерживает значительный процент никотина, образующийся в сигарете в процессе курения.

Самый сильный

Однотонный электрокар «ЭВ-691», созданный болгарскими машиностроителями, самый сильный. Это означает, что одну тонну груза он поднимает выше всех других электрокаров — на 4,5 метра.

ПАРИЖСКИЕ НАХОДКИ

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

„РЕВИЗОРА“ ОФОРМЛЯЕТ М. В. ДОБУЖИНСКИЙ

В феврале 1960 года я получил из Парижа письмо от А. А. Черкесовой с известием о смерти ее отца, А. Н. Бенуа. Известие это я воспринял с большим прискорбием не только потому, что ушел из жизни замечательный художник, — источником большой душевной радости была для меня переписка с Александром Николаевичем, начавшаяся в 1957 году. А. А. Черкесова уведомляла меня также о том, что в Москву едет друг ее покойного отца, видный парижский театральный деятель Л. Д. Леонидов.

Вскоре я познакомился с этим интереснейшим человеком, за свою большую жизнь много сделавшим для русского театра. В частности, он принял активнейшее участие в организации гастролей Московского Художественного театра, которые проходили с сентября 1922 года по сентябрь 1924 года в Германии, Чехословакии, Югославии, Франции и США. Архив МХАТа хранит письмо Л. Д. Леонидова к заведующему труппой театра Н. А. Подгорному от 14 июля 1922 года, в котором имеются такие строки: «Я верю в огромный успех театра в Европе и Америке. Убежден, что эта поездка будет мировым прославлением имен Станиславского, Немировича, Качалова, Москвина и других». В письмах же К. С. Станиславского за 1923—1928 годы, вошедших в восьмой том его собрания сочинений, содержатся теплые упоминания о Л. Д. Леонидове, там же опубликовано (в отрывке) содержательное письмо к нему Станиславского от 24 марта 1925 года.

Встретясь со мной в Москве, Леонид Давыдович с большой любовью вспоминал многих замечательных деятелей русской культуры, которых хорошо знал — Варламова, Мамонта Дальского, Шаляпина, Бенуа, Добужинского, Михаила Чехова...

В Париже Л. Д. Леонидов был в числе тех, кого я навестил вскоре по приезду, и первое же наше свидание имело самые неожиданные для меня результаты. Хотя в годы оккупации Парижа квартира Леонидова была разгромлена, огромная библиотека и часть архива оказались расхищенными, все же каким-то чудом сохранилось немало интересного. Неотразимое впечатление из всего показанного Леонидом Давыдовичем произвела на меня папка, в которой было заказанное им М. В. Добужинскому в 1933 году оформление для постановки «Ревизора» в Берлине. Художник успел исполнить эскизы занавеса и 43 костюмов. Главную роль в этом спектакле должен был играть Михаил Чехов. Но постановка не состоялась, и Леонидов, оплатив работу Добужинского, оказался обладателем эскизов.

Естественно, я попросил Леонид Давыдовича передать эту коллекцию в одно из наших хранилищ, чтобы сделать ее предметом изучения и публикации. Осуществить мою просьбу помогли... путеводители Центрального государственного архива литературы и искусства СССР, приведшие Леонидова в восторг: он нашел в них указания на сотни фондов видных деятелей советского театра и кино, со многими из которых он был близко знаком. С глубоким интересом рассматривал Леонид Давыдович описание фондов В. Э. Мейерхольда, А. П. Ленского, А. И. Южина, В. А. Мичуриной-Самойловой. И мы решили, что началом фонда Л. Д. Леонидова в ЦГАЛИ будет эта коллекция эскизов Добужинского, сохраненная, несмотря на все превратности судьбы.

И вот теперь папка с этими эскизами на родине и художника и дарителя. Не сомневаюсь, что Леонид Давыдович скоро обогатит этот фонд интересными материалами, связанными с его обширной театральной деятельностью.

В блистательном созвездии художников объединения «Мир искусства» одно из первых мест занимал Мстислав Валерианович Добужинский. Несмотря на то, что Добужинский не был в числе основателей этого объединения, он вскоре занял выдающееся место среди мирискусников.

Это был мастер многогранного таланта — пейзажист и портретист, исторический живописец и создатель монументальных росписей, иллю-

стратор и книжный график, участник сатирических журналов и автор шаржей. Но самый большой вклад Добужинский внес не только в отечественную, но и в мировую живопись сцены. Недаром еще в 1914 году в статье «Русские спектакли в Париже» А. В. Луначарский назвал Добужинского в ряду тех крупнейших русских художников, которые «в области искусства театрального, прежде всего декорационной живописи и костюмов... произвели настоящую революцию».

Создатели и руководители Московского Художественного театра вспоминали с восхищением о совместной работе с Добужинским. К. С. Станиславский, рассказывая о том времени, когда в 1908 году он решил поставить «Месяц в деревне», кратко, но весьма выразительно объясняет, что побудило его пригласить Добужинского: «Лучшего живописца трудно было и пожелать». А в своих письмах В. И. Немирович-Данченко хвалит «бесподобные декорации Добужинского» к этой постановке. Художник в те годы жил в Петербурге. Тем не менее в феврале 1913 года Владимир Иванович вносит в свою записную книжку такие строки: «Создать новый спектакль... Дать свободу актерскому творчеству. Привлечь нескольких первоклассных художников... Добужинского в Москву на один год». В МХАТе на протяжении десяти лет ему поручали оформление тринадцати пьес: огромному таланту Добужинского в одинаковой степени было под силу сценическое решение произведений Грибоедова и Тургенева, Достоевского и Островского, Льва Толстого и Блока. Но, к сожалению, не все постановки, оформленные Добужинским для МХАТа, осуществились.

Мне уже пришлось говорить (в № 52 «Огонька» за прошлый год), что, по собственному признанию Добужинского, ему, как художнику, в «пленительный мир» театра приоткрыл завесу Александр Бенуа. Но, как это часто бывает, высокоодаренные ученики превосходят высокоодаренных учителей. Так было и с Добужинским. Его искусство декоратора — следующий, после Бенуа, этап в развитии русского и мирового театрально-декорационного искусства. И хотя Добужинский в своих первых работах на этом поприще целиком исходил из опыта «Мира искусства», главным образом Бенуа и Бакста, начавших деятельность декораторов еще на рубеже XIX—XX веков, он внес в это искусство одному ему присущую остроту характеристик, игру деталей и форм. Все это исходило из умения Добужинского быстро улавливать подлинную новизну в искусстве. Как никто другой из своих соратников, он обладал этим чувством нового, чувством современности. Недаром во многих его постановках блистательно решена не только тема старины, провинции, но и тема современного большого города XX века. Причем имеющиеся у него в этих декорациях смещения, углы свидетельствуют о творческом использовании им художественного языка начала XX века. Экспериментирование в области художественной формы всегда направлено у Добужинского к выявлению сущности, к наибольшей правде образа, к глубоко реалистической, жизненной выразительности.

Добужинский был в числе тех чудесных русских художников-новаторов, которые доказали миру, что живопись на сцене театра, по общему выражению Александра Бенуа, — это равноправная сестра музыки, поэзии, танца, оперного и драматического искусства. Увидев осенью 1909 года на сцене МХАТа репетицию пьесы «Месяц в деревне», которую ставили К. С. Станиславский и И. М. Москвин в оформлении Добужинского, художник Константин Коровин говорил: «В настоящее время уже поняли, что необходимо слияние литературы и музыки с искусством красок, и Художественный театр уже близко подошел к этой симфонии ощущений...» — подошел так, как этого даже нет на Западе».

Следует сказать, что Добужинский был человеком прогрессивных убеждений. Одним из первых он принял участие в сатирических журналах 1905 года, причем его рисунки по политической заостренности и по высокому художественному уровню, принадлежат к числу наиболее ярких листов русской сатирической графики.

В разгар первой русской революции Добужинский и его друзья выступили в печати с требованием уничтожить пропасть, лежащую между народом и искусством — красотой, создаваемой человечеством. В конце 1905 года группа мирискусников поместила в одной из петербургских

Продолжение. См. №№ 47, 49, 52 за 1966 год; №№ 3, 5, 6 за 1967 год.

М. ДОБУЖИНСКИЙ. Земляника, попечитель богоугодных заведений

Унтер-офицерская вдова

Гостя

Абдулин, купец

Марья Антоновна

Растаковский, отставной чиновник

Добчинский, помещик

Слесарша Пошлепкина

газет статью «Голос художников» (перепечатанную затем рядом периодических изданий обеих столиц), в которой были такие строки: «В начале великого обновления страны необходимо высказаться и художникам... Мы призываем к объединению всех, кому дорого искусство. Надо открыто высказаться и выяснить путь, куда направить усилия, чтобы красота и искусство слились с жизнью. Задача огромная, сложная, и дело не одного поколения». Говоря о том, что перед художниками множество ближайших неотложных задач, авторы статьи далее пишут о необходимости «установить связь и взаимное понимание между художником и уже не «обществом», — а народом. К этому должны быть направлены наши стремления... Свободная же, раскрывающаяся перед нами жизнь выдвинет новые, неведомые еще нам таланты и силы, которые не будут одиноки, как мы, современные художники, а их искусство станет великим, истинно народным искусством будущего».

На первом месте под этой статьей стоит подпись Добужинского, а за нею следуют подписи Константина Сомова, Александра Бенуа и Евгения Лансере.

После Октябрьской революции Добужинский честно и энергично работал в условиях новой, советской действительности. Характерна в этом отношении статья, с которой он выступил в январе 1918 года в одной из петроградских газет. Конечно, Добужинский отстаивал свою верность высокому реалистическому искусству и не скрывал резко отрицательного отношения к тем художникам-«левакам», которые в первые послереволюционные месяцы готовы были считать, что реализму пришел конец. Когда оформление города к 1 мая 1918 года было поручено художникам этого толка, возмущенный «творениями новой кисти» Добужинский выступил 4 мая со статьей «Бомба или хлопья?» (Беседа двух художников). Она представляла собой диалог художников противоположных направлений. Отвечая «архилевому», Добужинский говорил: «Право, не торжествовать бы вам, а скромно покаяться — было бы самым теперь симпатичным делом. Простите мое суровое суждение, но так искренне жалко, когда те великолепные возможности, которые были даны, чтобы создать простое, гармоничное и грандиозное декоративное целое, использованы лишь для безалаберного и пестрого галдежа».

В первые послереволюционные годы Добужинский вел большую педагогическую работу, в частности, в Петроградской Академии художеств, состоял членом-директором Мариинского театра. Выполнял он и ряд ответственных заданий наркома просвещения А. В. Луначарского.

Наконец, творчество Добужинского в эти первые, совсем нелегкие годы становления Советской власти пережило новый замечательный расцвет. Он не только трудился над осуществлением ряда театральных постановок, но и создает изумительные иллюстрации к «Белым ночам» Достоевского, серию превосходных литографий «Петербург в двадцать первом году». Все это принадлежит к числу самых выдающихся, самых поэтических созданий русской графики. Тем не менее эти замечательные издания рапповцы и некоторые другие ретивые критики встретили улюлюканьем. Некто Ашмарин поместил, например, в журнале «На посту» статейку, полную яростных нападок. Достаточно сказать, что этот горе-критик расценил серию литографий «Петербург в двадцать первом году» как... «самый махровый чертополох самой наглой и развязной антисоветской идеологии в области изобразительного искусства». Он увидел в этом издании «лишь графические линии (!!) тенденциозной и злобной ненависти и клеветы». Как тут не сказать, перефразируя знаменитое изречение конца восемнадцатого века: «Умри, Ашмарин, лучше не напишешь!»

Теперь, спустя сорок лет после выхода в издательстве «Аквилон» тысячным тиражом «Белых ночей» с иллюстрациями Добужинского, издательство «Художественная литература» выпускает их в 1963 году уже тиражом 30 тысяч экземпляров. Восторженные рецензии, вызванные этим переизданием, вполне обоснованны, и мы должны быть признательны за такой прекрасный подарок любителям добротных русских иллюстрированных изданий. Добужинского недаром называли «одним из главных поэтов Петербурга!» Книга разошлась молниеносно. И все же советую вам, дорогие читатели, попытаться ознакомиться с ней, — вы сможете оценить всю пленительную прелесть этого тонкого мастера, чьи создания близки гениальности автора «Белых ночей». И до сих пор Добужинский остается лучшим иллюстратором Достоевского. Теперь работы художника воспроизводятся почти во всех изданиях сочинений писателя.

Но тогда, в 1923 году, когда художник встречал в печати отзывы, подобные ашмаринским, о своих произведениях, у него должны были опускаться руки... И это не последняя из причин, приведших к тому, что Добужинский в 1924 году решил репатрироваться туда, где когда-то жили его предки, в Литву.

За рубежом Добужинский провел треть века и скончался в возрасте 83 лет.

В конце 1958 года я написал его вдове, Елизавете Осиповне, жившей в ту пору в Париже, с просьбой сообщить мне, не сохранилось ли в бумагах ее покойного мужа писем В. А. Серова, переписку которого я собирал для готовившихся серовских томов «Художественного наследства». 23 января 1959 года Елизавета Осиповна ответила мне, а заодно прислала каталоги выставок произведений Добужинского, организованных после его смерти в Лондоне, Нью-Йорке и Кельне. Эти каталоги показывают огромный диапазон его деятельности в области театра. Так, например, прожив около десяти лет в Литве, он оформил там до сорока различного рода спектаклей. Из Каунаса художник неоднократно выезжал в Западную Европу и Америку для работы в театрах.

В конце 1930-х годов Добужинский обосновался во Франции. Отсюда он часто ездил в США, где жил один из его двух сыновей.

Общее количество опер, балетов и драматических спектаклей, оформленных Добужинским на протяжении его жизни за границей, — больше ста. Его декорациями и костюмами любовались в Амстердаме, Брюсселе, Буэнос-Айресе, Дрездене, Дюссельдорфе, Лондоне, Милане, Монреале, Монте-Карло, Неаполе, Нью-Йорке, Париже, Праге, Риге,

О. Э. Браз. ПОРТРЕТ М. В. ДОБУЖИНСКОГО. 1922 год.

Торонто... Все это помимо других видов его творческой деятельности. Кроме того, Добужинский оказался блестящим мемуаристом: он написал интересные воспоминания, посвященные его работе в Московском Художественном театре, объединению «Мир искусства», встречам с писателями, творчеству Фокина, годам своей юности и многому другому.

Хочется сказать еще о том, что в жизни, в быту Добужинский проявлял лучшие качества. Грабарь писал о нем: «Человек он действительно прекрасный, хороший товарищ, верный друг, воспитанный, тактичный, деликатный». Боюсь, что теперь эти качества покажутся кое-кому старомодными, но, поверьте, без них-то и не может быть настоящего человека.

Чтобы читатель мог представить себе внешний облик Добужинского, мы воспроизводим его портрет. В печати была лишь единственная фраза о нем: «О. Э. Бразом только что закончен большой портрет маслом М. В. Добужинского» (журнал «Среди коллекционеров», 1922, № 7—8, стр. 88). Одна из самых своеобразных фигур плеяды «Мира искусства», Браз был превосходным пейзажистом и опытным портретистом, именно он исполнил тот портрет А. П. Чехова, который стал таким популярным. Люди, близко знавшие Добужинского, утверждают, что бразовский портрет, впервые здесь печатаемый, превосходен по характеристике и, безусловно, лучший из всех существующих изображений художника.

До последних дней своих Добужинский жил памятью о родине. В 1929 году он пишет Станиславскому о том, какое большое значение имело для него общение с Константином Сергеевичем, и о влиянии, которое тот имел на него. Станиславский ответил: «Все те хорошие слова, которые вы мне от всего сердца пишете, радуют меня и одновременно конфузят. Если моя «система» дала вам хотя сколько-нибудь пользы, я бесконечно тому радуюсь». А в 1934 году Добужинский даже собирался вернуться на родину, для возобновления во МХАТе своей деятельности декоратора. Ответ Станиславского трогателен особенно потому, что он обращается к художнику на «ты», тогда как на «ты» Константин Сергеевич был с одним только человеком — Шалапиным. О том, как встретили бы в театре предложение Добужинского оформить новую пьесу, Станиславский писал: «Блестяще, радостно, и ты был бы принят как старый, всегда желанный и любимый друг». Кончается письмо словами: «Оказывается, что я начал на «вы», а кончил на «ты». Уверяю тебя, это случилось само собой. Мне почему-то неловко писать на «вы». Не пишется. Должно быть, подсознательно, есть привычка, и ты ее нарушил. Исправлять не буду. Обнимаю тебя... Как хотелось бы поведаться. Обнимаю. Твой любящий К. Станиславский» (письмо не издано; хранится в республиканской библиотеке Литовской ССР, Вильнюс). Но приезд Добужинского, по неведомым нам причинам, не состоялся.

Узнав в 1956 году о том, что советский художник Федор Богородский собирается навестить в Париже Александра Бенуа, Добужинский пришел, чтобы побеседовать с приезжим гостем. А когда летом того же года во Франции была открыта выставка советской книги, художник, внимательно осмотрев ее, очень тепло отозвался о ряде экспонатов.

Спустя год с небольшим, 20 ноября 1957 года, М. В. Добужинского не стало.

II

Создавая «Ревизора», Н. В. Гоголь подчеркивал, что Хлестаков отнюдь не единственный тип в русской жизни. В этом образе отражались черты, свойственные людям всех поколений. Сам Гоголь писал: «Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым, но, натурально, в этом не хочет только признаться: он любит даже и посмеяться над этим фактом, но только, конечно, в коже другого, а не в собственной. И ловкий гвардейский офицер окажется иногда Хлестаковым, и государственный муж окажется иногда Хлестаковым, и наш брат, грешный литератор, окажется подчас Хлестаковым».

Романист и журналист П. Д. Боборыкин в 1876 году в лекциях о русской драматургии имел смелость утверждать: «Пороки, выставленные Гоголем, носят на себе несколько местный и временный характер. Стрелы «Ревизора» несколько потупели для нас». Прочитав это, Достоевский делает в своей памятной книжке запись: «О Ревизоре, совсем не понятном Боборыкиным». Достоевский был убежден, что «Гоголь по силе и глубине смеха первый в мире (не исключая Мольера)». И далее Достоевский пишет, имея в виду «Ревизора»: «С мелкого города до высочайших Петербургских учреждений» (подчеркнуто автором). Из записной книжки Достоевского за 1876 год; не издано. Хранится в ЦГАЛИ. Достоевский, конечно, прав, так как сатира Гоголя направлена против всего николаевского режима. Кстати сказать, Достоевский отталкивался от «Мертвых душ» и «Ревизора», работая над «Записками из Мертвого дома». В этом произведении он обличал современную действительность самодержавной России, основываясь на совсем другом материале, поднимаясь от характеристики царской каторги до широкого обличения всего социального строя.

Тот же Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 год говорил: «Хлестаков, по крайней мере, врал-врал у городского, но все же капельку боялся, что вот его возьмут да и вытолкают из гостиной. Современные Хлестаковы ничего не боятся и врут с полным спокойствием».

А разве не встречаются Хлестаковы у нас, в современном обличье, разве перевелись у нас болтуны, которые самозабвенно врут, упиваясь собственной болтовней, позы и карьеристы, у которых одно только заветное желание: приспособиться.

Злободневность гоголевской комедии неувядаема. Так, например, весной прошлого года новую постановку ее в Малом театре осуществил Игорь Ильинский, а в январе текущего года премьеру «Ревизора» показал Московский Художественный театр в режиссуре М. Н. Кедрова. На протяжении всего лишь нескольких месяцев два лучших театра страны продемонстрировали в Москве две различные постановки «Ревизора».

Издательство «Художественная литература» только что выпустило «Ревизора» с иллюстрациями Д. Н. Кардовского, гравированными А. И. Калашниковым, двухсоттысячным тиражом. И хотя нельзя признать удачным воспроизведение в гравюрах рисунков Кардовского, издание точно так же разошлось.

Наконец, еще один факт. «Ревизор» живет не только у себя на родине: летом прошлого года лондонский театр «Олдвик» показал «Ревизора» в постановке Королевской Шекспировской труппы, причем главные роли исполняли знаменитые английские артисты Пол Скофилд и Дэвид Уорнер.

Недавно, 1 февраля, в «Литературной газете» появилась статья драматурга Виктора Розова «Необыкновенный «Ревизор», посвященная новой постановке на сцене МХАТа (первые две постановки в этом театре были осуществлены в 1908 и 1921 годах). К моему удивлению, я не нашел в статье ни одного слова о художнике спектакля. И я подумал, что Виктор Розов в любом случае неправ. Если спектакль оформлен интересно, надо было это отметить. Если же художник со своей задачей не справился, почему не сказать этого прямо? И мне захотелось сравнить работу художника А. П. Васильева в этом спектакле с теми эскизами М. В. Добужинского, которые я привез из Парижа. Такое сравнение тем более закономерно, что Добужинский — исконный мхатовский художник.

III

Еще в 1907 году Добужинский написал картину «Провинция. 1830-е годы» (ныне в Русском музее). Художник настолько ярко и проникновенно воссоздал словно запечатленный Гоголем уголок глухой провинции, что на протяжении шести десятилетий это произведение печатается в учебниках и хрестоматиях. Два года спустя Добужинский исполнил превосходные иллюстрации к «Портрету» Гоголя — они были напечатаны в № 12 журнала «Сатирикон» за 1909 год.

В дальнейшем Добужинский был готов заняться сценическим оформлением «Ревизора», но подходящего случая ему не представилось. Заказ на такую работу он получил лишь за рубежом. Узнал я об этом из заметки, напечатанной в ноябре 1927 года в одной парижской газете. Вот что здесь сказано: «М. В. Добужинский закончил эскизы декораций и костюмов к «Ревизору» Гоголя для новой немецкой постановки в Дюссельдорфе». О том, что спектакль был осуществлен, свидетельствует интервью, данное Добужинским и напечатанное в январе 1930 года в рижской газете, выходившей на русском языке.

Никакими другими сведениями об этой постановке мы не располагаем и не знаем также, сохранились ли исполненные Добужинским эскизы декораций и костюмов.

В 1932 году Добужинский оформил «Ревизора» для Национального драматического театра в Каунасе, — по-видимому, большая часть эски-

зов к этой постановке хранится теперь в Театральном музее Дома актера в Вильнюсе, но некоторые из них сохранились у самого художника и экспонировались на посмертной выставке его произведений в Музее Виктории и Альберта в Лондоне летом 1959 года.

В третий раз за работу над «Ревизором» Добужинский принял в 1933 году по предложению Леонида Давыдовича Леонидова, который хотел показать Хлестакова зарубежному зрителю в исполнении Михаила Чехова.

Первое выступление М. А. Чехова в этой роли, состоявшееся 8 октября 1921 года в постановке Станиславского, явилось важной вехой в трактовке этой бессмертной роли. Недаром Луначарский называл актера гениальным, а Игорь Ильинский писал о Михаиле Чехове: «Безусловно, он был самым крупным актером, которого я видел на сцене». Некоторые квалифицированные зрители не принимали его трактовки роли Хлестакова, но подавляющее большинство печатных отзывов было восторженным. В 1928 году Михаил Чехов уехал из Москвы. А спустя несколько лет Л. Д. Леонидов пригласил его участвовать в задуманной им новой постановке «Ревизора».

Вот что мне рассказал о замысле этой постановки и ее судьбе сам Л. Д. Леонидов.

В качестве режиссера спектакля он решил привлечь своего друга, с которым его связывали и многолетние деловые отношения, — знаменитого немецкого режиссера Макса Рейнгардта, а в качестве художника — М. В. Добужинского. Рейнгардту импонировало, что роль Хлестакова будет исполнена племянником Антона Павловича Чехова, хорошим актером и любимцем Станиславского, к тому же владеющим немецким языком. Рейнгардт дал свое согласие. Тогда Леонидов, который должен был быть ассистентом Рейнгардта в этой постановке, заказал Добужинскому оформление будущего спектакля, и в первую очередь занавес, который как бы вводил в пьесу, а также костюмы. Все это художник выполнил быстро и превосходно. Но в это время в Берлине к власти пришел Гитлер, и постановка, естественно, состояться не могла. Берлин покинули не только М. А. Чехов и Л. Д. Леонидов, но и Рейнгардт оставил свою родину навсегда.

Такова в самых кратких словах история неосуществленной постановки «Ревизора», в которой должны были встретиться вновь старые мхатовцы Добужинский и Михаил Чехов, подружившиеся еще в Москве (в своих воспоминаниях, напечатанных за рубежом, артист рассказывает, что в позднейшие годы он брал уроки живописи у художника).

Прежде всего несколько слов об эскизе занавеса, исполненного Добужинским. Это обобщенный образ глухого уголка старой провинциальной России. В центре — тюрьма, символ самодержавного строя, справа — церковь и мещанская слобода, слева — торговые ряды и пожарная каланча (шары на ней указывали, в какой части города горит). Такой занавес был бы, конечно, превосходной увертюрой к спектаклю.

Нужно видеть оригиналы всех сорока трех эскизов костюмов, чтобы в полной мере оценить искусство этого великого мастера театрально-декоративной живописи. В Берлине художник вряд ли имел под рукой необходимые историко-изобразительные материалы, тем не менее все костюмы выполнены так ярко и убедительно, будто Добужинский не только выдвигал всех героев комедии, но писал их с натуры.

Прежде всего хочется отметить удивительную, прямо-таки сверкающую виртуозность палитры художника. В этих эскизах краски как бы звенят. Добужинский показывает, как ярко может быть выражена средствами искусства самая примитивная безвкусица. Что же касается характера гоголевских героев, то он передает их с исключительной, блестящей остротой.

В настоящем номере журнала воспроизведено четырнадцать костюмов кисти Добужинского. И почти в каждом листе ощущается какая-нибудь деталь, придуманная художником, которая вызывает улыбку. Вот, например, Хлестаков. Как выразительна его манера держать сигару! А как он притопывает правой ногой! Превосходен гневный облик горючего. Сколько выдумки в нарядах Анны Андреевны и Марии Антоновны! Но совсем забываем образ унтер-офицерской вдовы, воссозданный Добужинским! Такая и в самом деле могла бы себя высечь!

Если сравнить всю исполненную Добужинским сюиту эскизов костюмов к «Ревизору» с работой художника новой постановки этой комедии в МХАТе, то, открывенно говоря, может показаться, что не Добужинский, а А. П. Васильев трудился над этим треть века назад, настолько оформление мхатовского спектакля отдает старинкой, штампом, вчерашним днем...

Установить, сделал ли Добужинский хотя бы наброски для эскизов декораций к предполагавшейся рейнгардтовской постановке, пока не удалось. Лишь благодаря любезности сына художника Ростислава Мстиславовича, живущего в Париже, мы смогли получить фотографию наброска для второго акта комедии; весьма возможно, что он был сделан в период работы Добужинского над «Ревизором» в 1933—1934 годах.

* * *

В 1965 и 1966 годах на протяжении восьми месяцев в Москве, Ленинграде и Киеве была показана выставка находящихся в СССР и во Франции произведений Зинаиды Евгеньевны Серебряковой. Художница принадлежала к младшему поколению «Мира искусства» и ныне живет в Париже. Выставка имела огромный успех.

Можно не сомневаться в том, что не меньшим успехом будут пользоваться выставки произведений основоположника «Мира искусства» Александра Николаевича Бенуа и одного из самых выдающихся мастеров этого объединения — Мстислава Валериановича Добужинского. К подготовке этих выставок можно было бы приступить заблаговременно, с тем чтобы в будущем году показать их. Думается, что они принесут много радости всем тем, кому дороги высокие, получившие мировое признание достижения русского художественного гения.

Журналист

ГАЗЕТА В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ
МИНИСТЕРСТВО И ПРЕССА: ДИАЛОГ В ЧЕТЫРЕХ ТОНАХ
ОПЕРАЦИЯ «ВИКИНГ». ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ
Арт Бухвальд: «Я позвонил ББ...»

ПРИВЕТ СОБРАТУ

Вышел первый номер журнала «Журналист», порадовавший своих читателей отличным оформлением, яркими иллюстрациями, броско поданным материалом. Он интересен не только для журналистов-профессионалов. Думается, что у него непременно появится широкий круг друзей.

«Журналист» вводит своих читателей в курс международных и экономических проблем, публикует острые публицистические статьи, обозрение прессы.

Говоря словами самого «Журналиста», в нем будут «присутствовать все жанры, кроме скучного».

Доброе начало положено. Остается только пожелать, чтобы журнал скорее вошел в график. Хочется, чтобы каждый месяц свежий номер «Журналиста» лежал на столе у подписчиков.

БОМБЫ КРУШАТ ЛЬДЫ

— Быстро на вертолет! Вылетаем немедленно. Вода в Дунае все поднимается, — говорит мне Герой Советского Союза полковник Анатолий Иванович Шмаков.

Анатолий Иванович должен с воздуха уточнить расположение ледяного затора, который закупорил реку и вызвал паводок. Необычно суровая для здешних мест зима уже наделала бед: ледяной пробкой забило устье Дуная, и от наводнения пострадал город Вилково — украинская Венеция, с улицами-каналами, где и всегда волны плещут буквально у порогов домов. На помощь пришла авиация.

Вертолеты спасали людей, застигнутых наводнением в районе Вилково. А боевые самолеты бомбили ледяные плотины. И вот снова вылет по тревоге. На этот раз вода угрожает городу Измаилу и большому порту Рени.

Полковник Шмаков занимает в вертолете место в пилотской кабине рядом с командиром экипажа капитаном Петром Цюпиком. Я пристраиваюсь вместе со вторым летчиком капитаном Виктором Коленковым и бортехником старшим лейтенантом Тимофеем Жогиним.

Летим низко, вверх по течению. Воспетый в песнях голубой Дунай сейчас мутный, серый, с редкими, поблескивающими на солнце льдинами. За поворотом встречаем плотный взъерошенный лед. Он перегородил реку и намертво запер ее. Полковник Шмаков отмечает на карте — здесь затор. Летим дальше. Под нами длинная череда причалов, конструкции порталных кранов. Это Рени. Вода уже плещется на некоторых причалах и размывает лежащую там руду.

Возвращаемся туда, где ледяной затор.

— У авиации на этот раз сложная задача, — объясняет Анатолий Иванович и показывает карту. — Видите, недалеко от цели населенные пункты: Орловка на нашей стороне и Исака — на румынской.

...Паводковая комиссия собра-

лась на пограничной заставе, прилепившейся к самому берегу Дуная.

Внимательно слушают донесение Шмакова. Решение принято: бомбить! Полковник на вертолете поднимается в воздух, чтобы наводить самолеты на цель. А. И. Шмаков — в прошлом летчик-штурмовик. Бомбометание с малых высот он знает до тонкости. Имеет на боевом счету десятки уничтоженных фашистских танков, артиллерийских батарей, автомашин...

Лечу вместе с Анатолием Ивановичем. К цели подходит первый самолет. Грозный бомбардировщик летит низко.

— Я — 316, — связывается с ним по радио Анатолий Иванович, — как меня слышите?

И летчик подполковник Курочкин и штурман майор Чирков действуют с величайшей осторожностью. Сначала бросают пристрелочную бомбу, а

потом серию. Огромные фонтаны воды и льда поднимаются к небу. Подходят следующие бомбардировщики. И они тоже кладут бомбы точно в цель. Ледяной затор покрывается широкими полыньями с черной копотью по краям. В небе появляются две группы истребителей-бомбардировщиков. Ими командуют майоры П. М. Илюхин и Л. М. Ларин. Построившись в круг, самолеты по очереди пикируют на ледяной затор, наполняя воздух воем бомб и грохотом разрывов.

Как только авиация закончила свою работу, сквозь ледяное крошево пошли буксиры Дунайского пароходства, чтобы окончательно освободить реку от ледяного плена.

Когда мы возвратились на свой аэродром, из Рени сообщили: вода пошла на убыль, угроза наводнения устранена.

А. ГОЛИКОВ

Полковник А. И. Шмаков и капитан-наставник Дунайского пароходства В. И. Черняев уточняют по карте ледовую обстановку. Фото автора.

УЧЕНЫЙ, ПОЭТ

ПЕСЕНКА ИЗ КОМЕДИИ

Ты в этот час кручины злой
С судьбой своей дерись,
Чтобы свистящею стрелой
Над миром пронестись.
Летающей быстро не страшна
Ночей немая тень.
И там, где упадет она,
Начнется новый день.

Но погибшие в тяжком бою
Сердце радостно окрылили.
Потерявшие землю свою
Беззаветно ее полюбили.

Высота ли моя, высота,
Только ты к земле приближенье!
И в тебе лишь одной, быстрота,
Успокоенье.

Как быстро и легко во тьме ночной
Решаются загадки бытия:
Не голова подумала, но головой
Подумал я!

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Не подсчитаны доходы и потери.
Чьи-то силы в поле полегли.
Вспышки облаков, как дымы артиллерии
Над большой войной земли.

Что-то происходит в полумраке...
Пурпуром охвачены слегка,
Как в воде кипящей раки,
Копошатся в небе облака.

Это ветер, их хозяин строгий,
Собирая прибыль, отменяя брак,
Хочет жизни подводить итоги,
Но во тьме не справится никак.

Исполнилось 70 лет со дня рождения профессора Михаила Михайловича Морозова (1897—1952), выдающегося советского шекспироведа, чье имя известно далеко за пределами нашей страны. Книжки и статьи М. М. Морозова о Шекспире — подлинное литературное и научное наследие, обогащающее наше представление о творчестве великого английского драматурга. Советские актеры и режиссеры, работающие над постановками шекспировских пьес, обращались и обращаются к трудам М. М. Морозова.

Михаил Михайлович Морозов, помимо научной работы, очень увлекался поэзией, писал проникнутые мудрым спокойствием стихи. Мы предлагаем вниманию читателей некоторые из них.

ОТКРЫТЫМИ КАРТАМИ

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

Рисунки Игоря УШАКОВА.

15. МОНЕТНЫЙ ДВОР

Изучая связи Николая Николаевича Казина, контрразведчики годом раньше вышли на одно узкое сообщество людей, которое показалось им по меньшей мере необычным.

Прежде всего поразила пестрота состава. Один из них, пятидесятилетний мужчина, семьянин, отец двух детей, имел высшее техническое образование и работал заместителем заведующего лабораторией твердых сплавов в большом институте. Второму было тридцать лет, он жил холостяком, содержал на иждивении мать и работал гравером в комбинате бытового обслуживания. Третий числился инвалидом, получал на этом основании небольшую пенсию, а в далеком прошлом был известен Московскому уголовному розыску и блатному миру как высококвалифицированный фармазонщик и куольник с непонятной, но довольно экзотической кличкой «Звон-на-небе», или просто «Звон», что уже не так экзотично. В миру же его звали Антон Иванович Пушкарев. Выйдя в последний раз из тюрьмы перед самой войной, Пушкарев «завязал», сочтя, вероятно, что возраст уже не позволяет заниматься прежними делами, — ему сравнялось тогда сорок пять, — и переквалифицировался в спекулянт. Не брезговал и краденым, но с тех пор в руки закона не попадался.

Четвертым в этом тесном содружестве был Кока, который, собственно, все и сколотил.

Собирались они всегда у Пушкарева, занимавшего двухкомнатную полуподвальную квартиру в районе улицы Обуха, недалеко от Курского вокзала.

«Лаборант» и «Гравер», как именовали двух первых работники, занимавшиеся этой группой, приходили и Пушкареву всегда со свертками в руках. Иногда также и Кока являлся на сборище с ношей — туго набитым портфелем.

Весь шестьдесят третий год группа собиралась регулярно, раз в неделю, по субботам. Лишь Кока пропустил несколько свиданий.

Что роднило столь разных во всех отношениях людей? Для чего они сходились вместе по субботам?

Сначала предположили, что компания собирается ради пуглики. Просиживали они у Пушкарева часа по три-четыре — как раз столько, чтобы разыграть «разбойника». Состояла компания из четырех или, когда Кока отсутствовал, из трех человек, — именно столько необходимо игроков для преферанса. А в приносимых свертках могла быть выпивка и закуска, что, как известно, преферансу не противопоказано. Но скоро выяснилось, что друзья Коки не подвержены страсти к азартным играм.

С помощью некоторых технических средств установили, что содержимым пакетов Гравера и Лаборанта и совместительного Кокиного портфеля, когда они приходили к Пушкареву, почти всегда были металлические предметы. Возникла версия, что в дом Пушкарева проносятся части какой-то машины.

Затем стало известно, что Лаборант остается на работе и ставит какие-то опыты со сплавами, а с недавнего времени почему-то заинтересовался далекой от его основной специальности областью — гальваникой.

В мастерской у Гравера была обнаружена разбитая гипсовая форма с оттиском лицевой стороны царской десятирублевой. Ее нашли в куче мусора в углу. Видно, Гравер не очень заботился о конспирации и посчитал достаточным расколоть форму на несколько крупных кусков, а растереть в порошок поленился.

Три эти факта, сведенные воедино, позволяли выдвинуть правдоподобно и довольно убедительно выглядевшую версию, а именно: четверо во главе с Кокой всерьез намерены заняться изготовлением металлических денег.

Среди преступных деяний, предусмотренных уголовным кодексом, производство фальшивых денег является, пожалуй, одним из самых заманчивых. Соблазн этой специфической профессии столь велик, что во все времена и у всех народов существовали свои поразительные рекорды по части выпуска фальшивых монет. От безграмотного нустаря, рисовавшего карандашами поддельный банковский билет, до министерства финансов гитлеровской Германии, поставившей изготовление фальшивых фунтов стерлингов и советских денежных знаков на

уровень задачи стратегической и государственной важности, — таков исторический путь, пройденный фальшивомонетчиками.

Казалось бы, на этой ниве уже нечему удивляться. Но люди, обнаруживающие вдруг в шестидесятых годах двадцатого века в самом центре Москвы действующую корпорацию фальшивомонетчиков, имеют право изумиться, ибо это слишком уж редкое зрелище на общем фоне нашей жизни.

Что привело каждого из членов корпорации к мысли организовать монетный двор?

Относительно Коки вопрос был ясен. В свете всей его предыдущей деятельности это новое предприятие выглядело совершенно закономерным. Как выражаются театральные критики, тут все было в образе, Кока оставался верен себе. Сама идея выпуска золотых монет выкристаллизовалась у него уже давно, в процессе общения с подпольными дельцами, которые опасались держать нечестно нажитые деньги в государственном банке и страстно желали обратить их в благородный металл. То один, то другой прибегал к посредничеству Коки с просьбой найти царские монеты — почему-то именно такая «расфасовка» пользовалась наибольшим доверием. Кока не всегда удавалось удовлетворить заявки, добывать настоящие царские монеты становилось все труднее. Потому однажды у него и явилась мысль: а нельзя ли наладить производство этих монет на дому? Перед ним открывалась обширная и почти абсолютно безопасная сфера приложения сил.

Поддельные, снамем, советские деньги, находящиеся в обращении, Кока никогда ни за что и себе бы не позволил и другим бы не посоветовал. Этот путь быстро привел бы на скамью подсудимых. А фабрикация царских монет — совсем другой колорит. Тут обе стороны — определяющая спрос и создающая предложение — одинаково преступны и обе действуют тайно, не вторгаясь грубо в область государственной финансовой жизнедеятельности. Возможность разоблачения со стороны представителей спроса прантически мизерна. Есть, правда, возможность получить когда-нибудь по морде, но это, как считал Кока, нисколько не снижало рентабельности задумываемого предприятия. Главное было, не нарываться на частнопрантикующих зубных техников, которые делают людям золотые протезы. Почему именно их следовало опасаться, станет понятно из последующего.

Итак, идея была налицо. Для ее воплощения требовались исполнители со специальными знаниями и техническим опытом. А поскольку Николай Николаевич Казин обладал идеальным нюхом на все, что было с душком и червоточин, то ему вскоре удалось разыскать подходящих соратников.

Гравер Кока раскусил и обработал в два счета.

Путь Гравера в монетный двор был сложен. К слову сказать, молодой товарищ из опергруппы, занимавшейся расследованием этого дела, все никак не мог понять, почему сей человек стал преступником. Воспитанный на общих положениях о связи социальной среды с формированием личности, об отношении бытия к сознанию, он был поражен эволюцией Гравера. Старшие коллеги пытались ему как-то втолковать, что, кроме социальной среды, надо принимать во внимание и чисто человеческие особенности индивидуума, но объяснения их были невняты и необразительны. Они-то сами создавали, что в таких ситуациях научно ничего не объяснишь, но им хотелось уберечь молодого товарища от преждевременного, хотя в конце концов и неизбежного, профессионального скептицизма.

Гравер окончил два курса Московского художественного института имени Сурикова. На третьем преподаватели ему объяснили, что он совершенно не в ладах с перспективой и с рисунком и что живописца из него не получится. Вообще-то полагалось бы сказать это еще на первом курсе, а вернее, до приема в институт. Но, как говорится, бывает...

Гравер, оскорбленный, перешел в Строгановское высшее художественное училище.

Как раз в то время повсюду вспыхнула любовь к русской иконописи. И тогда же в России начали культивироваться отшумевшие художественные моды Запада, подобно тому, как нам присылают из разных стран ботинки таких фасонов, которые там уже никто не носит.

Гравер был себе на уме. Он начал писать картины, которые, по его замыслу, должны бы-

ли выглядеть революционно на фоне многометровых живописных композиций, имевших признание до тех пор. Своим коньком он считал обратную перспективу. Новаторством служило также бросающееся в глаза искажение пропорций живой природы, что Граверу в силу полного незнания анатомии человеческого тела удавалось очень легко. И хотя картины ясно указывали, что и обратная перспектива находится для Гравера за семью печатями, он при попутном ветре сумел обогнать в славе многих понастоящему талантливых, серьезных художников.

Но потом вдруг ветер переменился, и все увидели, что картины Гравера писаны бездарной рукой. Гравер сильно обозлился и, склонный к аффектации, принял решение по примеру Льва Толстого опроститься. Таким образом появился он в граверной мастерской комбината бытового обслуживания, где все его творчество сводилось к вырезыванию дарственных надписей на металлических пластинках, часах, кольцах и прочих ювелирных изделиях, которые обычно служат подарками на свадьбах, юбилеях и в дни рождения.

Вкусив от славы, а затем уйдя в безвестность, неудавшийся художник жаждал материального благополучия. На этом и сыграл Кока, вовлекая Гравера в компаньоны. Специалисту по граверным работам в его проекте отводилась немаловажная роль — изготовление форм и чананов.

Лаборант попался Коке случайно, явившись в комиссионный магазин с набором старинных бронзовых статуэток французского скульптора-анималиста Кэна. Кока по обыкновению пришел понюхать, не найдется ли чего-нибудь интересного среди сдаваемых на комиссию вещей.

Лаборант имел импозантную внешность и удрученное выражение лица. Странно было видеть этого высокого представительного мужчину с густой проседью в великопленной гриве черных волос стоящим в унылой очереди. Наметанный глаз сразу мог определить, что гражданина в дорогом, хорошо сшитом костюме заставили прийти сюда какие-то чрезвычайные обстоятельства. В самом деле, сколько он мог получить за своих бронзовых лошадок, мулов и ослов? Ну, самое большое сто пятьдесят рублей. И за такую ничтожную сумму отдавать ценные для любителя произведения искусства? Так как Николай Николаевич Казина, словно гиена на падали, тянуло к людям, испытывающим затруднения (а вдруг из этого можно извлечь пользу?), то не прошло и пяти минут, как они уже были знакомы.

Статуэтки у гражданина не приняли, и это повергло его почти что в отчаяние. Вышли из магазина вместе. Кока, не задумываясь, предложил ему взаймы, и тот после недолгих колебаний согласился взять с условием вернуть при первой возможности. Он попытался было вручить Коке бронзу в качестве залога, но Кока не любил таскать тяжести и отказался.

Они обменялись телефонами. Лаборант, что бы у Коки не было сомнений, показал свое служебное удостоверение. Когда при более близком знакомстве Кока узнал, что специальностью Лаборанта являются твердые металлические сплавы, он решил привлечь его к осуществлению своего проекта. Ловцу настоящих и, употребляя распространенный в торговле термин, уцененных человеческих душ было нетрудно найти у Лаборанта слабую струну. Тот постоянно был запутан в каких-то сложных любовных историях и страдал на этой почве от недостатка денег. Тут лежали все его главные интересы и помыслы, да плюс к тому он был обременен семьей. Одним словом, заманчивые золотые дали, раскрытые перед ним Кокой, не просто привлекли — они околдовали его.

Обязанности Лаборанта в корпорации определялись четко: найти способ производства монет-заготовок, из которых затем можно фабриковать фальшивые золотые десятирублевки. Вовлекая Владимира Борнова, Кока говорил, что собирается делать монеты из чистого золота. Но он, конечно, врал, иначе Кока не был бы Кокой. Лаборант и Гравер получили задание изготовить такую монету, которая была бы точной копией настоящей десяти на весу, размерам и внешнему виду, но состояла бы из три четверти из неблагоприятного металла и содержала только одну четверть золота. Надо сказать, Кока проявил известную щедрость по отношению к будущим покупателям, скалькулировав столь по-божески. Золото должно по-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—7.

крывать внутреннюю металлическую болванку достаточно надежным слоем, чтобы царская водка не могла выявить подделку.

Что касается четвертого участника, Пушкарёва, то о его возможностях и способностях Коке было известно еще со времен нэпа, — судьба не однажды сводила их на различных перекрестках. Пушкарёв обеспечивал корпорацию помещением для монетного двора. Его прошлый опыт фармазонщика также мог пригодиться при реализации продукции.

Сам Кока взял на себя заготовку сырья, то есть золота, и общее идейное руководство.

Такова была структура монетного двора и его личный состав.

В течение года компаньоны проделали большую работу. Лаборант проявил подлинную изобретательность и после упорных усилий сумел найти подходящий сплав для сердцевинки и метод нанесения на нее ровного слоя золота. Метод был гальваническим.

Гравер изготовил безупречные штампы. Затем они вместе с Лаборантом сконструировали целый литейный цех в миниатюре для непрерывной массовой отливки заготовок и гальваническую ванну, в которой на сердцевинку будет наращиваться слой золота. Много времени отнял станок для чеканки, но в конце концов было найдено очень удачное решение.

Долго носили Гравер и Лаборант разрозненные детали оборудования. Им помогал Кока. Это оказалось самой нудной частью работы. Хорошо еще, что в парадном, где жил Пушкарёв, с незапамятных времен валялась настоящая чугунная обливная ванна, а то бы худо им пришлось с доставкой главного узла для гальванического цеха. Такую машину ни в портфеле, ни под мышкой не пронесешь.

Настал день, когда компаньоны в глубоком сердечном волнении склонили головы над блестящим золотым кружочком. Он был точь-в-точь как настоящая десятка. Только... только одного не хватало. Как ни бились Лаборант с Гравером, они не в силах были найти способ выбить по торцу монеты надпись: «Золотник 78, 24 доли чистого золота». А без этого все их предыдущие достижения не стоили ни гроша.

Казалось бы, по сравнению с уже преодоленными трудностями эта машинка — сущие пустяки. Однако Лаборант, как самый технически грамотный среди корпорантов, должен был огорчить своих друзей, что решение вставшей проблемы, пожалуй, будет самым затруднительным делом. Без содействия специалиста, имеющего опыт в конструировании аналогичных приспособлений, тут никак не обойтись.

Предприимчиво грозила смерть еще в утробном состоянии. Глядеть на это спокойной Кока был не в силах, и он начал лихорадочные поиски выхода. Тут-то милостивая судьба и поставила на его дороге инженера-конструктора Боркова.

Вербуя его в корпоранты, Кока убивал двух зайцев: выполнял задание Антикавара и выводил из тупика монетный двор. Такого успеха он давно уже не добивался. Однако не так-то было просто получить от Боркова эту машинку. Кока злился на медлительность, Борков объяснял задержку объективными причинами.

Спустя месяц после беседы Коки с Борковым в доме его приятеля на Большой Грузинской Борков вручил Коке небольшую, с обыкновенную нетолстую книгу, но необыкновенно тяжелый сверток, и Кока, попрощавшись с несвойственной ему торопливостью, поспешил к Пушкарёву. Тотчас были вызваны Лаборант и Гравер. Машинку опробовали.

Через несколько дней Кока встретился с Борковым. Он был явно расстроен.

Машинка оказалась непригодной, сделанные на штампе надписи не уместились по торцу монеты. К тому же они очень нечеткие, особенно цифры.

Борков был раздосадован.

— Что вы говорите?! Неужели произошла ошибка в расчетах?

— Выходит...

— Может быть, сгодится все-таки?

— Если ничего не смыслите, лучше помолчите, — разозлился Кока. — Сколько вам потребуется времени для переделки?

— Учитывая некоторый опыт, недели три...

— Многовато. Но ладно. Через три недели зайду. Прошу повнимательнее.

Вскоре, еще до получения от Боркова новой машинки, компания Коки продала первую партию фальшивых монет приезжему из Тбилиси. Было похоже, что Коке удалось приобрести машинку каким-то другим путем.

Теперь работники УБХСС считали, что монетный двор окончательно созрел для ликвидации, и внесли на этот счет предложение. Но представители КГБ решительно воспротивились. По оперативным соображениям на данной стадии преждевременно подвергать фальшивомонетчиков аресту. Арестовать Коку — значило провалить всю задуманную полковником Марковым операцию...

Соображения сотрудников КГБ были одобрены.

Было подтверждено, что Кокой по-прежнему должно заниматься вплотную только КГБ.

Если бы знал Кока, с какой тщательностью контрразведчики оберегали его от давно заслуженной кары! Но он об этом не подозревал, как и о многом другом.

и его отчет шефу получился весьма красочным. Он считал, что Владимир Борков, изготовивший хотя и не пригодившуюся машинку, но тем не менее сделавший соучастником преступной группы, отныне готов для вербовки. Антикавар рекомендовал не оттягивать.

Когда Кока по телефону попросил о встрече, Борков, ждавший гонорара за работу, быстро согласился. Они опять увиделись на Большой Грузинской.

Кока положил свою инкрустированную белым металлом палку на стол, снял тяжелое меховое пальто, повесил его на гвоздь, вбитый в дверь, и не торопясь подошел к столу, за которым, скрестив руки на груди, сидел невесело глядевший Борков.

— Ну-с, молодой человек, я ваш неоплатный должник, — тоном доброго дедушки, привезшего внуку гостинцы, начал Кока. — Вы отлично потрудились, а каждый труд должен быть вознагражден.

Борков усмехнулся, но заговорил мрачным голосом:

— Но ведь машинка-то еще у меня. Смотрю на вас и думаю: если у вас попросить взаймы, вы, пожалуй, дадите, но сначала произнесете речь о вреде алкоголя и об испорченности молодого поколения.

Кока театрально всплеснул руками.

— Неужели похож на этого нудного старикашку? Ай-я-й! Никогда не предполагал. — Кока плавным движением опустил руку во внутренний карман пиджака и двумя пальцами, оттопырив мизинец, извлек небольшой пакетик пергаментной бумаги. — Вам не надо просить у меня в долг. Вы их заработали. Первый ваш образец все же пригодился. Мир, к счастью, не без дураков. — И он положил пакетик перед Борковым. — Двадцатипятирублевыми устроит? Здесь ровно тысяча.

Борков, не изменяя позы, метнул быстрый взгляд на деньги.

— Вы называли, кажется, другую сумму.

— Совершенно верно, — подтвердил Кока. — Но не волнуйтесь, в следующую встречу вы получите еще столько же. У меня сейчас просто нет при себе.

— Лучше было бы сразу, — недовольно бросил Борков.

— Неужели вам не хочется больше меня видеть? — Кока явно поддразнивал его и не скрывал этого.

Борков развернул пакет, взглянул на деньги, спрятал их в карман и сказал:

— Бросьте вы этот дурацкий тон, Николай Николаевич. Не идет. Чего вам от меня еще нужно?

— Помилуй бог, Володя! — воскликнул Кока. — Я просто предполагал, что на этом наша дружба не кончится. У нас могут и в будущем найтись общие интересы.

— Какая там дружба! — Борков махнул рукой. — Что между нами общего?

— Мы уже дважды были полезны друг другу.

— Ну и хватит.

— Я бы так категорически не отказывался.

У меня вы всегда найдете возможность заработать лишнее. Есть много способов.

— Например?

Кока опустил глаза, долго рассматривал свои коротко остриженные ногти, наконец произнес:

— Боюсь говорить. Боюсь, не так поймете.

— Да уж пойму. До сих пор получалось.

— Ну, хорошо. — Кока как бы собрался с духом. — Вы можете, например, раз в два-три месяца составлять для меня коротенький отчет, что вам приходилось делать на работе, лично вам. За хорошую плату...

Борков съехался при этих словах, но тут же принял злой и презрительный вид. Наступило долгое молчание. Борков смотрел на Коку, плотно сжав губы, словно решив не отвечать вообще. Это выглядело как предложение убираться к чертовой матери. Но Кока уже не отступал.

— Что же вы скажете?

— Вы, Николай Николаевич, сошли с ума. Обратитесь к психиатру.

— Это ничуть не страшнее, чем ваша машинка.

Борков порывисто встал, отшвырнул стул и почти закричал:

— Ах, уже машинка моя! Не ваша, нет! Моя! — Он стоял над Кокой со сжатыми кулаками.

Переход от полного спокойствия к бурной вспышке был так неожидан, что старик на мгновение растерялся.

— Не волнуйтесь, Володя, — сказал он примирительно. — Я не вылаживал в свои слова никакого особого смысла.

— Это шантаж! — по-прежнему громко выкрикнул Борков. — Вы провокатор! На кого вы работаете, старая сволочь?

Кока вздрогнул, как от пощечины. Плечи у него опустились.

— Я не заслужил... — начал было он, но Борков не дал договорить.

— Посмотрим! Я сейчас возьму тебя за шиворот и отвезу на Лубянку. — Сказав это, Борков сразу успокоился. — А ну-ка, одевайся, дорогой мой вербовщик, я тебя сейчас завербую куда надо.

Кока почувствовал, что наступил решающий момент. Он тоже поднялся и встал перед Борковым.

— Хорошо, мы пойдем. Но вы не учитываете одного важного обстоятельства.

— Не валяйте дурана, — отмахнулся Борков. — Обстоятельства яснее ясного.

— Может быть, нам лучше обсудить все мирно, без крика?

— Одевайтесь! — приказал Борков.

Тогда Кока сел и невозмутимым голосом заговорил монотонно, как будто читал вслух чужую речь:

— Должен предупредить вас о следующем. Мне известно все, что случилось с вами в Брюсселе. Я, конечно, скажу там, куда вы меня собираетесь вести, и о Брюсселе, и о долларах, и о сделанной вами машинке. После этого, надеюсь, ваша судьба будет ненамного слаще моей. Учитывая все это, вы должны понять, что ваше намерение непродуманно, более того, безрассудно.

Борков склонился над Кокой, опершись рукой о спинку его стула.

— При чем здесь Брюссель, старая крыса?

— Я не крыса и не сволочь, — задыхаясь, прошептал Кока. — Ты ценю! Я этого не забуду. Ты еще пожалеешь, что оскорблял меня. На, смотри!

С этими словами Кока вынул из того же кармана, что и деньги, другой пакет — в плотной черной фотографической бумаге — и швырнул его на стол.

Борков развернул пакет, извлек из него пачку фотографий и начал медленно перебирать их.

Кока следил за ним с неприкрытым злорадством, угадывая по выражению лица, какую он нарточку рассматривает в данный момент.

...Вот он, Борков, сидит с женщиной за столиком в ресторане, они смотрят, улыбаясь, друг на друга с поднятыми бокалами в руках.

...Борков и женщина танцуют.

...Они же в номере гостиницы. Пьют вино.

...Борков крупным планом — пьяное лицо.

...На низкой кровати лежит Борков и рядом с ним в постели та же женщина.

...Женщина обнимает и целует Боркова.

...Борков и женщина, оба раздетые.

...Борков в трусах стоит около кровати и смотрит на дверь.

...Женщина держит в руках дамские принадлежности.

...У кровати стоит растерянный Борков, рядом — женщина с растрепанными волосами и двое полицейских в форме.

...Борков и Филипп. Борков отсчитывает деньги.

...Улица Брюсселя в яркий, солнечный день. Метрдотель Филипп и Борков идут по тротуару

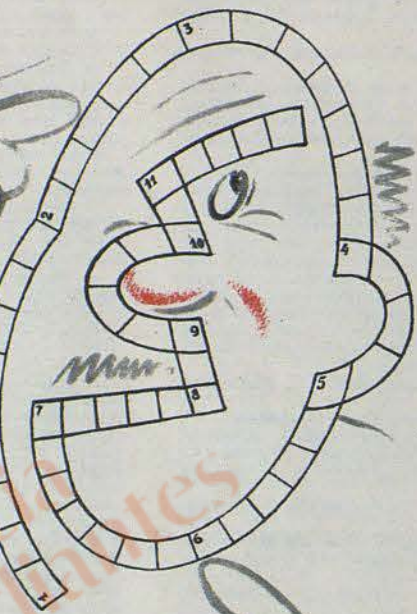
16. БОРКОВ ПРОЯВЛЯЕТ ХАРАКТЕР

Умолчав о подробностях истории монетного двора и о своей собственной в нем роли, Кока во всем остальном не поскупился на детали,

Предлагаем читателям изочайнворд, придуманный и нарисованный художником В. Черниковым. Отгадайте подписи к рисункам и внесите в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д. Фамилии читателей, отгадавших изочайнворд, будут опубликованы в журнале.

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

Американские конструкторы придумали оригинальный способ обнаружения потерпевших кораблекрушение. К резиновой спасательной лодке прикрепляется оболочка воздушного шара и сосуд с гелием. После спуска лодки на воду шар наполняется гелием и поднимается на канате, указывая самолетам место катастрофы.

Пестрые

БУДУЩАЯ ЧЕМПИОНКА?

Семилетняя девочка из Гамбурга Юта Хемпель провела сеанс одновременной игры с двенадцатью мастерами шахмат. Юта в этом турнире проиграла всего лишь одну партию.

ПЕРЕПЕЛИНАЯ ФЕРМА

В небольшом ущелье на Северном Кавказе живут домашние перепелки с Японских островов. Эти птицы принадлежат хостинской перепелиной ферме. Ежедневно каждая несушка приносит по одному яйцу, которое обладает высокими целебными свойствами. В нынешнем году перепелиная ферма поставит сочинским здравницам 450 тысяч яиц.

О. РУМЯНЦЕВА

КУРСЫ НЯНЬ

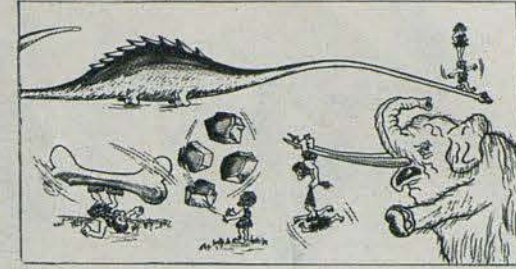
Со всей серьезностью эти молодые люди из Берлина учатся вместе с будущими матерями пеленать, купать и кормить детей. Преподаватели находят, что юности воспринимать все эти премудрости быстрее, чем де-вушки.

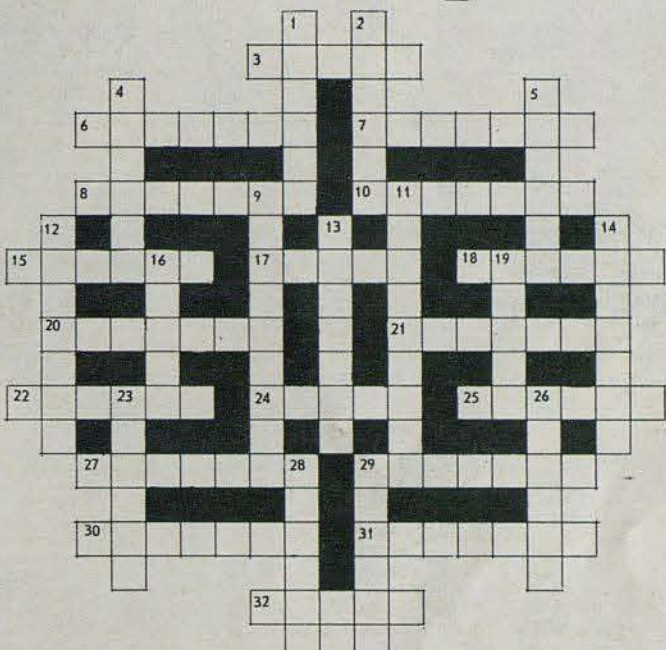
— Этот — вежливый, всегда стучит...
Рисунки В. Тамаева.

ШКОЛА ДЛЯ ХОЛОСТЯКОВ

В Лондоне недавно открылась школа для холостяков, где их обучают готовить еду, гладить костюмы, шпатель носки, убирать комнату и даже шить и вязать...

Цирк до нашей эры.
Рисунки Н. Елинсона.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Остров в Эгейском море. 6. Балет С. Прокофьева. 7. Похищение в горном хребте или массиве. 8. Постройка в саду. 10. Винтообразная линия. 15. Государство на побережье Средиземного моря. 17. Порт в Югославии. 18. Спортивная игра. 20. Город на Украине. 21. Опера Бетховена. 22. Русский живописец, передвижник. 24. Мужской голос. 25. Та-нец. 27. Приток Енисея. 29. Оливковое дерево. 30. Породаобразующий минерал. 31. Ансамбль из пяти исполнителей. 32. Французский скульптор.

По вертикали:

1. Обезьяна. 2. Типографский шрифт. 4. Небесное тело. 5. Сухопутный острокопечный капишон. 9. Птица. 11. Небольшая железнодорожная станция, полустанок. 12. Марка автомобиля. 13. Низкий буфет. 14. Рассказ А. П. Чехова. 16. Набросок чертежа, рисунок. 19. Водоём. 23. Персонаж драмы А. Н. Островского «Бесприданница». 26. Шведский естествоиспытатель XVIII века. 28. Синтетическое волокно. 29. Трагедия В. Шекспира.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

3. Пристли. 8. Водород. 9. Телеграм. 10. Ракита. 11. Карп. 16. Вольтижировка. 17. Нутрия. 18. Драп. 20. Страдивари. 23. Овал. 25. Ангола. 26. Перламутровка. 28. Ниас. 31. Парник. 32. Кибитка. 33. Калория. 34. Воржоми.

По вертикали:

1. Виадук. 2. Статор. 4. Воркута. 5. Монтаж. 6. Тембенчи. 7. Либретто. 12. Прага. 13. Сопрано. 14. Юрта. 15. «Дикий». 19. Прототип. 20. Сказание. 21. Репин. 22. Врач. 24. Транзит. 27. Ушаков. 29. Иматра. 30. Сектор.

На первой странице обложки: Командир подразделения разведки Валентин Козловский и младший сержант Владимир Фомин (см. в номере репортаж «Ровесники»).

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Цветок одного из красивейших кактусов «Лобивия херттрихияны» из коллекции московского кактусовода И. А. Залетаевой. Прина Александровна занимается выращиванием кактусов 15 лет. В ее коллекции 350 видов кактусов. Она поддерживает контакты с учеными и любителями-кактусоводами 18 стран.

Фото В. Полякова.

плечом к плечу. Филипп смотрит прямо в объектив. Борнов повернулся к своему спутнику и что-то говорит ему, протягивая большой сверток, который держит в левой руке. Вид у Борнова помный и растерянный. ...Точно такой же кадр, только теперь пакет держит Филипп. Он протягивает Борнову белый маленький конверт, стараясь сделать это незаметно. Но жест отлично виден. ...И, наконец, последнее — репродукция служебного удостоверения Борнова в натуральную величину. — Та-ак... — протянул Борнов, сложив фотографии. — Сначала вы всучили мне доллары, а теперь шантажируете Брюсселем. Издалека зашли... Кона уже окончательно оправился. К нему вернулась прежняя уверенность. — Не говорите ерунды, — презрительно заметил он. — Не я вас искал, вы сами меня нашли, когда вам понадобилась валюта. Подозревать в предумышленности скорее можно вас, а не меня. — Откуда же фотографии? — Это другой вопрос. — Не считайте меня Ванькой с Пресни. Таких совпадений не бывает. Значит, снабдили долларами, а потом на всякий случай сообщили туда, на Запад, что едет, мол, подходящий субъект. Так, что ли? Только теперь, после того как Борнов высказал свои предположения насчет заранее под-

готовленного шантажа, у Кона исчезли его собственные подозрения относительно Борнова. Он с облегчением почувствовал, что не испытывает больше к Борнову прежнего смутного недоверия. — Что вы действительно субъект, согласен. Остальное — чепуха, — сказал Кона. — Кто дал вам фотографии? — снова спросил Борнов, но уже тихим, усталым голосом. — Ишь, чего захотели! — Кона даже развеселился. Он, кажется, начинал испытывать к Борнову нечто вроде симпатии. — Вы еще не раздумали вести меня на Лубянку? — Она от вас не уйдет, — мрачно откликнулся Борнов. — И от вас тоже. — Наверное. Но я устал с вами разговаривать. Давайте кончать. — Я с самого начала хотел, чтобы мы договорились побыстрее. Но у вас же амбиция... — Пока будто бы оправдывался. — Мое предложение вы уже слышали. Слово за вами. — Что именно интересует вас в моей работе? — Все, что вам приходится делать. — Я должен излагать в письменном виде? — Да. — И передавать вам? — Да. Борнов хлопнул ладонью по столу.

— Не пойдет. — Почему? — удивился Кона. — С вами я больше общаться не хочу. — Но почему же? — Вы валютчик и фальшивомонетчик. Да еще и шпион. Слишком много для одного человека. Вас быстро разоблачат. Во второй раз Кона представилась возможность оценить рассудительность молодого партнера. И подивиться в душе, как может это редкое для молодых людей качество уживаться у Борнова с легкомыслием. — Откуда вдруг такая цепетильность? — деланно обиделся он. — Каким вам разница? — Если я должен кому-то передавать какие-то сведения, то предпочитаю иметь дело с человеком, который не на виду у милиции. — Что вы, что вы! Я чист, я вне всякой опасности в этом смысле. — Трудно сказать. Может быть, за вами давно следят. Одним словом, не хочу. — Но это уж просто напиз. — Кона пожал плечами. — Как вы не понимаете! — горячо воскликнул Борнов. — Это что, игрушки, по-вашему? Или у вас и правда старческий маразм? И так я уже, и сожалению, слишком часто появлялся на вашей орбите. — Одно с другим совершенно не связано, — заверил Кона. — Нет, я еще раз говорю: с вами никаких дел.

Продолжение следует.

ПОЛЕ ХЛЕБНОЕ И ФУТБОЛЬНОЕ — РЯДОМ

А. ЩЕРБАКОВ

Фото Л. Бородулина.

— Председателя к телефону!
— Нету...
— А где он?..
— На поле... Футболистов учит...

Алексея Степановича действительно нашли на футбольном поле. Он показывал приемы остановки мяча, удары подъемом, финты... Ребята тщательно повторяли, а проходившие мимо тетки вздыхали: «В наказание, что ль, нам бог такого чудного председателя послал. У людей председатели хозяйство поднимают, а наш мяч гоняет!»

...Колхоз имени Калинина, когда Алексея Старикова рекомендовали сюда председателем, действительно едва сводил концы с концами. Волновало это нового председателя, однако больше всего его тревожило положение с людьми. С одними стариками хозяйство не вытянешь, а молодежь в деревне не оставалась ни в какую: чуть на ноги — и в город. Как же удержать ее в колхозе? Алексей Степанович видел только один выход: убедить, что в селе можно жить не менее интересно, чем в городе. Почему же не использовать для этого и спорт? Человек,

фанатически влюбленный в спорт, сам хороший спортсмен, он задумал использовать свое пристрастие.

...На первые тренировки выходил с двумя сыновьями: Алешей, Вовкой — и еще с Васильком, сыном директора местной школы. Другие мальчишки сперва присматривались, а потом стали проговаривать сами. Возникла футбольная команда, вторая, третья. А Стариков еще и перворазрядник по стрельбе. Вот он и начал подбивать других записываться в стрелковую секцию. Рассчитывал просто: сколотить хоть несколько коллективов, чтобы выступать на соревнованиях. На соревнования непременно пойдут посмотреть, глядишь — и другие втянутся. Вот тебе и массовость.

И такой момент настал. Соревновалось несколько бригад. В программе футбол, стрельба, волейбол. Азарт вспыхнул невероятный: «Неужели наши хлопцы параконских не одолеют? Быть того не может!»

Популярность спорта в артели росла и росла. Вот уже в каждой деревне есть свои футбольные команды, колхоз выигрывает пер-

венство республики среди сельских коллективов; стрелки привозят из Бреста кубок области, а колхозных мотоциклистов включают в команду района. И вот первый общеколхозный спортивный праздник, открывается на общественных началах детская спортивная школа, и ее директор, комсорг колхоза Иван Гончар, собирает в секции всех ребят, вплоть до дошкольной мелюзги. Но окончательно Стариков понял, что победил, когда однажды в напряженную августовскую пору женщины из льноводческого звена сказали ему: «Степаныч, хоть завтра и воскресенье, а в поле не ехать нельзя. Это мы понимаем, но пусть за нами машину чуть свет пришлют, чтобы до двух часов управиться: в нашей бригаде футбол, нельзя же пропустить». А в правление колхоза одно за другим стали поступать заявления: «Прошу правление колхоза имени Калинина принять меня на работу в качестве тракториста. Михаил Пилевич», «От Михаила Сошнянина. Прошу дать мне работу тракториста», «Прошу принять меня в колхоз шофером. Петр Сарипник». Это все от ребят, демобилизовавшихся из армии.

Теперь Алексея Степановича не считают больше чудачком, нет к тому никаких оснований. Люди убедились, что занятия на футбольном поле обязательно аукнутся и на поле хлебном. На последнем спортивном вечере Стариков говорил об этом. И о том, что в колхозе за год появилось 124 разрядника, что правление приняло решение построить к 50-летию Советской власти два клуба со спортивными залами, раздевалками и душевыми, плавательный бассейн. Председатель подчеркнул, что колхоз не жалеет денег на развитие спорта. Напомнил, что в прошлом году провели семь спортивных праздников. И всякий раз на праздниках сливаются вместе труд и спорт. 115 человек получили звание заслуженных механизаторов, полеводов, животноводов, а среди лучших колхозных спортсменов счетовод Валя Сосновская, шофер Валентин Бердник, тракторист Николай Чечун, ученица Нина Колесник, полевод Григорий Савило, заведующий мастерскими Владимир Шумарин. Несколько человек колхоз намерен послать в этом году учиться в институты и техникумы физкультуры.

Председатель говорил об этом на празднике 22 января. Это был небывалый праздник. Из Москвы приехали в колхоз заслуженный мастер спорта олимпийский чемпион Петр Болотников, в прошлом знаменитый вратарь заслуженный мастер спорта Анатолий Акимов, мастер спорта горнолыжник Валентин Груздев. Из всех сел стекались накануне праздника колхозники. В субботу и воскресенье колхоз жил спортом. Вечером выступили московские гости, а потом вручили разрядникам значки. Анатолий Михайлович Акимов вдобавок подарил колхозной футбольной команде фотографию нашей сборной по футболу с автографами всех игроков!

Утром пришла очередь удивляться гостям. Одних только лыжников вышло на старт более 200 человек. Соревновались стрелки, мастера вождения конных упряжек, бригада на бригаду тянули канат и под занавес — футбол на снегу с командой из Пинска.

Пинский район, Белорусской ССР. По телефону.

На линии огня председатель колхоза А. С. Стариков.

Заслуженный мастер спорта П. Болотников вручает кубок победителю гонок Григорию Савило.

Бригада на бригаду.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорт — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-38-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00330. Подписано к печати 15/II 1987 г.

Формат бум. 70×108/16. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 2 000 000. Изд. № 345. Заказ № 321.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47. ул. «Правды», 24.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление И. МИХАИЛИНА.

